

Зачем
тебе алиби...

Кто-то
должен умереть

А н н а
МАЛЫШЕВА
ГОЛОСА НОЧИ

ЗАЧЕМ ТЕБЕ
АЛИБИ...
•
КТО-ТО
ДОЛЖЕН
УМЕРЕТЬ

Анна Малышева
Голоса ночи (сборник)

«АСТ»

2012

Малышева А. В.

Голоса ночи (сборник) / А. В. Малышева — «АСТ», 2012

Анна Малышева – один из самых популярных писателей детективного жанра. Из-под ее пера уже вышло более трех десятков книг общим тиражом более пяти миллионов экземпляров. Мастерски закрученная интрига, психологизм характеров и неожиданная развязка – вот главные составляющие остросюжетных романов, вошедших в сборник «Голоса ночи». Хотите настоящий детектив – возьмите роман Анны Малышевой!

© Малышева А. В., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Зачем тебе алиби...	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	43
Глава 5	55
Глава 6	68
Глава 7	81
Глава 8	93
Глава 9	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Анна Малышева

Голоса ночи

Зачем тебе алиби...

Глава 1

Девушка шла по улице медленно, с трудом передвигая ноги. Устала после бессонной ночи? «Ничего подобного!» – ответила бы она, если бы кто-то ее об этом спросил. Никогда не любила признаваться в своих слабостях, а слабостей было предостаточно. Но кто стал бы ее спрашивать на пустынной улице в шесть часов утра? Девушка поднесла к глазам левую руку, посмотрела на часы. Красивые часы, дорогие, и рука тоже красивая, тонкое запястье с выдающейся косточкой, длинные пальцы. «Как у пианистки, – подумала она. – Но я не умею играть. Ни на пианино, ни на губной гармошке. Ни слуха, ни голоса. Танцую плохо. Хожу, как корова. Давай, шевели ногами! Давно пора быть там».

Майское утро, холодное ясное утро. Пустая улица. Она бесшумно шагала в мягких туфлях на плоской подошве. Каблуков она носить не умела, шаталась на них: с детства была плохая координация движений и с годами ничего не улучшилось. Вот он – дом, который ей нужен. Девушка остановилась, еще раз посмотрела на часы. Поняла, что делает это специально, чтобы оттянуть тот момент, когда придется войти в подъезд, подняться по лестнице, открыть дверь. Но сейчас она все это сделает.

И она сделала все это. Вошла в подъезд, стала подниматься вверх, глубоко сунув руки в карманы голубого плаща, чтобы не хвататься за перила. Скверная привычка. «Ты как старуха, – часто ругал ее муж. – Скоро костыль тебе куплю. Двадцать пять лет, а по лестнице поднимаешься полчаса». Наплевать. Пятый этаж. Лифта нет. Пятый этаж – последний. Хрущевский дом. Узкая лестничная площадка. Две двери, одна обита бордовой поддельной кожей. Железная дверь. «Под кожей – железо, – почему-то подумала она. – Вот бы и мне так. Немножко железа под мою кожу, чтобы не было этого противного страха. А бояться ведь нечего. Я – никчемная дура. Трусиха. Так он всегда говорил. Идиотка. Доставай ключи! Открывай дверь! Заходи! Ты же сто раз обдумала, как сделаешь все это сегодня утром!» Она всегда говорила с собой в таком тоне, если не могла на что-то решиться. Очень часто говорила. Получалось, что существуют две Анжелики. Первая – трусиха, дурочка, паникерша. Вторая – умная, сильная, уверенная в себе, отдающая приказы слабой подруге. Но секрет был в том, что второй, сильной Анжелики никогда не существовало. Она ее выдумала, чтобы было легче жить.

Ей было двадцать пять лет. На ней был голубой плащ, джинсы, помятая белая рубашка, туфли на плоской подошве. Черные волосы до плеч, серые глаза, неуверенная улыбка. Когда она улыбалась, казалось, что о чем-то хочет спросить собеседника. Кого-то эта улыбка удивляла, кого-то, например ее мужа, раздражала.

Анжелика достала ключи, отперла дверь, потянула ее на себя, вошла. Ноги подкашивались. Все силы ушли на то, чтобы снова прикрыть за собою дверь и запереть ее изнутри. А как не хотелось этого делать!

Родная квартира. Она постояла на пороге, прислушалась. Абсолютная тишина. Значит, все удалось. Иначе он бы сейчас вышел, хмуро посмотрел ей в глаза, скривил губы, спросил: «Где была?» А его нет. Как тихо! Тихо в обеих комнатах и на кухне. Все – малюсенькое, но не убогое. Он сделал хороший ремонт. Конечно, не своими силами – руки у него к тяжелой работе не приспособлены. В квартире сняли ужасный вонючий пол из потертого крагиса, настелили

ковровое покрытие, положили мраморную плитку на кухоньке. Обои тоже содрали, выкрасили стены в пастельные нежные цвета, довели до ума потолок, поменяли все окна и двери. «Жить бы и жить», – при этой мысли ей стало нехорошо. Какой-то дурацкий смех зашевелил горло. «Ну, прекрати, – приказала она себе. – Иди в комнату. Вот в эту. Дура!» «Почему вот в эту?» – слабо возразила она самой себе. Откуда ты знаешь? Насчет комнаты никто не договаривался...» «Знаю, и все. Это его комната, понимаешь? – ответила сильная Анжелика. – Значит, он там. А тебя никто не спросил. Вот открой дверь и увидишь, что я была права».

Она открыла дверь его комнаты. Бросила беглый взгляд, сжалась, но не закричала, не заплакала. В конце концов, она знала, что именно увидит. Только смотреть больше не хотелось. Она вошла, прислонилась спиной к холодной гладкой стене. Руки при этом снова держала в карманах. Когда она их туда сунула – не помнила. Ничего больше не помнила, и никто не подавал ей советов. Сильная Анжелика умолкла. Она осталась со своим страхом наедине. В комнате было темно – окно задернуто плотными шторами, которые совсем не пропускают света. Если бы не щелка между шторами, она бы ничего не увидела.

«Посмотри на пол, – сказала она себе. – Для начала еще раз посмотри на пол и скажи, что ты там видишь». Глаза уже привыкли к слабому освещению, но смотреть она больше не хотела. Закрыла глаза. «Я сейчас упаду в обморок, – поняла девушка. – Это слишком для меня!»

Незачем туда смотреть. Не надо смотреть. Я и так все знаю. Надо уходить. Нет! Ничего не хочу! Это слишком для меня!»

Уйти было нельзя, и она прекрасно это понимала. Она все понимала, кроме одного – как ей теперь жить, что делать. И как всегда в такие минуты, Анжелика применила испытанный способ. Способ был простой, и наверное, дурацкий. Она никогда никому о нем не рассказывала. Назвали бы в очередной раз дурочкой, фантазеркой и, все. Но это помогало. Все было очень просто. Когда она оказывалась в затруднительном положении и ничего не могла понять, Анжелика начинала раскладывать все случившееся по пяти полочкам. Пять полочек – пять чувств, отпущенных человеку природой. Зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Постепенно все вставало на свои места. Даже самое ужасное становилось относительно простым и понятным. Во всяком случае, для нее. Она никому не давала этого рецепта, хранила его в тайне. И сейчас тоже воспользовалась проверенным способом, но для этого Анжелике все же пришлось открыть глаза.

Первым, что она увидела, была его рука. Знакомая смуглая рука, безвольно откинута на ковровое покрытие. Короткие пальцы, испачканные чем-то черным. Она отлепилась от стены и подошла поближе. Наклонилась. Пальцы были испачканы пеплом. Она хотела было отдернуть штору, чтобы получше все рассмотреть, но не сделала этого. В комнате стало как будто светлее, начинался день. Его рука. Она смотрела только на руку и в конце концов стала различать даже петлистые узоры на кончиках пальцев. Рядом на полу валялась сигарета. Незажженная. Не успел закурить. Потом она рассмотрела белый манжет его рубашки. Выпрямилась, шагнула к окну, отдернула штору. Окна выходили на восток, и в комнату ударили лучи солнца. Она зажмурилась, потом медленно открыла глаза. Повернулась, снова посмотрела на него. Его темные волосы блестели на свету, одна прядь косо упала ему на лоб. Лоб очень спокойный, высокий, смуглый. Глаза закрыты, короткие ресницы неподвижны. На щеках проступила синеватая щетина. Губы... На губы она не хотела смотреть. В них не было ничего страшного, но смотреть она не хотела. Слишком знакомые губы. Слишком. «Хватит смотреть, – сказала себе Анжелика. – Больше не хочу!»

Теперь она прислушивалась. Тикали часы – очень громко. Чьи часы? Только не ее собственные и не его... Часы на стеллаже с книгами. Большие часы, его приобретение. Под старину. Ей они никогда не нравились. Теперь она сможет их выбросить или кому-нибудь подарить. Кроме тиканья часов, не было слышно ничего. А, нет – вот внизу, на улице, проехала машина. Еще одна. Да там уже полно народу! Откуда все они взялись? Когда она пришла сюда,

никого еще не было. Время было выбрано удачно. Ее никто не видел. А если бы и увидели – так что? Девушка возвращается домой, к своему законному мужу. Почему на рассвете? Почему не ночевала дома? Это не повод для обвинений. Это – ее алиби. Даже лучше будет, если кто-то видел ее из окна дома, когда она вошла в подъезд в шесть утра. Возможно, кто-то и видел. Тикают часы, едут машины. А больше она ничего не слышит.

Обоняние. В комнате пахнет какой-то кислятиной. Странно – откуда? Еще – застоявшимся табачным дымом, наверное, он выкурил пару сигарет, прежде чем... Анжелика наклонилась, подняла незажженную сигарету, достала из кармана зажигалку, высекла огонь, закурила. Зачем? Сама не знала. Просто хотелось хоть что-то сделать. Теперь табаком пахло еще сильнее. Она знала, что, если наклонится к мужчине совсем близко, услышит запах его одеколона. Любил «Гавану». А больше ничем не пахнет. Анжелика открыла форточку, когда покончила с запахами.

Осязание было самым неприятным из всех чувств. Но она все же опустила на колени рядом с ним, взяла его руку. Рука была жесткая и холодная, она отдернула пальцы. Погладила его по голове, волосы были шелковистые, лоб показался ей влажным. Еще раз провела рукой по его лбу. Показалось. Сухой лоб, просто холодный. Она забыла о сигарете, которую держала в другой руке, и коротко вскрикнула – неловко сжала ее, обожглась. Погасила сигарету в пепельнице, посмотрела на свою руку, на его... Встала, подошла к столу, подняла невесомую телефонную трубку. Трубка была такая легкая, а слова будут тяжелые. «Она сломается в моих пальцах, эта трубка, мой голос ее сломает», – подумала она. Но пальцы у нее не дрожат, они крепко обхватывают трубку.

Вкус? Во рту прохладно, пахнет мятой. Неизвестно почему. Язык какой-то чужой. Анжелика помолчала, стоя с прижатой к уху трубкой, мятный вкус щекотал ей рот. «Спокойно, – сказала она себе. – Это только начало. Будет еще день, и еще ночь, и все это ты должна пережить. Будет еще много всего». Провела кончиком языка по губам. Его губы. Ее губы. Их губы так часто соприкасались. Зачем об этом сейчас думать? Анжелика почувствовала на языке что-то теплое, соленое. «Неужели я плачу? – спросила она себя. – Да. Вот уже минута, как я стою так и плачу». Она набрала номер и, дождавшись ответа, сиплым голосом сказала: «Моего мужа убили». Сказала свое имя, адрес, просила приехать скорее. Положила трубку, повернулась к мужу и смотрела на него долго, долго. «Я выдержала, – сказала она себе со странной гордостью. – Я все выдержала, все сделала, значит, не так уж я слаба, значит, все удалось. А на остальное мне наплевать».

– О чем они тебя спрашивали?

Анжелика сидела сторбившись, свесив руки между колен, смотрела в пол усталыми, покрасневшими глазами. Услышав вопрос, даже не подняла головы. Тогда он наклонился к ней и потряс за плечо:

– Да что такое? Что случилось?

– Оставь меня в покое... – выдавила она, поднимая на него глаза.

Саша внимательно поглядел ей в лицо, скривил губы... Точно, как ее муж! Она даже вздрогнула, хотя в этом не было ничего удивительного. Ведь они с Сашей были родными братьями. Сходство было несомненным – те же темные глаза, короткие ресницы, грубоватые руки, блестящие каштановые волосы, смуглая кожа... Только муж был ростом пониже и заметно начинал полнеть. А Саша в свои тридцать лет выглядел как мальчишка – худенький, узкобедный.

– Я тебя оставляю в покое, когда ты мне все расскажешь! – заявил он, садясь перед ней на корточки. Она отвела глаза в сторону, посмотрела на Лену. Та курила, глядя в окно, сигарета заметно вздрагивала в ее руке.

– Да что тебе рассказывать? – вздохнула Анжелика. – Все было так, как надо.

– Ну и выражения у тебя, – негромко заметила Лена. – По-твоему, все это нормально?
– Слушай!... – Анжелике от негодования не хватало воздуха. – Не прикидывайся чистенькой! Можно подумать, ты осталась в стороне!

– Все, девчонки, замолчали! – Саша хлопнул Анжелику по колену, резко повернулся к жене: – Особенно ты молчи! Чуть не провалились – из-за тебя!

Анжелика наконец глотнула столько воздуха, сколько надо, и немного пришла в себя. Саша миролюбиво обратился к ней:

– Давай, расскажи быстренько. Потом Ленка сварит кофе.

– Это мы еще посмотрим, – раздалось из угла. Но больше Лена ничего не сказала.

Анжелика пожала плечами:

– Уехала из дома вечером, в одиннадцать часов уже играла на пароходе «Александр Блок». Как договорились.

– Кто там был из наших?

– Лизка, Ксения, Армен...

– Они все тебя видели?

– Конечно. Мы с Ксенькой сидели рядом за столом. Лизка с Арменом играли в рулетку. Мы – в блек-джек. Они все трое меня видели всю ночь. Мы выпивали в баре... Я все фишки слила, около пятисот долларов, потом немного отыгралась... Конечно, понервничала, я всегда переживаю... А Ксенька все время выигрывала. Лизка, кажется, тоже осталась в минусе, Армен дал ей денег, чтобы она отыгралась. Да! – воскликнула Анжелика. – Я там потрепалась с одним мужиком, сидел рядом за столом. Он видел, как я проигрываю, и подарил мне фишку за двадцать долларов.

– Ты что, его знаешь?

– Нет, первый раз видела. Он слил две тысячи баксов и все смеялся: «Девушка, мне нравится, как ты играешь». Подарил мне фишку и потом слил еще тысячу на моих глазах. Потом сошел на берег и уехал. Где-то в пятом часу утра.

– Ладно, еще один свидетель не помешает, – кивнул Саша.

Анжелика прикрыла веки. Она успела наплакаться, да еще бессонная ночь, да еще... Глаза невыносимо резало, они слезились.

– Потом Армен с Лизкой куда-то пропали. Домой, наверное, поехали...

– А Ксения?

– Она осталась до пяти утра.

– Она подтвердит, что ты там была до утра?

– Да. Мы вместе ловили машину.

– Постой... Так ты ехала домой с Ксенией?

– Ну, почти. Мы вместе доехали почти до ее дома, это была половина шестого... Там рядом метро. Я увидела, что метро уже открылось, и сказала Ксеньке, чтобы меня высадили тут. У меня не было денег, чтобы расплатиться с водителем, а у Ксеньки занимать бесполезно.

– Она же выиграла?

– Ну и что? Ты эту жмотину не знаешь!

– Какие вы все идиоты... – протянула из своего угла Лена. – Господи, зачем я с вами связалась...

– Доехала в метро до дома, потом пешком, потом вошла в квартиру, открыла дверь, вызвала милицию. Все!

– Не все. Что там было?

– В квартире? – удивилась Анжелика. – Он там был. Кто же еще?

– Черт! Я тебя спрашиваю, как он выглядел?

– Не спрашивай ты меня об этом, – возразила Анжелика. – Как он выглядел? Господи... Ясно же... Он был мертв.

– Идиоты... – повторила Лена.

– Заткнись! – Саша даже не повернулся к ней. – Лика, послушай, это глупость, то, что я тебе сейчас скажу... Но Ленка подтвердит, что я говорю правду...

– Что такое? – Анжелика непонимающе глядела на него. – Что еще? Он был мертв, говорю вам... Будто вы сами не знаете... Господи, неужели нельзя не говорить больше об этом?! Меня всю трясет! Я не могу об этом говорить, я там была полдня, я говорила с милицией, я едва с ума не сошла... Наконец, он был моим мужем! Черт! Как бы там ни было, а я до сих пор не верю, что пошла на это, не верю...

– Никто на это не пошел, – тихо и внушительно ответил Саша.

– Что?

– Не поняла? Мы этого не делали.

Анжелика застыла, переводя взгляд с Саши на Лену и обратно. Те смотрели на нее как-то странно. Лена – напряженно и выжидающе, Саша впился глазами ей в лицо, ожидая реакции.

– Вы что, ребята? Так не пойдет... Зачем вы врете?

– Да не врем мы, – резко оборвала ее Лена. – Он правду сказал. Мы его не трогали!

– Да что это такое!

– Не веришь? – Саша схватил ее за руку. – Слушай, когда мы туда пришли и позвонили в дверь, нам никто не открыл. Мы решили, его дома нет. Открыли дверь сами, теми ключами, которые сделала ты, вошли...

– А он был в комнате, – Лена вскочила со стула и подошла к ним. – Мертвый.

– Вы... – У Анжелики дрожали губы. – Вы только что все это придумали!

– Да нет же!

– Врете!

Лена попыталась взять ее за руку, но Анжелика отдернула пальцы:

– Врете, врете! А зачем вы врете, не могу понять! Ну зачем?! Хотите выглядеть чистенькими по сравнению со мной? Испугались? Вы же говорили – никто никогда не узнает, никто нас не найдет...

– С ума ты сошла...

– Ленка, это ты с ума сошла! – выпалила Анжелика. – Я тебя просто не узнаю! Какая ты была умная, какая смелая, когда мы все обсуждали! Да что там было на самом деле – можете сказать? Вы позвонили, он вам открыл, вы вошли, выпили кофе... А дальше?

– Он нам не открывал, и кофе мы не пили... – прошептала Лена.

– Ну, конечно! – издевательски протянула Анжелика. Она была близка к истерике.

– Слушай, можешь нам не верить, но, когда мы пришли, уже ничего не надо было делать, – отрезал Саша. – Он был мертв, слышишь, и не мы это сделали. Мы оказались в дурацком положении.

– Чуть не рехнулись, – добавила Лена.

– Я рехнусь сейчас, я! – завывала Анжелика. – Зачем все это, зачем?!

– Да ни за чем! – Саша закурил, сунул незажженную сигарету Анжелике. – Успокойся. И не кричи. Мы вдвоем должны все обдумать. Я ни черта не понимаю. Кто это сделал? Почему именно этой ночью?

Анжелика держала в руках сигарету. Вертела ее между пальцами, поворачивала так и сяк, но не зажигала. Сунула ее в рот, но тут же вытащила, посмотрела на марку.

– Это ты куришь? – спросила она Сашу.

– Что? – удивился он.

– «Мальборо». Я спрашиваю – ты куришь «Мальборо»?

– Ну и что?

– Ничего. А ты, Ленка?

Та обеспокоенно смотрела на Анжелику, потом переглянулась с мужем. Их взгляды говорили «сходит с ума». Анжелика все поняла и взбесилась:

– Отвечай, если я спросила! Ты что, куришь?

– Мы курим одну марку... – пробормотала Лена. – Я вообще редко курю... Да какая тебе разница? Нашла о чем думать...

– Какая разница... – прошептала Анжелика. – Вы курите «Мальборо». Он курил «Житан», крепкие. Я – что попадется, но без ментола.

– Рехнулась?

– Не больше вас. – Анжелика помедлила, рассматривая их изумленные лица. Было мгновенное сомнение – говорить или нет? Наконец она осторожно произнесла:

– Можете дать гарантию, что никто из вас не принес туда с собой другие сигареты? Не «Мальборо»?

Саша покачал головой, Лена от удивления приоткрыла рот.

– Тогда я просто не знаю...

– Да что такое?

– Вот в чем дело, – Анжелика медлила с ответом – настолько все это ее озадачило. – Рядом с ним на полу валялась сигарета. Незажженная, понимаете? Сигарета с ментолом. Черт, я не помню, какой марки! Она сгорела до фильтра, я ее закурила, когда осматривала его... Во рту у меня потом было прохладно, но я не обратила внимания... Но сейчас вспоминаю. Это была не его сигарета, не стал бы он курить такие легкие. И не моя, я никогда не покупала сигарет с ментолом. И не ваша.

Они молча слушали ее, ожидая продолжения, но она только развела руками:

– Мне пора в дурдом... Я и вам не верю, и с этой сигаретой ничего не понимаю... Чья она, в таком случае? Может... – Она запнулась, неуверенно заглянула Саше в лицо: – Слушай, а вы ее там не подкинули, случайно?

– Господи, да зачем?

– Чтобы убедить меня, что его убил кто-то другой, – твердо ответила она.

– Да поверь наконец, что его и убил кто-то другой! – взорвалась Лена. Она отскочила к окну, треснула ладонью по узкому подоконнику, поморщилась от боли, прижала ладонь к щеке: – Это были не мы! Что, не понимаешь, мы не стали бы тебе врать! Какой нам смысл врать, ты же знала, что мы хотели это сделать! Зачем нам что-то скрывать!

Анжелика молчала, и Саша этим воспользовался:

– Ты видела, как он был убит?

– Нет... – Анжелика вздрогнула, ссутулилась.

– Ты что, не осмотрела его?

– Осмотрела...

– Она, наверное, стояла там и плакала в кулачок... – бросила Лена, отворачиваясь к окну. Анжелика с ненавистью посмотрела ей в спину:

– Да, я плакала. Верно. Что, запрещено поплакать над телом мужа? А?

– Не заводись, – пытался успокоить ее Саша. – Никого не касается, плакала ты или нет... Твое личное дело.

– Пусть она не лезет.

– Ленка просто так сказала, от балды. Она тоже нервничает, разве не ясно? Все пошло наперекосяк, все... Мы ничего не можем понять, и ты нам не веришь... Если так дальше пойдет, нас всех засадят в тюрьму.

– Почему это?

– Да потому что мы будем ссориться и что-то обязательно выплывет наружу. Знаешь, когда кто-то один не захочет молчать... Например, ты...

– Я?! Будьте спокойны, я буду молчать, – выпалила Анжелика, чувствуя, как глаза у нее наполняются слезами. Так некстати! Она прижала к глазам скомканный платок, потом откинула назад голову, пытаюсь успокоиться. – Я ничего не скажу. Но я все же хотела бы понять, что там было на самом деле.

– Мы тебе все сказали.

– Все? А что ты там говорил, как он был убит?

– Ударом в затылок, – смущенно ответил Саша. Видно было, что эти слова дались ему нелегко. После этого в комнате повисла тишина. Лена молчала, стоя у окна, и растирала ладонью щеку. Глаза у нее были прикрыты, вид усталый, резко обозначились круги под глазами, морщинки у губ, отекавшие веки... Саша снова курил, стряхивая пепел в баночку с такой тщательностью, словно от этого зависело что-то важное. Анжелика молча переваривала услышанное. Наконец разлепила губы, неуверенно сказала:

– А крови я не видела.

– Он лежал на спине, – Саша теперь говорил очень тихо. – Мы вошли в комнату, Лена вскрикнула, когда его увидела. Он лежал на спине, одна рука вот так...

Он точно показал, как была откинута рука его брата, и тут Анжелика зарыдала. Рыдания были страшные, сильные, они сотрясали ее узкие плечи, она спрятала лицо в ладонях и не пыталась остановить слез. Зашаркали тапочки Лены, через минуту она вернулась со стаканом воды, сильной рукой прижала Анжелику к спинке стула, отняла ее мокрые пальцы от лица, заставила пить. Вода не помогла – только промокла насквозь белая рубашка Анжелики.

– Пойми наконец, нельзя так об этом говорить, – тихо сказала Лена, обращаясь к мужу. – Оставь ее в покое. Она была ему не чужая. И она совсем еще девчонка, чего ты ожидал...

Эти слова немного образумили Анжелику. Больше всего на свете она ненавидела, когда ее называли девчонкой, говорили снисходительно, задвигали в угол. Она стала кусать губы, и рыдания в конце концов утихли.

– Пойди приляг, – предложила Лена.

– Нет, я хочу все узнать, – Анжелика повернулась к Саше. – А то с ума сойду.

– Мы сами с ума сойдем... – глухо продолжал он. – Ты не видела крови, мы тоже сперва не поняли, что случилось. Там коричневое ковровое покрытие, оно впитало кровь. Кроме того, он затылком упирался в пол, прямо раной, и потому, наверное, крови было немного... Мы подошли, окликнули его. Но он был мертвый. Я попытался поднять его голову, и тогда только мы увидели рану. Кровь уже не шла, она запеклась. Тут Ленке стало плохо, она стала трястись, пришлось отпаивать ее водой... Я бегал на кухню, боюсь, оставил там отпечатки пальцев... Я вытер кран на раковине, и стакан тоже помыл и вытер, но, может, я касался еще чего-то, уже не помню... Мы были как в тумане.

– Даже если оставил отпечатки, ничего страшного, – подала голос Лена. – Мы же там бывали в гостях, вполне могли остаться твои отпечатки. Даже подозрительно было бы, если бы их там не было.

– Постойте... – прошептала Анжелика. – Как же так? Вы говорите – голова пробита... Зачем... Я не понимаю...

– А, вот теперь ты нам поверила?! – Саша схватил ее за руку, пальцы у него были влажные и холодные. – Мы никогда не сделали бы этого! Мы все придумали по-другому! И зачем мы стали бы пробивать ему череп?! Разве кто-то из нас мог это сделать?!

– Убери руку, – приказала Анжелика.

Он послушался.

– Противно тебя слушать... – продолжала она. – Вы и не на такое способны.

– Нет!

– Я ни единому вашему слову не верю!

– Ну и не верь... – Лена закурила, повертела в пальцах сигарету. – Говоришь, та была с ментолом? Тебя это не насторожило?

– В том состоянии я не обращала внимания на такие вещи. Решила, что это его сигарета, хотя от его «житанов» я всегда задыхалась, не могла их курить. Слишком крепкие для меня. А эта... Эта была чересчур легкая, слабая...

– И ты нам все еще не веришь? Там кто-то был до нас, и он его убил. И сигарету уронил, может быть, когда наклонился к труп. А потом быстро ушел, не заметил сигарету. Черт, зачем ты ее выкурила!

– А что мне с ней было делать? Я в тот момент ничего не соображала. Она мне просто попала на глаза, ну, я ее и подняла, и закурила.

– Принесла бы ее сюда... Хотя знали бы, что за марка. Какая она была с виду?

– С виду? – призадумалась Анжелика. Как ни странно, воспоминания о сигарете чем-то ее успокаивали, хотя должны были бы тревожить. Это была единственная возможность доказать себе, что ей говорят правду, что там действительно был кто-то еще... – Она вся была белая.

– А какие-нибудь полоски на ней были, нет?

– Мне было не до полосок.

– А длинная она была или нормальная? Может, длинная и тонкая?

– Вы чепухой занимаетесь, девочки, – вмешался Саша. – Какая разница, что там была за сигарета? По сигарете убийцу не найдешь.

– Ой, какой ты стал благородный, – сощурилась на него Анжелика. – Как только понял, что убил не ты, сразу стал говорить «убийца», «убийца»!

– Не собачьтесь... – Лена нахмурилась, потом решительно сказала: – Лица, слушай, ты должна притащить нам окур. По фильтру я определю, что это была за сигарета.

– Я туда не вернусь!

– Тебе все равно придется идти туда ночевать. Квартиру не опечатали, надеюсь?

– Нет, ведь я там живу.

– А что милиция говорила?

– Ничего. Приехали, увидели его, давай шариться по квартире, задавать вопросы... То да се, были ли враги, долги, прочее... Просили вспомнить, не угрожал ли ему кто. Еще просили сказать, не ограбили ли нашу хату. Я сказала, вроде что-то пропало, а что – не пойму.

– Правда, что-то пропало? – оживился Саша. – Если да, то брали не мы!

– Знаешь... – протянула Анжелика. – Как это ни глупо, но мне кажется, действительно, что-то пропало. А что – не пойму. Сам знаешь, какая у меня зрительная память!

– Тем более ты должна туда поехать и понять, что пропало, – настойчиво повторила Лена. – И забери фильтр, если они его не взяли с собой.

– И они что же, даже не сказали тебе, как он погиб? – изумлялся Саша.

– Нет, представь себе... Наверное, решили, что я сама видела, если вызвала их.

– О, твое счастье! Представляешь, ты звонишь в милицию, говоришь – «мужа убили», они приезжают, спрашивают, как он помер, а ты не знаешь... С чего же ты взяла, что его именно убили? Может, умер от разрыва сердца? Как бы ты попала! Так вот запомни – рана на затылке, кровь запеклась... Ты же обещала его осмотреть, чтобы не попасть впросак!

– Я его осмотрела, – пробормотала Анжелика. – Но я думала, вы его...

– У задуренных вид не такой, как у него! – резко вмешалась Лена. – Тебе это в голову не стукнуло?!

– Неплохой каламбурчик, – Анжелика снова вздрогнула. – Нет, мне ничего в голову не стукнуло. И на его шею я не смотрела. Боялась. Только лицо рассмотрела и его руку. И все. А какие из себя удавленники, откуда мне знать...

– В общем, тебе повезло, – заключил Саша. – Никаких тяжелых впечатлений. Ну не надо, не делай волчьих глаз! Мы пережили куда худшие минуты, когда подняли его голову с ковра! А ты умудрилась быть там и ни черта не заметить.

– Я рассчитывала на вас. Потому и не осматривала его как следует. Кто мог знать, что это не вы...

– Веришь, наконец?

– Почти.

– Привези фильтр, – монотонно напомнила Лена.

– Надоела! Если не пропал, привезу. Мне что – уходить?

– Ты боишься туда ехать, – догадалась Лена. Лицо у нее было хмурое и усталое, а может, Анжелике показалось – в комнате стемнело, а света никто не зажег. Трое собеседников превращались в силуэты, смутные, расплывчатые в сумерках. У них уже не было отчетливых лиц, не видно было глаз, остались только голоса, тихие и отчетливые. «Кто из нас четверых умер?.. – смутно подумала Анжелика. – Он? Или мы трое, его убийцы? У него был такой спокойный лоб, когда я дотронулась до него рукой. И глаза закрыты, будто он спит. Лицо, которое я знала наизусть. Зачем я так хорошо его изучила? Теперь он будет мне постоянно являться... И нет надежды, что когда-нибудь его черты расплывутся, как сейчас у нас троих... Я его буду помнить всегда, слишком отчетливо, слишком хорошо. Я все наврала насчет своей зрительной памяти, то, что надо, я помню прекрасно. А что не надо – еще лучше. Вот в чем беда».

Она встала, засунула полы рубашки в джинсы. Хриповато сказала:

– Ладно, если так, я пойду.

Ей хотелось поскорее покинуть этих людей, чтобы не слышать вопросов и самой не задавать их. Саша попытался ее остановить:

– погоди! Ты можешь остаться ночевать у нас, беды не будет.

Его жена упрямо мотнула головой:

– Ей надо поскорее осмотреть квартиру. Ты что, не понял, как все серьезно? Она же ничего не сделала утром, до нее просто не дошло, как он погиб! И она, по-моему, еще не верит, что это сделали не мы! Все надо осмотреть заново.

– Прошу тебя, не говори обо мне в третьем лице! – возмутилась Анжелика. – Я еще здесь, хотя это мне и не доставляет удовольствия. И вообще, у меня пока есть свой дом!

– Вот именно, пока – Лена выделила голосом последнее слово. Вплотную подошла к ней и так же отчетливо, почти угрожающе повторила: – Чем меньше ты будешь психовать, тем лучше для тебя. Что бы там ни случилось, а мы своего добились! Он умер. Заруби себе это на носу – умер!

– Но я этим обязана не вам! – выпалила Анжелика. – И не пытайтесь теперь командовать мной!

– Слушай... – забеспокоился Саша, тоже подвигаясь к ней поближе. Теперь супруги стояли так близко к Анжелике, словно собирались ее схватить. Она даже немного отступила назад, не сводя с них глаз. Страшно ей не было. Скорее, противно. И еще она чувствовала страшную усталость, бесконечную растерянность и недоумение.

– Слушай, – повторил он, – нам же никто не мешал соврать тебе, что его ухлопали именно мы. И тогда бы ты сейчас не говорила таких слов. Но мы тебе сказали правду. Ты нам ничем не обязана? Подумай, что говоришь. Если бы не мы...

– Что – если бы не вы? – Она сделала еще шаг назад и вздрогнула – он двинулся за ней следом. Лена осталась на месте, но она чувствовала, что от нее исходит еще большая угроза, чем от Саши.

– Если бы не мы, если бы не наш план, тебе не помог бы даже его труп, – жестко сказал Саша. – Ну пришла бы ты утром домой, нашла бы его на ковре. Что дальше? Тебя хватило бы только на то, чтобы вызвать милицию. Его бы увезли. И ни черта бы тебе это не помогло. А

так... Как ты можешь говорить, что ничем нам не обязана? Да только благодаря нашему плану ты остаешься жить!

– Не стоит преувеличивать... – У Анжелики дрожали губы, и она изо всех сил пыталась это скрыть. – Обошлась бы и без вас...

– Дура! – Это взвизгнула Лена. И в тот же миг ее ладонь обожгла Анжелике щеку. Она ахнула и едва устояла на ногах. Мгновение стояла окаменев, даже не поднесла руку к лицу, чтобы защититься от очередного удара, который уже повис в воздухе – Лена замахнулась снова. Но удара не последовало – Саша успел перехватить руку жены, вывернул ее, зашипел и оттолкнул Лену к окну. Та ударилась бедром о подоконник, молча согнулась в три погибели, опустилась на колени. Они услышали, что она плачет – задыхаясь, как-то сипло, без голоса. Все молчали.

– Иди домой, – Саша едва смотрел в сторону Анжелики. – Ты сама виновата, что она сорвалась. Она с утра не в себе.

Анжелика не двинулась с места. Она смотрела на плачущую Лену, сдвинув брови, оценивающе, внимательно. Жалкий комок на полу, трясущийся от рыданий. Только и всего. И это она все придумала? И это из-за нее Анжелике пришлось сегодня утром идти к себе домой, как на казнь? Это все из-за нее? И как она плачет! По-бабьи, горестно, безутешно... В таком состоянии она Лену никогда не видела.

– А что ты имел в виду, когда сказал, что вы едва не провалили все дело? – спросила она Сашу.

– С ней была истерика, а это случилось так некстати. Мне нужна была помощь, я сам не знал, на каком я свете, когда увидел его... – вздохнул Саша. – А она едва не свалилась на пол. Пришлось возиться с ней, вместо того чтобы думать о деле. Из-за этого мы не заметили сигарету на полу, о которой ты говорила. Если бы я мог все сделать один!

– Тебе же ничего делать не пришлось. – Анжелика сама не заметила, как они вдвоем вышли в коридор. Здесь было совсем темно, Саша протянул руку к выключателю, чтобы зажечь светильник, но она удержала его за рукав свитера:

– Не надо.

– Почему?

– Не хочу засвечиваться, у меня глаза красные и щека, кажется, опухла.

– Ну, что сделаешь... – обреченно прошептал он. – Мне жаль, конечно. Ты же знаешь, Лика, как я к тебе отношусь. А Ленка в истерике. Сейчас сама успокоится. Вообще, это было не для женских нервов, такое зрелище. Я сам едва не грохнулся.

– А я не грохнулась, – сказала она почти с вызовом. – Я выдержала до конца.

– Но ты же знала, что увидишь, а мы откуда? Если бы я туда пошел один, я бы все хорошенько осмотрел и прибрал. А так – с Ленкой возился... Но если бы я пришел один, он бы меня в квартиру не пустил.

– Это точно. – Анжелика кивнула, хотя в темноте он этого видеть не мог. – Но ты мог открыть дверь ключами, которые я для вас сделала.

– А ты думаешь, что это его не насторожило бы? С какой стати у меня оказались ключи от его квартиры? А если бы он стал ругаться со мной на площадке? Услышали бы соседи. А вдруг бы вообще у меня ничего не вышло? Тогда бы он сразу понял, откуда у меня ключи. Нет, Лика, мы все вылезли из этой истории на пределе... Ты и сама вряд ли понимаешь, на каком пределе мы все были... И ты, и я... Потом поймешь. Успели только-только! А ты еще просила подождать. Нельзя было ждать.

– Ты прав... – Она на ощупь двинулась к вешалке, нашла свой плащ. Неожиданно включился свет, девушка зажмурилась.

– Прости. – Он помог ей одеться. Задержал руки на ее плечах, когда она натянула плащ, задержал на короткое мгновение, но и это мгновение было длиннее, чем нужно. Анжелика не

подала виду, что ей что-то не понравилось, посмотрелась в зеркало, безразличным голосом спросила:

– Завтра приедете?

– Да.

– Я буду ждать. Начнется комедия с похоронами. Боже, а щека, правда... Того...

Она полезла в сумочку, достала пудреницу, осторожно провела губкой по левой щеке.

Из комнаты раздался негромкий голос Лены:

– О чем вы там говорите?

– Ты бы хоть извинилась, – вместо ответа крикнул ей Саша. – Лика уже уходит.

Снова зашаркали тапочки. Лена выглянула в коридор, поморгала заплаканными красными глазами, прищурившись, посмотрела на Анжелику. Та уже защелкивала замок на сумке.

– Ладно, прости, – выдавила Лена. – Нервы расшатались. Но и ты была хороша. Я дура, ты же сама сказала. – Анжелика даже нашла в себе силы улыбнуться. В таком опухшем жалком виде Лена была ей совсем не страшна. Теперь ее даже удивляло, как она могла робеть перед этой женщиной. Что вызывало такую робость? Между ними была возрастная разница всего в семь лет – почти что ничего. Анжелика была красивее, хотя одевалась не с такой тщательностью, как та, и красилась минимально. Да и зачем нужна была краска ее черным ресницам и бровям, помада – свежему рту, румяна – розоватым скулам? Лена красилась, чтобы скрыть недостатки, которые у нее были, и подчеркнуть достоинства, которых не было. Она даже ресницы наклеивала, что всегда смешило Анжелику – столько возни, чтобы нравиться! Кому нравиться-то? Саше?!. Нет, если разбирать по пунктам, многие преимущества были на стороне Анжелики. И все же преимуществ перед Леной у нее не было. В ее присутствии она смущалась, робела, теряла свободу мыслей и слов, не решалась высказать свое личное мнение. Так было всегда, пожалуй, только этот разговор кое-что изменил. «Неужели из-за того, что было утром? – спросила себя Анжелика. – Я их больше не боюсь. Не боюсь».

– Слушайте-ка, – она уже стояла у самой двери, поправляя на плече ремешок сумки. – Я, конечно, поеду домой, и все там осмотрю, и буду молчать, тут вы не сомневайтесь. Вы правы, мы тесно повязаны, и я ни от чего не откажусь. Я вот только хотела вас спросить...

– Конечно, спроси. – Саша зачем-то поправлял на подзеркальнике неровно лежащие расчески. Лена стояла неподвижно, опершись плечом о дверной косяк.

– Убивать вам не пришлось, ну и хорошо. Но вы же шли туда, чтобы его убить. И я хочу узнать, просто так, ради любопытства – никому из вас хоть на минутку не стало его жалко?

– Что за ханжество, – Лена говорила почти беззвучно. – Это ты нас спрашиваешь, его жена? Ты же сама когда-то прибежала к нам с криками: «Ребята, спасите, я запуталась, что мне делать?!» И мы решили тебе помочь. Зачем задавать такие вопросы?

– Я же говорю – из любопытства. – Анжелика выдержала ее уничтожающий взгляд, растянула губы в улыбке. – Ну, и еще потому, что мы с вами втроем уж очень похожи на трех гадин.

– На кого? – не расслышал Саша.

– Не на людей. И разговоры у нас гадские. А я вдруг подумала – неужели никому из нас хоть на миг не пришлось стать человеком? А? Пожалеть его, ну хотя бы на секунду?

Лена пыталась что-то сказать, было видно, что новая истерика уже недалеко. Саша удивленно поднял брови, покачал головой:

– Знаешь, матушка, уж если мы решились на такое, какие разговоры у нас могут быть? Зачем притворяться? Я, если желаю чистую правду, и тогда его не жалел, и теперь не собираюсь.

– Ясно с тобой, – кивнула Анжелика. – А ты, Лен, что скажешь?

Та молча отлепилась от косяка и исчезла в комнате. Анжелика вздохнула и негромко заключила:

– Тогда я тоже скажу тебе правду, Саша. Мне его тоже ни капельки не было жалко. Никогда, – отчеканила она, чувствуя, как губы у нее расплзаются в странной, неуправляемой улыбке.

– Зачем же ты спрашивала? – тревожно спросил он, подходя, чтобы открыть ей дверь.

– Да так. Хотела убедиться, что мы все друг друга стоим.

Она скользнула в открывшуюся дверь, остановилась перед дверями лифта и нажала кнопку вызова.

Глава 2

Анжелика лежала в постели, свернувшись калачиком, закрыв глаза. Ночник она не погасила – было жутко в пустой квартире, здесь было слишком тихо.

Что-то подобное ей пришлось пережить как-то в детстве, когда родители уехали в гости «с ночевкой», а ее оставили дома одну. Пока они не ушли, она даже радовалась – будет есть конфеты, а ужинать не станет, и телевизор можно смотреть сколько угодно, и спать она ляжет поздно! Но как только за родителями захлопнулась входная дверь, девочка остановилась и замолчала. Через минуту ей показалось, что на кухне скрипнула половица. Она замерла, прислушалась, осторожно сходила туда, проверила. Никого, кроме нее, в квартире не было и быть не могло, все страхи – чепуха... Она знала это, а все же к утру измучилась совершенно, ей даже на минуту уснуть не удалось. И конфеты были не в радость, и телевизор не помогал... Все время ей слышались шорохи, скрипы, стуки, а то даже голоса – будто совсем рядом, в коридоре, разговаривают люди... Говорят о ней, о Лике, и что-то плохое говорят, конечно!

После той ночи она боялась оставаться одна даже ненадолго. Сколько ей тогда было лет? Восемь? Девять? Она хорошо училась в школе, любила читать больше, чем гулять. А гулять не любила потому, что совершенно не могла играть в обычные девчоночьи игры – классики, скакалку, резинку... Прыгать на одной ножке, порой даже с закрытыми глазами, скакать, крутясь вокруг своей оси, словно белка, бешено вращая в руках скакалку... Да попробовала бы она такое сделать! Очутилась бы на асфальте, с разбитыми коленями и локтями, грязная, опозоренная, никому не нужная. Больше всего на свете Лика боялась упасть у всех на глазах. Оттого избегала шумных игр, сидела на скамеечке на занятиях физкультурой, даже ходила как-то осторожно, выпрямив спину, слегка размахивая руками, постоянно глядя под ноги. Чуть что не так – и кружилась голова. И так всю жизнь.

Ее считали девочкой хорошей, благоразумной. Именно потому и думали о ней так, что она не водилась с дворовой компанией, не отпрашивалась на дискотеки... Танцевать?! С ума вы сошли?! А сидеть у стенки и смотреть, как танцуют другие, это испытание не для ее гордости. Вот медленный танец, тут ничего трудного нет: переступай на одном месте и держись за плечи партнера... Но кто ее пригласит, если она все остальное время проторчит у стенки? И Анжелика сидела дома. Росла как-то незаметно, вытягивалась понемногу, худела, приобрела привычку лежать на спине и часами смотреть в потолок. Ее маму эта привычка ужасно злила. Увидев Лику в таком положении, она сразу начинала ей выговаривать: «Почему ты никогда мне по дому не поможешь, почему тебя в магазин сходить не допросишься, почему ты так лежишь, о чем думаешь?!» Маме, наверное, казалось, что Лика думает о чем-то нехорошем, о мальчиках, например. Когда она приходила из школы, мать тщательно обнюхивала ее с ног до головы. «Ты курила!» – взвизгнула как-то она, и Лика не могла соврать, что нет. Это был вечер истерик, громовых рыданий. Спас отец, который, как всегда, поздно пришел домой. Мать мигом бросилась к нему и закричала:

– Вот, погляди! Растет твоя смена! И врет не хуже тебя!

– В чем дело? – спросил отец, невнимательно взглянув на уничтоженную, зареванную дочь. Лика даже не успела снять школьную форму, когда пришла из школы, сразу же начался скандал. И теперь она сидела, глубоко забившись в кресло, скручивая в руках черный фартук. – Она что, только сейчас пришла?

– Она курила! – выкрикнула мать.

Отец посмотрел на нее так, словно та свалилась с Луны, и очень спокойно ответил:

– Ну и что? Сейчас все дети курят.

Тут Лику оставили в покое – скандал продолжили отец с матерью, и она наконец смогла умыться, переодеться и поесть. И вообще, вскоре ей показалось, что мать стала придирается

меньше. Она долго раздумывала, почему, пока в один прекрасный день родители не развелись. Лике сообщили об этом в последний момент, когда нужно было ее участие. Она и в суде была, когда слушалось дело о разводе. Смотрела на отца – такого молодого, подтянутого, спокойного, рассматривала его знакомый коричневый костюм, золотистый галстук, стремилась запомнить все это как можно лучше, потому что ей казалось – больше они не встретятся. А на мать не смотрела. Только самой себе Лика признавалась в этом – она не любила свою мать. И не могла сказать, за что. «Эта женщина» – так называла ее про себя Лика – «эта женщина» никогда не была достойна ее отца. Она – простоватая, грубоватая, в чем-то невежественная, у нее неухоженное круглое лицо, некрасивые руки с нечистыми ногтями, сутулая жирная спина... Одевается, как чучело, мгновенно стаптывает каблуки, при ходьбе косолапит... Да что говорить, если даже плохая координация досталась Лике по наследству от матери. О-о-о! А скандальный мелочный характер?! А патологическая скупость! Они ведь не бедствовали, отец получал хорошо, и она тоже, и при этом Лике подсовывалось вместо обновки жуткое платье матери, в котором та ходила двадцать лет назад! Мать не понимала, что за эти двадцать лет изменилась мода на рисунок, на покрой, на длину, на все! Да просто Лике противно было носить что-то с чужого плеча! Просто – противно! А мать обвиняла ее в расточительстве.

– Теперь твой отец не может тебе ничего покупать, – ядовито и в то же время обиженно говорила мать, сворачивая отвергнутое платье. – У него другая «доченька» завелась. Девчонка – ненамного тебя старше!

«Уйди, уйди!» – молилась про себя Лика, отворачиваясь, чтобы не показать слез. А когда мать исчезала за дверью – плакала, кусая губы, давя громкие всхлипы, заливала слезами подушку, яростно вытирала лицо платком. И клялась себе, что уйдет от матери, как только сможет, как только найдет куда, сразу уйдет!

Она окончила школу и к этому времени еще больше замкнулась в себе. Скучала по отцу, ругалась с матерью почти каждый день, ее грызла хандра. На оценки ей теперь было наплевать, аттестат получила с тройками. Мать ругалась, Лика тупо смотрела в окно, потом срывала с вешалки куртку, хлопала дверью, убегала на улицу. Один раз даже упала на лестнице, так торопилась удрать. Расшибла бедро, порвала колготки. В тот миг ничего не стала рассматривать, скорее пошла прочь – только бы подальше отсюда! Не знала, сколько шла, очнувшись на набережной Москвы-реки и только тут оглянулась по сторонам, поняла, что торопиться некуда, никто за ней не гонится, никому она не нужна – как всегда...

День стоял чудесный, мягкий. Серая река, спокойное чистое небо, золотые деревья в саду за оградой... Сентябрь. Она достала из кармана сигареты, жадно закурила – уже года два, как серьезно пристрастилась, выкуривала тайком до десяти сигарет в день, а если бы не мать – то и больше бы курила. Лика оперлась на гранитный парапет набережной, спокойно выкурила сигарету, бросила окурочек в воду, занялась своей ногой. Задрала сбоку на бедре свою широкую серую юбку, убедилась, что колготки разорваны безнадежно – огромная дыра, вокруг все расплзается на глазах, а на белой коже – багровое пятно. Больно! Вот приложились!

– Синяк будет, – услышала она рядом мужской голос. Отпустила подол юбки, резко обернулась. Увидела его. ЕГО.

Невысокий, лет около тридцати, коренастый, темноволосый. Ветер трепал его волосы, они блестели на солнце. Он не улыбался, вроде бы не заигрывал, серьезно смотрел на нее. Девушка не испугалась, но пошла прочь. Прошла шагов пять, обернулась. Он шел следом.

– Вам что? – От волнения она охрипла. «Подумает еще, что у меня всегда такой бас!» – испугалась она в душе. Ей даже в тот, первый миг уже было важно, что он о ней подумает.

– Да ничего, я помочь хотел, – он был хорошо одет, говорил спокойно и совсем не нагло.

Лика заметила у бровки тротуара красную машину, в марках она слабо разбиралась. Тут она совсем растерялась. В жизни ни одна собака не обращала на нее внимания, хотя она была ничем не хуже своих подруг... В чем было дело? Может, она просто ни одному из парней

не давала времени обратить на нее внимание? Сразу убегала, уходила от разговора? Уходила своей неуверенной походкой? Да не нужны ей были парни, никто ей был не нужен. Самовлюбленные ничтожества! Тупицы! Вот так! Но этот... И выглядит неплохо, и машина, кажется, его... Кавалер с машиной! Вот так – сразу! Ей многие позавидуют... Да, но он ей тоже не нужен. Так она сказала себе, а вслух заметила:

– Я же вас не просила помогать. Ничего страшного не случилось.

– Но вы упали.

– Не здесь. – Она снова закурила, чтобы не так волноваться и говорить поменьше глупостей. Он не стал спрашивать, где она упала, и снова предложил:

– Хотите, дам йод и пластырь?

– А вы что – врач?

– Нет, у меня аптечка в машине.

Лика помялась. Не так уж ей был нужен пластырь, скорее, она предпочла бы новую пару колготок. Юбка едва доходила ей до колен и не скрывала дыры, которая все больше увеличивалась. Напротив, на другой стороне улицы, она углядела маленький галантерейный магазин. Он был открыт. Лика сунула руку в карман, нащупала деньги.

– Не нужно йода, – сказала она. – А вот, если можно, вы мне вашу машину на пять минут одолжите?

Он остолбенел, потом наконец улыбнулся:

– Зачем?

– Колготки хочу купить и переодеть в машине, – пояснила она. – Не в подъезде ведь это делать!

И улыбнулась. Никто никогда не говорил ей, что она красивая – когда ушел отец, она красивой еще не была, а потом они не виделись... Зато отец часто ей говорил, что улыбается она чудесно. Лика сама не знала, что она хороша в этот миг – слегка смущенная, бледная, небрежно одетая. Ее серые глаза были того же цвета, что и река, а черные волосы летали на ветру, мешали ей смотреть. Она отвела их рукой, продолжая улыбаться, сказала:

– Да ладно, шутка. Я в подъезде переоденусь.

Но тут он зашевелился:

– Нет, нет, конечно, я вас пушу в машину, а сам тут постою. Хотите, провожу в магазин?

– Сама дойду, – ответила она грубовато, хотя на самом деле ей хотелось сказать ему что-то приятное, поблагодарить его, что ли? Она совсем не умела разговаривать с мужчинами, никто ее этому не учил. Перебежала через дорогу, пошла к магазину. Очень хотелось оглянуться, проверить, не уехал ли он, не сел ли в свою машину? Но она вытерпела – не стала оглядываться. Купила черные колготки, вышла на набережную.

Он стоял на том же месте, где Лика его оставила. В машине она торопливо и неловко скинула туфли, содрала старые колготки, натянула новые. Девушка спешила, ей казалось, что он вот-вот подойдет, заглянет в окошко, увидит ее голые ноги. Наконец она скомкала рваные колготки, сунула их в карман куртки, открыла дверцу, высунулась:

– Все!

Он подошел, остановился над ней, нерешительно спросил:

– А подвезти вас можно?

Она уже не боялась его. Пожала плечами, заулыбалась:

– Куда?

– То есть как? Вам куда надо?

– Да я гуляла...

– Может, вы мне не доверяете? – поинтересовался он. – Не бойтесь, я не маньяк, никуда вас не завезу. Честно, куда вам надо?

– Да никуда! – Она захихикала, чтобы скрыть смущение. Замолчала, увидев, что он смотрит на нее как-то странно. «Принял за дуру, – поняла она и залилась краской стыда. – Дура и есть! Двух слов сказать не могу!» Решительно полезла из машины со словами: – Ладно, я пошла.

Он стоял прямо перед дверцей, мешая ей выйти. Смотрел на нее сверху вниз, как смотрел потом всегда. Он – покровитель, старший, опытный, серьезный. Она – девчонка в рваных колготках, хихикающая дурочка с неуверенной походкой, брошенная дочь удравшего папаша, неудачница...

– Слушайте, – сказал он, по-прежнему стоя у нее на дороге. – Не обижайтесь только! Я сейчас как раз ехал обедать. Хочу, чтобы вы пообедали со мной. Ничего такого не думайте, просто хочется с вами пообедать. Идет? Меня зовут Игорь. А вас как?

– Анжелика, – она снова уселась в машину, резко одернула на коленях юбку.

С этого момента Лика исчезла. Лика – ребенок. Лика – имя, которым ее называл отец. Коротенькое удобное имя. Игорь всегда называл ее только Анжеликой. Ему это имя нравилось. Ей – не очень. Но теперь и она сама себя так называла.

Они пообедали, довольно скромно, в каком-то кафе в центре. Но ей все было в диковинку и очень понравилось. Она стеснялась что-то заказывать, а в конце обеда даже сделала серьезную попытку расплатиться за себя. Достала из кармана куртки скомканные деньги, он не рассердился, только попросил ее положить их обратно, ведь он ее пригласил. Анжелика сделала этот жест не потому, что правда стеснялась есть за его счет, а чтобы показать, что и она не так проста, денег и у нее достаточно. А в кармане у нее, правда, была порядочная сумма. Отец прислал почтовый перевод на ее имя, она получила его по своему паспорту. До тех пор пока ей не исполнилось шестнадцать, он исправно платил алименты, тоже с помощью переводов, но все деньги оставались у матери. Та говорила, что ей нужно кормить взрослую дочь, а тряпки и туфельки подождут. Но с тех пор как Анжелика обзавелась паспортом, все деньги доставались только ей. Отец, конечно, был уже не обязан платить алименты, но деньги все равно иногда приходили. Тратить их было не на что – только вот на сигареты. Наряжаться не было настроения, да и зачем? Для кого? Она ведь нигде не бывала... Оставлять деньги дома она боялась – мать найдет, конфискует... Она и так возмущалась, что не видит этих денег, злилась каждый раз, как находила в ящике квитанцию, но спрятать, порвать ее не решалась – все же деньги. Приходилось отдавать дочери, а та всегда носила все свои сбережения с собой.

– Ты с кем живешь? – неожиданно спросил ее Игорь, закуривая сигарету.

– А вам-то что? – огрызнулась она.

– Ничего, просто спросил.

– Просто не бывает.

– Ну, извини... – Он как-то незаметно перешел на «ты», видно было, что эта форма обращения нравится ему куда больше.

– Да ничего, – она откинула назад свои длинные черные волосы. Трюк с деньгами успеха не имел, ну и пусть, она еще найдет, чем его удивить. А удивить хотелось ужасно! Но как, как это сделать?! Для начала она тоже перешла на «ты». – Просто странные вопросы ты задаешь. Какая разница, с кем я живу?

Она старалась говорить развязно, чтобы показать, что ей не впервой обедать с мужчинами в кафе. Но глаза смотрели наивно и почти испуганно. Анжелика совсем растерялась, не знала, что и думать, и не нашла ничего лучшего, как честно выложить всю правду:

– Я с матерью живу. И все.

Это «и все» она произнесла достаточно выразительно, чтобы он почувствовал – это как раз далеко не «все». Осторожно спросил:

– А отец что, в разводе с вами?

– Да.

– Ясно.

– А что тебе ясно?

– Да у меня то же самое.

Ей стало легче. Он как будто принимал ее под свое крыло, их объединяло общее несчастье – отец ушел, у них нет отцов... И она может не стесняться, рассказывать все. Но он вдруг добавил:

– И слава богу, что мой ушел!

– Почему? – проямлила она.

– Пил.

Они помолчали, Анжелика растерянно смотрела в свою чашку из-под кофе. Игорь пошарил в кармане, вытащил бумажник, спросил ее:

– Еще хочешь чего-нибудь?

– Нет-нет!

– Тогда поехали.

На улице они постояли молча еще с минуту. Он докурил сигарету, выбросил ее и сказал:

– Ну а теперь одно из двух: или я тебя отвожу домой, или ты едешь домой ко мне.

Она лишилась дара речи. И это после любезного предложения залепить синяк пластырем, после обеда?! Вот так – сразу к нему домой, в койку?!

– Я не поеду никуда, – ответила она, кутаясь в куртку, хотя было не холодно.

– Боишься? Опять?

– Нет.

– Тогда почему?

– Так...

– Я сморозил что-то? – поинтересовался он. – Я могу. Но ты не обращай внимания. У меня сегодня просто паршивый день выдался.

– А что такое?

– Да так. Братец мой учудил.

– У тебя брат есть? – Она немного оживилась, на семейные темы могла разговаривать часами. Но он только кивнул головой и снова спросил:

– Так ты поедешь со мной?

– К тебе?

– Ну да.

– А что мы там делать будем? – глупо спросила она.

А он вдруг засмеялся – впервые за то время, которое они провели вместе. Потом сказал:

– Не бойся ты меня. Я тебя не трону. Я что – не вижу...

Тут она насторожилась. Что-то легковесное, пренебрежительное мелькнуло в его тоне. Почему, ну почему все так к ней относятся? Он тоже ее презирает?! За что?! Почему с первой же минуты знакомства?! Она ответила гордо и с вызовом:

– Я приключений не ищу. Что ты там видишь, мне неинтересно. И к тебе ехать не хочу. Все, спасибо за обед. Пока.

Сказала так, но не ушла – осталась стоять перед ним, как школьница перед учителем. А он удивленно ответил:

– Да ты точно, обиделась? Перестань. Я же сказал – вижу, что ты не такая... А ты что подумала?

Чтобы как-то замаскировать свое поражение, она залезла в его машину. Теперь села рядом с ним, впереди. Он включил музыку, ехали молча, Анжелика смотрела в окно, где мелькали старинные особняки, желтые и красные деревья, теребила в одном кармане деньги, в другом – колготки и думала о какой-то чепухе. Думала, что Игорь – хороший парень и что ей все показалось, он ее не презирает, зря она ему грубит, и вообще, не хочется возвращаться домой,

ни сейчас, никогда... Потом подумала об отце, но на этот раз на глаза не выступили слезы, как бывало всегда. Глаза были сухие. Она не выносила одиночества. Ей с детства нужно было, чтобы кто-то дышал рядом, друг или враг, все равно – но человек. Отца, правда, больше не было, но теперь рядом был Игорь. И она больше не плакала.

Засиделись допоздна. Игорь сварил кофе, угостил магазинным печеньем. Квартирка была маленькая, двухкомнатная, очень неухоженная. Старая мебель, давно не мытые окна, пыль, продавленный диван. Анжелике, как ни странно, стало еще спокойнее – значит, он не такой богатый, несмотря на хороший костюм и новенькую машину. Значит, они равны. И нечего ему задира́ть нос. Ему, наоборот, надо оправдываться, что привез ее в такую берлогу. И он действительно оправдывался:

– Живу один. Недавно отселил мать с братом. Раньше втроем тут жили. Ничего не успел сделать – ни ремонт, ни мебель поменять... Но скоро все изменится. Уж прости, что тут так...

– Да ничего. – Она усмехнулась. – Мне-то какое дело? Значит, ты совсем один живешь? А кто тебе готовит, убирает?

Он рассмеялся:

– Хороший вопрос. Никто. Я сам, когда время есть. А так обедаю и ужинаю в кафе.

– Ясно. А куда это ты мать и брата отселил?

– Купил им квартиру, вот куда.

Ей никак не удавалось его кольнуть. Купил квартиру – значит, они все же не на равных. Анжелика приблизительно ориентировалась в ценах на жилье и понимала, что это дорогое удовольствие. И похоже, что он говорит правду. Живет один, уж это точно.

– А кем ты работаешь? – поинтересовалась она.

– Я? В строительной фирме.

– А... – Ей стало скучно. Ну какой он все же неинтересный! Строительная фирма. Запущенная квартира. И что в нем такого? Надо встать и уйти. Говорить им не о чем. Он старше, в конце концов, и слишком задирает нос.

– А сколько тебе лет? – огорошил он ее.

– Мне? Семнадцать.

– Я приблизительно так и думал. Учишься?

– Уже нет.

– Я не про школу... – Он усмехнулся. – Значит, нигде не учишься?

Она помотала головой.

– А почему?

– Это мое дело, верно?

– Ладно, я не хотел тебя обидеть. И не работаешь нигде?

– Нет.

– Работу не можешь найти?

– А я не ищу, – она поджала губы. – Мне хватает денег.

– Отец, наверное, подкидывает?

– Ну. А что тут такого? – Эти вопросы ее не на шутку злили.

– А вообще, чем занимаешься?

– Валяюсь на диване, гуляю, книжки читаю, – она встала. – Ладно, спасибо за кофе и вообще за все.

– Постой. Ты что, торопишься?

– Ну да. Мать будет волноваться.

– Да я тебя отвезу!

– Не надо, сама доеду.

– Значит, все-таки обиделась, – он тоже встал, взял ее за локоть. – Ладно тебе, я, наверное, правда не в свое дело лезу. Живи, как тебе нравится.

– Спасибо, что разрешил.

– Ну вот, опять...

Но они не поссорились в тот вечер, хотя ей почему-то все время хотелось огрызаться и подкалывать его. Игорь оказался старше ее на десять лет с хвостиком, а она тем не менее его не стеснялась. Хихикала, вспоминая глупое знакомство, комкала в кармане рваные колготки, и во всем этом не было никакой романтики, ничего похожего на любовное приключение. Он ей немного помог, конечно, потом накормил обедом, потом напоил кофе... Ну и что? Она же ни о чем подобном его не просила, он сам навязался. А значит, сила на ее стороне. Не она этого хотела. Он ей не нужен.

Уже стемнело, когда Игорь спросил:

– У тебя мать строгая?

– Скандальная, – ответила она, закуривая десятую за вечер сигарету. В комнате уже было не продохнуть от дыма, курили не прекращая. Разговор постепенно совсем заглох. Ей было скучновато и хотелось домой. Хотелось принять ванну и завалиться в постель с книжкой. Помечтать, подумать.

– А если не приедешь, что тебе скажут? – задал он осторожный вопрос.

– Как это? – Сердце у нее стукнуло сильно, но не от страха. Она и представить себе не могла, что Игорь способен на что-то дурное.

– Может, останешься у меня?

– Нет, с какой стати? – Анжелика возмутилась очень искренне, нахмурила брови, и он тут же отступил:

– Ладно, не пугайся. Я тебя сейчас отвезу.

– Я не пугаюсь, – надменно ответила она. – Ты меня просто удивил.

– А скажи... У тебя парень есть?

– Что? – Она совсем растерялась. Как отвечать? Врать, сказать правду? Что лучше? Он принимает ее за желторотую, сразу видно. И не знает, что с ней делать. Она вспомнила своих подруг. У многих были не то что парни – мужья, а то и дети без мужей, или шестимесячные животы, или аборт... У нее – ничего. Она даже не целовалась ни с кем в свои семнадцать лет. Анжелика часто спрашивала себя: «Может, я какая-то недоделанная? Почему парни меня не волнуют? Может, стоит начать с кем-нибудь, для приличия? А там – само образуется, нельзя же так просидеть всю жизнь!» Но ни на что не могла решиться. И вот он – момент расплаты. Он примет ее за дурочку. И все же она честно сказала:

– Никого нет. А почему тебя это волнует?

– А почему никого нет? – улыбнулся он.

Она разозлилась, грубо ответила:

– Не твое дело. Что ты мне допрос устраиваешь?!

– Ты мне нравишься, – спокойно ответил он. – Хочу знать о тебе побольше.

Она помолчала, сунула в пепельницу сигарету, вытерла о юбку пальцы, испачканные пеплом. Мотнула головой, спросила:

– Ну и что теперь?

– Анжелика, что ты злишься? Я же тебя пальцем не тронул!

– Еще бы ты тронул.

– А ведь мог бы, – он больше не улыбался, смотрел серьезно. – Ты хорошенькая. Поехала ко мне домой. Знаешь, как я всегда поступал с такими сговорчивыми девушками?

В лицо ей бросилась кровь, она резко встала, заявила:

– Твое благородство я уже заметила! А теперь вези домой. Я бы сама доехала, но метро не ходит.

Он не стал ее задерживать, быстро накинул пиджак, вышел с ней на лестницу, запер квартиру. Уже в машине, после десяти минут молчания, он сказал:

– Оставь свой телефон.

Она без возражений достала из кармана блокнотик, записала номер, сунула ему. Он глянул на листок, сунул его в карман, спросил:

– Номер настоящий?

– Конечно.

– Кто знает? Может, я тебе уже надоел?

– Нет. – Она смотрела в окно, потом опустила стекло, выставила наружу локоть и предоставила ветру трепать свои волосы.

– Простудишься.

– Никогда, – она все еще смотрела в окно.

Он вдруг резко затормозил, она удивленно повернулась к нему:

– Нам еще далеко!

– Ладно, – ответил он и вдруг схватил ее голову в ладони, притянул к себе, присосался к ее сжатому рту своими горячими губами. Она чуть не потеряла равновесия, так сильно он притянул ее к себе, одной рукой уперлась ему в колени, рука поехала по брюкам, она резко дернулась назад, прижалась к спинке сиденья, вся красная. Сердце билось так сильно, что в ушах стоял шум, она оглохла. Он привел в порядок рубашку, поправил пояс на брюках, закурил, посидел с минуту, глядя прямо перед собой. Потом снова тронул машину с места, не говоря ни слова. Только довезя ее до дома и высаживая, сказал:

– Я тебе завтра позвоню, ладно?

Девушка ничего не ответила, выскочила из машины, пошла к подъезду, не оборачиваясь, стараясь держаться прямо, как будто все случившееся ничуть ее не волновало. Дома мать устроила ей сцену, но Анжелике было все равно. Она даже с удовольствием выслушала замечание матери о том, что глаза у нее горят как-то нехорошо. В своей комнате Анжелика посмотрела в зеркало. Глаза действительно горели, как у кошки в темноте. Она погасила свет, легла, свернулась калачиком и скоро уснула.

Он позвонил ей, как и обещал. И с того дня звонил часто, почти каждый день. Не всегда они могли встретиться, Игорь много работал, но по воскресеньям обязательно приглашал ее в хороший ресторан, а потом вез к себе домой. Они ни разу не были ни в кино, ни в театре. Мать, познакомившись с Игорем, неожиданно осталась довольна. Правда, он уже взрослый человек, но, кажется, Анжелику не трогает, все идет к свадьбе. Подруги завидовали – у него была квартира, машина. Со своими родственниками Игорь ее не знакомил. Анжелика этого и не требовала. Она сама не могла бы сказать, что происходит? Влюблена она? Может быть. Ей нравится, когда он ее целует, гладит ее шею, грудь, тяжело дышит и потом долго приходит в себя, сидя на диване и куря сигарету. До чего-то серьезного у них никак не доходило. У Игоря оказались собственные, какие-то старомодные принципы на этот счет. Он любил все делать постепенно, основательно, и она ему не мешала строить планы – вот они поженятся, вот он сделает хороший ремонт, поменяет машину... С ним было скучновато, но просто.

Они поженились день в день, как выходило по его расчетам. Он приурочил свадьбу к маленькому отпуску на работе. Хотели поехать в свадебное путешествие, но он в последний момент отменил поездку – жаль было денег. Анжелика впервые заметила тогда, что он довольно скуп. Нет, на нее саму он денег не жалел. Давал на дорогие наряды, сам спросил, почему бы ей не проколоть уши, тогда он подарит ей сережки с бриллиантами, в пару к кольцу, которое у нее уже было. Анжелика всю жизнь смертельно боялась крови и всего, что с нею связано – операций, ножей, родов... Но пошла в косметологию и уши проколола. Одно ухо – неудачно, оно долго не заживало, кровоточило, опухало, но зато в нем блеснул бриллиант.

Игорь сразу сказал ей, что детей пока не будет. Она слишком молода, ей надо получить какую-нибудь профессию, хотя бы устроиться в хорошем офисе или банке. Он, конечно, зарабатывает прилично, но хочет, чтобы она тоже работала. Анжелика только плечами пожала –

ради бога! Детей она и сама не хотела. Не представляла себе, какими они будут и что ей с ними делать. Кроме того, ее пугали предстоящие роды. Так что все устроилось к общему удовольствию. Она пошла на годовичные курсы секретарей-референтов. Училась вяло, часто пропускала занятия, слушала невнимательно, никогда ничего не записывала. Вообще, она стала замечать, что ее все меньше волнует собственное будущее. О чем думать? Чего ждать? Если надо будет что-то предпринять, Игорь позаботится и сам все сделает. Иногда на нее вдруг нападала дикая хандра, она едва волочила ноги, не могла даже приготовить обед, вытереть пыль, повесить в шкаф разбросанную одежду. Вечером он приходил домой, выговаривал за то, что нечего есть, но сильно не сердился – всегда можно было порезать ветчины, открыть сок, сделать наскоро салат.

Игорь наконец познакомил ее со своей матерью и с братом. Мать была сухонькая, болезненная, на вид – старуха. Анжелика была поражена, узнав, что ей всего пятьдесят лет. Врачи отмерили ей еще года полтора жизни. У нее был рак груди, никакие операции не могли остановить процесс. Мать держалась с ней равнодушно, казалось, ей уже было все равно, как складывается жизнь старшего сына, на ком он женился и какие у молодых планы на будущее. Анжелика перед ней робела и казалась дурочкой. Это знакомство оставило тяжелое впечатление. Зато Саша ей понравился. Он был худенький, подвижный, веселый, рассказывал анекдоты, не обращая внимания на молчание матери, сам смеялся своим шуткам... Да и по возрасту он был ближе Анжелике – между братьями была разница в пять лет. Они подружились почти сразу. Игорь был не очень доволен этой дружбой.

– Но почему ты против, чтобы он к нам зашел? – удивлялась Анжелика как-то вечером.

– Потому.

– Но объясни!

– Мой брат – болван и бездельник.

– Я не заметила...

– А ты много замечаешь? – раздраженно ответил он. – А то, что Сашка к тебе клеится?

Ты и этого не видишь, честно?

Анжелика в ответ засмеялась. Саша действительно относился к ней с большой симпатией, но слово «клеится» сюда не годилось. Однако она уже успела понять, что Игорь очень ревнив, и ничего ему не ответила.

– Ему двадцать три года, – говорил ее муж как-то в другой раз. – А он сидит у меня на шее! Он бы в жизни не смог купить квартиру! Так бы мы все и сидели с матерью в этой двухкомнатной, если бы не я! А теперь мать при смерти... Получается, что я горбатился для него?

– Почему?

– Да ведь квартира матери теперь достанется ему!

– Но разве это не справедливо? – удивилась она. – Ведь эту квартиру он потерял... Должен был ты ему дать что-то взамен, как по-твоему?

Это рассуждение не понравилось Игорю.

– Дать? А за что дать? За какие заслуги?! Если бы я мог, я бы просто вышвырнул его отсюда безо всякой квартиры и никогда бы его не видел! Но мать... Все из-за нее.

– Саша ухаживает за ней... – робко напомнила Анжелика. – Ты туда никогда не приходишь...

– Ах, боже мой! – Он окончательно разозлился. – Было бы дешевле нанять ей медсестру! Ты знаешь, сколько он мне стоит?!

Она не знала и прикусила язык. Саша действительно нигде не работал. Раз в месяц, а то и реже, он пытался провернуть какую-нибудь финансовую операцию, обычно брал где-нибудь товар и сдавал его в магазин. Но этот бизнес становился все менее прибыльным, а считать деньги он не умел, так что Игорь был вынужден подкидывать ему на жизнь. Спорить с мужем

на эту тему она больше не решалась. Да и Саша, честно говоря, не слишком ее заботил. Ее вообще мало что заботило с тех пор, как она вышла замуж. Исчезли проблемы, исчезли планы на будущее, исчезли также и все интересы. Все, что она делала – ходила на курсы, слегка прибиралась в квартире, готовила ужин, стирала – все это не затрагивало ни ума, ни сердца. Но она не бунтовала. Зачем? Ради чего? Ее мать была счастлива, что Анжелика так хорошо устроилась. Она хотела бы почаще видеть дочь, но это было трудно. Игорь не любил, когда в дом приходили посторонние, а сама Анжелика по доброй воле к матери не пошла бы. Было только одно событие в ее жизни, которое как-то ее задело. Это случилось вскоре после свадьбы.

Игорь дал ей денег, чтобы она купила себе осеннее пальто. За покупкой она отправилась в ГУМ – по рекомендации мужа. Именно там одевались жены его сослуживцев, и он хотел, чтобы Анжелика ничем не выделялась на их фоне. А ей было все равно, где и что покупать. Будь ее воля, она по-прежнему не вылезала бы из джинсов и широких бесформенных юбок, как до свадьбы, но муж хотел, чтобы она выглядела дамой. В ГУМе она долго бродила по этажам, никак не могла ничего выбрать, комкала в кармане доллары, примеряла одно пальто за другим, но все больше приходила к выводу, что придется купить первое, что под руку подвернется. Хотя бы чтобы успокоить Игоря. Она уже в сотый раз сняла с вешалки очередное пальто, надела его, застегнула, встала перед большим зеркалом. Пальто было широкое, синее, с золотыми пуговицами, с капюшоном, как было модно. В этом магазинчике оно было в единственном экземпляре. Глядя в зеркало, она поворачивалась то так, то этак, нерешительно хмурилась, вздыхала.

– Вы будете брать? – услышала она рядом высокий женский голос.

Обернувшись, решив, что это продавщица. Но перед ней стояла молодая женщина ее роста и комплекции, нарядная, ухоженная. Женщина нетерпеливо рассматривала пальто, было видно, что оно ей приглянулось.

– Не знаю, – ответила Анжелика.

– Это какой размер?

– Сорок восьмой.

– Как раз мой. Вам не нравится?

– Не знаю. – Женщина не понравилась Анжелике своей бесцеремонностью, и она решила купить пальто ей назло. – Нет, нравится. Я его беру.

Лицо женщины погасло, она едва сдерживала раздражение.

– Вам длинновато, – процедила она, еще не веря, что пальто ей не достанется.

– Если мне длинновато, то вам тем более, – заметила Анжелика. – Вы ниже меня.

– Ничего подобного. Какой у вас рост?

– Метр шестьдесят восемь.

– И у меня такой же, – вырвалось у женщины.

– Вот видите, – Анжелика недобро усмехнулась. – Значит, и вам оно будет не впору.

– Андрей! – Женщина обернулась, выглядывая кого-то возле кассы. – Пройди сюда! Посмотри!

Анжелика окаменела. Она увидела своего отца. Он продрался сквозь небольшую очередь из трех человек, стоявших к кассиру, сделал пару шагов и тоже замер. Они не виделись несколько лет, но сразу узнали друг друга. Анжелика едва устояла на ногах. Голова у нее шла кругом, в глазах все плыло. Она поняла, что ничего не посмеет ему сказать в присутствии этой женщины, не найдет слов, не найдет слез. «Я соскучилась по тебе! Почему ты никогда мне не звонишь? Почему мы не видимся? Как ты живешь?» – Эти вопросы вертелись у нее в голове, но она понимала, что задать их не посмеет. Если бы они были одни...

Она не стала дожидаться, пока он опомнится и подойдет. Быстро скинула пальто, сунула его изумленной женщине:

– Берите!

И бочком протиснулась мимо отца, вылетела из магазинчика на галерею, побежала прочь. «Как будто что-то украла!» – стучало у нее в голове. Опомнилась она только на улице. Вытащила сигарету, закурила, закашлялась. На глаза выступили слезы. «Я вела себя как дура... – сказала она себе. – Что он теперь обо мне подумает? Что я видеть его не хочу? Боже мой...» От волнения она бессознательно стала теревить неудачно проколотое ухо – появилась такая привычка. Пришла в себя только тогда, когда увидела на пальцах кровь, и испугалась.

Эта встреча забылась не скоро, хотя у Анжелики было о чем подумать. Умерла мать Игоря. Врачи просчитались – процесс пошел быстрее, чем думали. Анжелика на похороны не пошла – умоляла мужа пощадить ее, говорила, что от такого зрелища будет неделю валяться больная. Он как будто не рассердился. После похорон все изменилось – Игорь наотрез отказался помогать брату. А еще через два года Анжелика стала свидетельницей разрыва братьев.

– С какой стати? – злобно говорил Игорь. – Ты получил квартиру! Она была куплена не для тебя!

– Однокомнатная халупа... – вздыхал Саша. – Ты никогда не думал, как я там жил с мамой?

– Мне было о чем подумать, кроме твоих проблем!

– Ну да, ты женился. А теперь женюсь и я.

– А куда жену приведешь? В ту квартиру? Она что, халявщица вроде тебя?!

– Не беспокойся, никто к тебе больше за деньгами не придет. – Саша едва сдерживался. – Я только хотел занять на свадьбу.

– Ну нет, дружок... – Игорь нехорошо заулыбался. – Ты уже большой мальчик, и хорошо бы тебе за все платить самому.

– Ладно, – поднялся Саша. – В таком случае, все. Считаю, что я у тебя ничего не просил.

– Хорошо, – с удовольствием ответил Игорь. – И запомни как следует – больше я тебе ни копейки не дам.

Он говорил твердо, уверенно, Анжелика сидела сжавшись. Ей было стыдно за скупость мужа, обидно за Сашу, и вообще – неуютно и одиноко. В этой семье постоянно говорили о деньгах. Значение имели только деньги. Саша был получше брата хотя бы потому, что был веселый. Игорь всерьез начинал ее злить.

Саша все же пригласил их на свадьбу. Игорь пошел – чтобы не нарушать приличий. Подарил набор хрустальных бокалов. Хрусталь был недорогой, некрасивый, грубой работы. Анжелика нашла в себе смелость возмутиться:

– Это плохой подарок! Он все же твой единственный брат!

– И слава богу, что единственный, – ответил Игорь. – Двух таких же я бы не вынес. Иногда я его убить хочу.

Она не поняла, всерьез он говорил или нет, но больше спорить не стала. Пошли на свадьбу.

Конечно, их подарок был хуже всех остальных. Гостей было много – друзья Саши, подруги Лены. Лена ей не понравилась. Бледная, полноватая, тщательно причесанная блондинка в тесном белом платье и с цветком в волосах. Говорила мало, не смеялась, когда шутили. Анжелика по-другому представляла себе невесту Саши. А Саша хохотал, напился, полез целоваться к брату. Игорь брезгливо отворачивался, не выносил запаха водки, сам пил одно вино. Анжелика скучала и сидела, как каменная, в своем новом дорогом костюме. В ушах и на пальцах у нее блестели бриллианты. Недавно Игорь подарил ей еще одно дорогое кольцо. Она подзревала, что это было сделано напоказ, назло Саше: «Вот, мол, куда я предпочитаю тратить деньги!»

По дороге домой, в машине, Анжелика осторожно сказала:

– Кажется, Саша на тебя не обижается.

Машина вильнула – Игорь от возмущения едва не выпустил руль. Обернулся к ней, прошипел:

– Что?! За что ему на меня обижаться?! Ты думай, что болтаешь!

– Но...

– Что «но»? Я ему сделал неплохой подарочек на свадьбу!

– Боже, да о чем ты?

– О квартире!

Анжелика поняла, что сказала глупость, покусала крашенные губы, примирительно заметила:

– А Лена мне не понравилась. Кажется, она скучная. Что он в ней нашел?

– Она-то что в нем нашла? – Игорь пожал плечами, немного успокоившись. – Вроде умная баба, хорошо зарабатывает.

– А как ты разглядел ее ум?

– Ревнуешь?

– Я никогда не ревную, в отличие от тебя. Просто странно, вы же два слова друг другу сказали. А ты уже говоришь о ней так...

– Она сказала, что их магазину нужен капитальный ремонт и перепланировка. Спросила, может ли наша фирма заняться этим. Короче, мы встретимся, и они сделают заказ. На приличную сумму, я думаю. У них торговый зал сто двадцать квадратных метров. Торгуют мехами и дубленками.

– О... – Анжелика зевнула от скуки. – Надо же, какая она романтичная... Думать о ремонте торгового зала на своей свадьбе...

– Это лучше, чем думать, у кого бы занять на свадьбу, – отрезал он. – Кроме того, какая тут романтика? Они не маленькие.

– Им по двадцать пять, разве это старость? – улыбнулась Анжелика.

– Ей – двадцать семь.

– Она некрасивая.

– Да? – заметил Игорь. – Ну, это не главное. Нет, я рад, что жена ему попала с головой. Может, он тоже немного поумнеет. Во всяком случае, она будет его держать в руках.

– Он вляпался, – сонно пробормотала Анжелика. И сама не знала, как была права.

Саша не поумнел, как надеялся его брат. Он по-прежнему не имел постоянного места работы, все еще пытался организовать какие-то проекты, но не мог найти денег. Лена работала, как муравей: упорно, ежедневно, тщательно. По словам Саши, она редко бывала дома, хотя хозяйство вела безупречно. В основном молодая семья жила на заработки жены. Но денег у Игоря больше не просили.

Вскоре все как будто наладилось. Иногда ходили друг к другу в гости – Игорь стал заметно снисходительней к брату и мог часами разговаривать о делах с его женой. Анжелика при этом сидела в углу, блистала украшениями и молчала, глядя в телевизор. Ей было все равно, что смотреть – новости, политические ток-шоу, сериалы, «Спокойной ночи, малыши!». Она не видела экрана. Как-то к ней подсел Саша.

– Скучаешь?

– Заметно? – откликнулась она.

– Да, есть такое дело. Игорь когда собрался квартиру ремонтировать?

– Через недельку примерно.

– Вы тут останетесь на время ремонта?

– Он хочет снять квартиру на два месяца, пока все не будет готово. А то будет мусор, пыль... Он же все решил поменять – окна, двери, полы... Еще спасибо, перегородки ломать не будет. Здесь нечего перепланировать.

– Он сейчас здорово зарабатывает, – заметил Саша. – Мог бы купить квартиру получше.

– Мог бы, но ему денег жалко. Да и зачем нам теперь большая квартира? Нас двое.
– А нам бы пригодилась... – вздохнул Саша. – Лена жалуется – одна комната, я прихожу ночью, ее бужу.

– Ночью? – Анжелика немного оживилась. – А откуда, если не секрет?

– Не скажешь своему?

– Зачем мне это?

– Ладно. Ленка ему тоже не скажет, не любит жаловаться. Знаешь, я ведь бросил свой бизнес. Я играю, – тихо сообщил он. – Не веришь? Каждую ночь. И постоянно остаюсь в плюсе. То есть иногда я продуваюсь, но вообще, ты не можешь себе представить, сколько людей живут только на игру.

– Я не поняла...

– Я играю в казино, чего тут не понять?

– Но это же... – Анжелика совсем очнулась от своей спячки. – Опасно?

– С чего ты взяла?

– Но там жулики...

– Деточка, ты с Луны свалилась? При чем тут жулики? Я же не в наперсток играю и не в «три листика».

– А во что?

– В блек-джек. Рулетку я не люблю, там же от меня ни черта не зависит. А в блек-джек можно делать свою игру.

– И ты действительно живешь на это?

– Да. Получается недурно.

– А как же Лена к этому относится?

Он замялся, глянул назад. Лена и Игорь рассматривали иллюстрированный каталог строительной фирмы. Саша нагнулся к Анжелике и прошептал:

– Она дуется, но на самом деле дулась бы еще больше, если бы знала, что я проигрываю. А так я ей в деньгах не отчитываюсь, говорю, что выигрываю понемногу. Потом приношу сразу кучу денег и она довольна. В общем, она хорошая баба, только сперва пыталась меня контролировать. А теперь – нет. Привыкла, знает, куда я хожу. Она боялась, что у меня любовница. Я ее туда свозил, она посмотрела, сказала, что занятие для тупых, но больше не возражала.

– Куда ты ее свозил?

– На «Александра Блока». Это такой пароход, стоит на приколе возле набережной. Хочешь, свожу, поиграешь?

– Я?!

– А что? Лучше сидеть тут и киснуть?

– Да ты представляешь себе, что скажет Игорь?

– А тебе не все равно?

Анжелика вдруг задумалась. Действительно, мнение мужа ее не интересовало, но скандала хотелось бы избежать.

– Слушай, – предложил Саша. – Давай-ка сделаем так. Ты ему скажешь, что ночуешь у мамы, а я тебя туда свожу на ночь. Утром вернешься. Твоя мать не будет сюда звонить, верно? И он ей не будет. Они же вроде не дружат?

– Она не позвонит, а вдруг он проверит, где я?

– С какой стати?

Довод был неубедительный, но она уже не нуждалась в убеждениях. В голове билась одна мысль: «Куда угодно, только бы на время встряхнуться, вырваться отсюда!» На время – только ради забавы. Большого она не планировала.

Все устроилось просто. Игорь немного удивился, когда она сказала, что мать ее зовет переночевать. Но Анжелика объяснила – та соскучилась, живет одна, ее можно понять.

«Конечно, – сказал Игорь. – Я как-то о ней забыл. Съезди». Она сама добралась до нужного места, постояла на набережной, глядя на пароход, на реку, на огни гостиницы. Ей вспомнилось, что неподалеку отсюда, на набережной, она когда-то встретила мужа. Но никаких чувств это воспоминание не вызвало. На душе было весело и тревожно. Саша немного опоздал, но извиняться не стал – подхватил ее под локоть, они пошли на пароход. Там он познакомил ее со своими друзьями – завсегдатаями. Ей запомнились две высокие худые девушки, одетые небрежно, как когда-то она сама одевалась – джинсы, свитера, грубые ботинки. Блондинку, стриженную почти налысо, звали Лиза, шатенку с кудрями до плеч – Ксения. Они смеялись, шутили, а Анжелика робко принимала участие в их веселье. Также ей запомнился приятель Лизы – Армен, холеный армянин, очень красивый, но маленького роста. Он едва доставал своей подружке до подбородка, но это никого не смущало. Анжелика не села за стол, где шла игра, она встала за стулом Сашы и внимательно следила за происходящим, мало-помалу начиная вникать в правила. Казино было дешевое, публика пестрая, на нее никто не обращал внимания, и вскоре она почувствовала себя как дома. К утру она тоже осмелилась пару раз сыграть и выиграла пятьдесят долларов.

– Видишь? – сиял Саша. Ему в ту ночь повезло куда больше – он выиграл долларов шестьсот. – Все просто. А тебе, как новичку, должно везти.

На другой день она снова отпросилась «к маме». То же случилось и на третий. Именно в ту, третью ночь ее постигла катастрофа. Она проиграла все деньги, которые у нее были. Это были деньги на хозяйство, их ей дал Игорь. А больше у нее ничего не было. Она по-прежнему не работала, курсы секретарей-референтов как-то сами собой канули в прошлое, она их не окончила. Игорь давал ей деньги очень скупно. Он был поглощен ремонтом, который делала его же строительная фирма. Как сотруднику, ему все обошлось по дешевке, но он все равно говорил, что надо экономить. Он хотел купить себе «Вольво», с иголки обставить квартиру и устроить званый вечер для своих сослуживцев. Анжелика была в растерянности.

– Слушай, не расстраивайся! – утешал ее Саша. – Подумаешь, мелочь. Я бы тебе занял, но у меня у самого сейчас ничего нет.

– Но он меня спросит, куда я дела деньги? Что я скажу?!

– Отыграйся.

– На что?!

– Глупости какие! Хватит пятисот долларов, чтобы все вернуть.

– Но у меня их нет.

– Возьми у мамы.

– Смеешься?!

– Тогда у Игоря.

– Он заметит.

– Вот жлоб! – Саша ругнулся. Он совсем перестал стесняться Анжелики, она стала своей девчонкой. – Ну, продай что-нибудь.

– Что?!

– Бюлики свои. Не поняла? Бриллианты. Два кольца, серьги... Дадут хорошие деньги.

– А ему я что скажу?

– Скажи – тебя ограбили. Все сняли.

– Нет, я не могу.

Но она смогла. Стоило ей подумать, как отнесется Игорь к новости, что все хозяйственные деньги куда-то делись, и она смогла... Как-то утром сняла драгоценности, доверчиво отдала их Саше. В тот же день он привез ей деньги – полторы тысячи долларов. Правда, она знала, что Игорь в свое время не поспешил, купил ей дорогие украшения, с хорошими камнями, а не с осколками, но все равно удивилась. Она удивилась бы еще больше, если бы узнала,

сколько денег осело при этой операции в кармане Саши. Но тогда она была слишком неопытна и ничего не поняла. Благодарила его и одновременно паниковала:

– Что я ему скажу?!

– Уйди из дома, – советовал ей Саша. – Вечером вернешься, зареванная, порви себе что-нибудь, ну, хоть колготки, и скажи, что какой-то парень встретил тебя в переулке и заставил все снять. Будто бы показал нож.

– Он в милицию заявит!

– Ну и ладно.

Она убежала из дома, до вечера бродила по городу, вернулась в темноте. Нервничая, снова теребила мочку плохо зажившего уха, и потому, когда Игорь открыл ей дверь, объяснять ничего не пришлось. Он бросил взгляд на ее лицо, задержался на ухе и побелел.

– Серьги сорвали?!

Ей осталось кивнуть головой. Муж в ужасе потащил ее в ванную, промыл окровавленное ухо перекисью водорода, приговаривая:

– Нет, мочку не порвали... Боже мой... Как это случилось?

– Кольца тоже... – проревела она. Ревела не от боли, а от стыда.

– Все сняли?!

Тут она задала такого реву, что он больше ни о чем не спрашивал – возился и суетился весь вечер, уложил ее в постель, поил валерьянкой. Ее сбивчивый, путанный рассказ произвел правдивое впечатление. В милицию Игорь решил не заявлять:

– Все равно не найдут. Ты же его даже описать не можешь. Не рассмотрела даже, во что он был одет!

– Было темно... – ревела она. – Прости меня!

– Ладно, спи.

Из этой истории она выпуталась. Но только ненадолго. Ее мать внезапно позвонила и действительно попросила Анжелику приехать. Трубку снял Игорь... Объяснение с мужем было страшным, долгим и тяжелым. Сперва Анжелика врал, врал отчаянно и упорно. Потом стала сдаваться, сникать, потом заплакала и выложила все. Он ничего ей не сказал в ту минуту, только потемнел лицом, вышел в другую комнату. К тому времени они уже вернулись в свою отремонтированную квартиру. Спали некоторое время в разных комнатах, не говорили друг с другом. Саша не звонил, не появлялся. Ночи были мучительные, наполненные кошмарными снами или бессонницей. Анжелика исхудала, часами сидела сгорбившись, не включая даже телевизора. Наконец Игорь сказал, что готов все забыть, но при условии: она никогда больше не будет ездить в казино и Саша к ним больше не придет. Она снова получит драгоценности – он купит кольца и серьги, не хочет, чтобы его жена выглядела замарашкой. Но эти драгоценности Игорь будет выдавать ей сам и только для совместных выходов в свет. Анжелика больше не будет иметь личных денег. Он сам будет каждое утро выдавать ей деньги на продукты, но не на месяц, как было раньше, а только на текущий день. И она будет отчитываться в каждой копейке. Только на этих условиях он берется все забыть и сохранить семью. Анжелика сказала «да». И сама в тот миг не знала, что подписывает мужу смертный приговор.

Глава 3

Давно наступила глубокая ночь. В комнате стало холодно, из-под прикрытой двери дуло. Она пыталась понять – почему? И вдруг догадалась: в большой комнате, где утром она нашла труп, была открыта форточка. Она сама ее открыла утром.

Анжелика встала с постели, оделась, как будто собиралась куда-то идти. До халата не дотронулась, натянула джинсы, свитер. Странно, но она чувствовала себя как в гостях – полежала и хватит. Пора что-то предпринять. Когда она вернулась домой от Лены и Саши, ничего осматривать и искать не стала – не было сил. Сразу упала в постель и пролежала так несколько часов, вспоминая всю свою жизнь с Игорем, день за днем. Искала объяснений? Но ей и так все было ясно. Пыталась оттянуть тот момент, когда надо будет чем-то заняться? Это скорее похоже на правду. А теперь на нее вдруг напала необъяснимая тревога, как будто что-то должно было случиться, с минуты на минуту. Все мысли сосредоточились на окурке. «Как будто это может что-то прояснить! – сказала она себе и в нерешительности присела на постель. – Да, похоже, до меня только теперь доходит... Кто здесь был? Кто уронил эту сигарету? Кто, кто его убил?! Милиция спрашивала меня о его врагах... Я никого не знаю! Его жизнь для меня – закрытая книга! Я ни черта о нем не знала, хотя прожила с ним почти семь лет!» Эта мысль ее поразила. Семь лет неизвестности и пустоты. Она лгала ему. Он... Наверное, тоже что-то скрывал, если в конце концов обзавелся таким смертельным врагом! Как он вел себя в последнее время? Был тревожен, печален? Она не помнила...

Она вообще мало что помнила с того времени, когда он поймал ее на продаже бриллиантов. А ведь прошло несколько лет... Анжелика сперва не решалась противоречить ему, сидела вечерами дома, экономно тратила деньги. Саша не звонил и не приходил больше в гости. Игорь отмалчивался, не любил вспоминать эту «грязную историю». Но через несколько месяцев Анжелика не выдержала. Она и сама не знала, что уже отравлена той ночной напряженной жизнью казино, жизнью, где был и риск, и азарт, и счастье – неверное, изменчивое, но все же счастье выигрыша... Когда ей везло – она была на вершине блаженства. Если проигрывала – старалась не замечать. И она снова поехала туда. Сперва не засиживалась допоздна, чтобы не выдать себя – уезжала около полуночи домой, унося в кармане жалкий выигрыш. Ведь делать больших ставок она больше не могла. Потом случилось неожиданное – позвонила мать и сказала, что отец снова прислал ей почтовый перевод, по старому адресу. Почему он решил вдруг помочь замужней, обеспеченной дочери – неизвестно. Анжелика съездила домой, получила квитанцию, выслушала претензии матери, что редко заходит, и, слегка разбогатев, сразу поехала на пароход. А вернулась только к утру. Ей в ту ночь неслыханно везло.

Это был переломный момент в ее жизни. Игорь ударил ее по лицу, как только она открыла дверь. Потом стал шарить по карманам, а она, вдруг взбесившись, стала бросать на пол скомканные деньги, истерически визжа:

– Вот, вот, получай, мне не нужно ничего! Это не твои деньги, понял?! Я играла на деньги отца! А твои деньги на хозяйство – в другой сумке, вот, сам посмотри! Я ее с собой не брала!

Неизвестно, что с ним тогда случилось. Может быть, он пережил шок оттого, что ударил беспутную, но все еще любимую жену. Может, его убедили слова Анжелики – она действительно не тронула хозяйственных денег. А может быть, произвела впечатление выигранная ею сумма. Но так или иначе муж больше не трогал ее. Она стала ездить в казино почти каждый вечер, снова установила отношения с Сашей, Лизкой, Ксенией и Арменом. Она была безмерно счастлива видеть их, болтать с ними на одну и ту же тему – игра, удача, деньги. Эти разговоры о деньгах были совсем не такими скучными, какие вел Игорь. Эти деньги были другие, как будто ненастоящие – приходили ниоткуда и уходили в никуда. Они как будто не имели цены, пока шла игра, но стоило Анжелике выйти на рассвете на пустынную набережную, как деньги снова

обретали значение и смысл. Она подсчитывала выигрыш или проигрыш, тут же, не боясь, что кто-то на нее в этот миг смотрит. Ловила машину, ехала домой. Входила в квартиру, стараясь не шуметь, – Игорь в это время видел последний, самый чуткий сон. Раздевалась, ложилась спать в своей комнате. Когда она просыпалась – далеко за полдень, уже пора было готовить ему ужин, убираться, бежать в магазин. Она тщательно следила, чтобы он был накормлен, обстиран, ухожен, как будто старалась возместить все прочие неудобства. Муж никогда не говорил ей «спасибо», но зато и не ругал больше. Уже не обсуждались ее поездки в казино – она ведь не наносила ущерба семейному бюджету. Деньги Игоря стали для нее табу. Она основала свой маленький «фонд игры», в основание которого лег тот своевременный перевод от отца. Деньги Анжелики брала только из этого фонда. Саша нередко просил у нее в долг, но она не давала. К тому времени девушка уже узнала цену многим вещам и поняла, как он нажился на продаже ее драгоценностей. Они крепко поругались, но вскоре снова помирились – Анжелика не умела злиться долго.

«А Игоря я уже не замечала... – сказала она себе теперь. – Он жил какой-то своей жизнью. Может быть, у него были свои тайны или трагедии. Может, была другая женщина. Почему он со мной не разводился? Вот чего я не могу понять. Я была чудовищем. Мерзким, запутавшимся чудовищем. Я с ума сошла. Я его в конце концов приговорила к смерти, но убил кто-то другой. Вот и мучайся теперь! – злобно прикрикнула она на себя. – Получила?! Неизвестно, что теперь будет... Кто это сделал, кто?!»

Анжелика вскочила и, запретив себе сейчас вспоминать прошлое, вошла в ту комнату, откуда утром увезли труп.

Здесь было темно и холодно. Она торопливо нащарила выключатель на стене, зажегся свет. Да, форточка открыта. Майские ночи не созданы для открытых форточек. А этот май – ледяной. Анжелика машинально бросила взгляд на ковровое покрытие, на то место, где лежало тело Игоря, на темное просохшее пятно, почти неразличимое на коричневом фоне. Если не знать, что оно там есть, и не разглядишь. Она подошла к этому месту, присела, потрогала пятно пальцем. Все это Игорем не было, да и не Игорь ее волновал. Она бросилась к пепельнице. Там было полно окурков, ее собственных. Она порылась, извлекла со дна тот самый, первый. Поднесла к свету, рассмотрела, даже понюхала. Фильтр был белый, с тоненькой золотой полоской. Надписи – никакой. Анжелика порылась на столе, оторвала какую-то бумажку, завернула окурок и положила его в карман. «На радость Лене, – подумала она. – Но что это нам дает? Лена может сколько угодно разыгрывать умницу, но понять по окурку, кто это сделал, не сможет. Это уже превышает человеческие возможности».

По ее телу вдруг прошла судорога. Она чуть не вскрикнула от испуга, схватилась за подоконник, отдышалась. «Это от холода, от страха... – стучало у нее в голове. – Мне так одиноко здесь... Я не должна была оставаться одна! Ни в коем случае!» Но что было делать? Идти к соседям? Позвонить друзьям, чтобы приехали поддержать? Абсурд. В этот час все ее немногочисленные друзья находятся в казино. И не приедут они, даже если она будет умирать. Не те люди. Не те отношения. Она годится разве как товарищ для игры. С ней можно потрепаться в баре, не ощутив скуки. Она сумеет поддержать шутку, даст себя обхватить за плечи, не возмутится. Но все это – не всерьез, понарошку. На самом деле никто не приставал к ней в казино. Там думают не о женщинах, не о даровой выпивке в баре – все это проходит как бы на заднем плане. Анжелика это прекрасно понимала. Но ей было плохо, ей было страшно. Воспоминания наваливались огромной ледяной волной, топили разум, остатки самообладания... Она села в кресло, закурила.

Теперь девушка вспоминала события совсем недавнего времени. Как все это случилось? Что было последней каплей? Когда она потеряла чувство реальности? Она вспоминала – была какая-то безумная ночь, она играла, как остервенелая, как будто то была ее последняя игра. Почему? Может, Игорь все же сказал ей что-то неприятное, когда она собиралась в казино,

может, просто на душе было паршиво. Делала одну ставку за другой, выигрывал крупье, в конце концов у нее ничего не осталось. Разумеется, только в карманах. Дома у нее всегда был запас. Она повернулась к Саше – тот сидел рядом. Жестко сказала:

- Дай мне пять фишек.
- С какой стати?
- Я тебе сегодня же отдам.

Он знал, что у нее есть дома деньги, потому не отказал. Ему в ту ночь везло. Она проиграла его фишки, снова попросила. Он дал еще парочку, но предупредил, чтобы она была осторожней. Пустые слова. Когда он отказался дать ей фишки в очередной раз, она встала и отправилась в бар. Нашла Армена, заняла у него денег. Поменяла их на фишки, продолжала играть. Когда спустила и это, обратилась к Лизе. Та недавно получила что-то вроде наследства, была при деньгах и смогла одолжить Анжелике требуемую сумму. Все знали, что Анжелика имеет свой «фонд игры», поэтому давали смело. Без денег она не оставалась со времен своего бриллиантового приключения. Слишком сильны были воспоминания о позоре.

Наутро, когда Анжелика, пошатываясь, выползла на набережную, в карманах у нее снова не осталось ничего. Только теперь в ее голове включился счетчик. Она поняла, что проиграла под честное слово больше трех тысяч долларов. Дома, в заначке, было всего пятьсот. Она стояла оцепенев. Ей казалось, что это случилось не с ней. Под каким-то гипнозом она приехала домой на метро, легла в постель, уснула, не думая больше ни о чем. Разбудил ее звонок. Звонил Саша. Для начала он невинно осведомился, поедет ли она вечером в казино. Она похолодела и ответила:

- Не знаю. Нездорова.
- Да? А как насчет денег?
- Я верну тебе, когда поправлюсь.
- Мне нужно сейчас. Я вчера продулся.

Она знала, что он врет. Собственными глазами видела, что выигрывал до конца. Но что скажешь? Это его дело, говорить о своем выигрыше или нет. Лезть в чужие дела считалось дурным тоном. Она обреченно ответила:

- Ладно, можешь приехать за деньгами. Только скорей, пока Игорь не вернулся.

Ей до смерти не хотелось трогать остатки «фонда игры». Она надеялась отыграться, чтобы отдать долги. Другой возможности достать деньги она не видела. Саша вырывал у нее часть денег, но не отдать их значило заслужить среди завсегдатаев казино дурную репутацию. Этого она страшно боялась.

Он приехал быстро, как и обещал, и первым делом впился глазами в ее бледное лицо. Спросил:

- Случилось что-то?
- Катись, – ответила она, протягивая деньги – сто сорок долларов.
- На тебе лица нет, – засовывая деньги в карман, он выглядел уже куда человечней, внимательней к ее состоянию. – Ты правда болеешь?

Он отступил к порогу и, уже уходя, заметил, словно это не имело значения:

- Армен и Лиза тебя будут ждать.

Она не понимала, откуда взялись силы устоять на ногах. Фраза была совершенно ясна – никто не будет ждать, пока она раздобудет денег. Отдать надо немедленно, иначе разразится скандал, но отдавать было нечего.

- Постой, – пробормотала она.

И, когда он остановился, спросила:

- Ты не знаешь, кто может дать мне займы тысячи две с половиной?
- Чего?
- Баксов, разумеется.

– Ты вляпалась? – сочувственно спросил Саша.

Скрывать дальше правду смысла не имело. Он все равно может подсчитать, сколько она вчера заняла, сколько продула и сколько могло быть у нее в заначке.

– Ты должен мне помочь, у тебя же есть деньги.

– Хорошо бы так, но их нет.

– Ты выиграл!

Эта бестактность его насмешила. Он заговорщицки подмигнул и сказал:

– Игоря испугалась? Он теперь стал добрый. Может, он простит? А?

– Ради бога... Всего две с половиной тысячи...

– Ты их должна Лизе и Армену?

– Да.

– Но ты же занимала и говорила, что сразу отдашь! Какого черта брала, если нет денег?!

– Хватит читать мораль... Они не могут немного подождать?

– Вряд ли. Если обещала, надо вернуть.

– Я знаю, но что мне делать?.. – Она не выдержала, разревелась.

Саша молча смотрел на ее унижение, потом сказал:

– Вроде бы есть у меня приятель, может дать в долг. Но под проценты. И обычно дает мужикам. А вот бабе...

– Поговори с ним! – Анжелика цеплялась за любую иллюзию. Она не смогла бы снова признаться мужу в проигрыше – ничего бы уже не могла. Надо было все скрыть, замести следы.

– Ладно, сиди дома. Я позвоню тебе вечером, если что-то устроится, и тогда приедешь на «Александра Блока».

Он не обманул, позвонил. Сказал: «Все уладилось. Приезжай». Она сорвалась с места, даже не попрощавшись с Игорем, как делала обычно. Правда, муж все равно не отвечал ей. Но ритуал был нарушен, не осталось и тени приличий. На пароходе Саша вручил ей требуемую сумму.

– Пятнадцать процентов в неделю, – предупредил он. – И здесь – три тысячи.

– Три?

– Пятьсот баксов, чтобы отыгаться и вернуть ему с процентами. Ты хоть сознаешь, что попала в передрыгу? Он не дарит тебе эти деньги. Чем скорее ты их вернешь, тем лучше будет для тебя. Сама понимаешь.

Руки у нее дрожали. Она приняла деньги, прижала их к груди, потом спрятала в карман. Не понимала, что чувствует в этот миг – счастье или страх. Только спросила:

– Он знает, что ты брал не для себя?

– Нет. Для тебя бы он не дал. Принципиально не дает денег бабам. Я взял для себя. Под расписку.

– Спасибо... – Ей на миг почудилось, что он самый лучший человек на свете. Пошел на такой риск ради нее! Вспомнились влюбленные взгляды, которые он кидал на нее в первое время ее замужества. Но эти взгляды давно исчезли. Казалось, в тот миг, когда Анжелика стала играть, она утратила для него всякую женскую привлекательность. Саша тут же отрезал:

– Не за что! Спасибо я тебе скажу, когда расплатишься с долгами. А пока – пиши.

– Что?

– Расписку. Мне.

– Я не понимаю...

– Чего не понимаешь? – Он рассердился. – Должны быть у меня какие-то гарантии, что ты не улизнешь с деньгами?! Если ты просто откажешься платить, кому отдуваться?! Как я докажу, что деньги отдал тебе?! Пиши!

И она написала все, что он требовал, подписалась, вернула ему расписку и, отупев от удивления, пообещала:

– Но я расплачусь! Я выиграю!

– А если ты не расплатишься, расплатится Игорь.

Этот ответ ее убил. Она стояла, глядя ему в глаза, словно не веря услышанному и надеясь на продолжение. И он пояснил:

– У него водятся хорошие деньги. Я об этом стороной узнал. И конечно, он не захочет, чтобы на его жену упало такое позорное пятно. Расплатится, как миленький.

– Но ты не выдашь меня!

– При чем тут «выдам, не выдам!» – отмахнулся тот. – Я тут при чем? Зачем мне за тебя отдуваться? Короче, или ты добываешь деньги и платишь, или я иду к нему.

Она не стала возражать. В сущности, он уже сделал для нее достаточно. Теперь, вспоминая все это, Анжелика поражалась своей наивности... Ведь она могла попросить его предъявить ту, первую расписку. Там наверняка не было таких зверских процентов – пятнадцать в неделю! Такого не бывает! Саша не пошел бы на такой риск! Он мог специально раздуть проценты, чтобы разницу положить себе в карман. Могло быть и так, что никакого кредитора не было. Саша дал ей денег из своего кармана, надеясь в любом случае нажиться – либо сама Анжелика заплатит, либо Игорь. Ее подпись муж не смог бы отрицать. Игорь заплатил бы, а потом выгнал жену. Или... «Или не заплатил бы... – сказала она себе, закуривая новую сигарету и глядя на кровавое пятно на полу. – Об этом Саша тоже подумал. Обязательно подумал. Потому и стал меня подгонять...»

Ей не удавалось ничего выиграть. В руки шла какая-то мелочь, а уходили крупные бумажки. Она все проиграла в два вечера, хотя теперь была предельно осторожна. Но что значит осторожность в игре? Ее оставило самое главное – счастье. Да, она могла спокойно смотреть в глаза Лизе и Армену, но зато боялась встречаться с Сашей, а не встречаться с ним было невозможно. Наступил вечер, когда они вышли на палубу и он потребовал объяснений.

– Я вижу, что тебе не везет, – начал он. – Денег у тебя нет.

– Нет, – сокрушенно призналась она.

– Ты все продула?

– Все.

– В таком случае, надо что-то делать.

– А что? – устало спросила она. Посмотрела на берег, потом за борт. Вода была черная, грязная, с Москвы-реки недавно сошел последний лед. Апрель подходил к концу, весна опаздывала. – Опять продать бриллианты? Это невозможно, не пройдет во второй раз... Единственное, что я могу сделать, – в воду кинуться.

– Ну, уж прости! – засмеялся он. – Ты кинешься, а кто будет платить? Я?

– Игорь... Сам же говорил. А я устала. Я безумно устала. Если бы удалось расплатиться, я бы сюда больше никогда в жизни не пришла...

– Все так говорят. – И вдруг он придвинулся, горячо задышал прямо ей в ухо и начал говорить что-то такое запутанное и невероятное, что она долго не понимала, о чем речь. А когда поняла, не оттолкнула его, не закричала, не испугалась. Нет! Какая-то блаженная прохлада вошла в ее сознание, прохлада освобождения, полного, окончательного. И через минуту ей казалось, что она сама задумала убийство, причем давно.

– У него на счету в банке тысяч двадцать... Я знаю... – шептал Саша. – А счет у вас общий! Ты что, забыла?! Ты тоже можешь с него что-то получить! Игорь не будет знать!

– Узнает... – Губы у нее онемели, едва двигались. Она совсем забыла об общем счете! Это была выдумка Игоря – в первое время их супружества, когда он задаривал ее подарками и закидывал деньгами. Он хотел, чтобы у них были общие деньги. Она забыла об этом. А Саша, оказывается, помнил.

– Послушай, но ведь он мог отменить наш общий счет! – возразила она. – Я столько всего натворила за эти годы!

– Он его не отменил.

– Да откуда ты знаешь?! И откуда тебе известно, сколько у него денег в банке? Я ничего не знаю!

– А я все знаю от Ленки. Он недавно звонил ей и плакался.

– Да? – Она была удивлена, но не слишком. – На меня жаловался?

– Давай о деле. Ты пойдешь в банк, снимешь со счета тысяч десять. Да, десять. Так безопаснее. Потом снимешь все остальное.

– А Игорь?!

– Он никогда не узнает.

И Саша доходчиво объяснил ей, почему ее муж не будет огорчен пропажей кровных денежек. Он просто умрет, прежде чем узнает об этом. Сразу же после того, как Анжелика снимет деньги, Саша позаботится о том, как его устранить. И все. Потом они снимут со счета оставшиеся десять тысяч, закроют его, поделят деньги пополам и начнут новую жизнь.

С этого момента Анжелика делала только то, что он говорил. Обдумать свои поступки самостоятельно не было ни сил, ни желания. В конце концов, говорила она себе, другого выхода нет. Игорь вышвырнет ее. Может быть, изобьет. Может, даже сильно, а боли она боялась. Надо его опередить. Она даже не думала, что его смерть неравноценна семейной сцене, ее позору, разводу... Хотела спастись от надвигающихся неприятностей, только и всего. До последнего момента не верила, что Саша решится и пойдет до конца. Он решился. И его жена, как ни странно, тоже.

«Вот момент, который меня поразил больше всего! – размышляла Анжелика, закуривая еще одну сигарету. – Как она согласилась участвовать? Я разыграла инсценировку, как просил Саша. Ворвалась к ним как-то вечером, упала в истерику, стала рыдать, кричать, что запуталась, что мне нужна их помощь... Не знаю, естественно я играла или нет, но мне поверили. Да у меня тогда в самом деле была истерика, истерика каждую минуту, каждый миг... Я уже не могла жить среди всего этого вранья и страха! Лена дала мне воды, потом налила выпить чего-то покрепче, вроде коньяка. Я сразу опьянела, тоже от нервов, наверное, все помню, как в тумане. Помню, как Саша рассказывал ей, что написал за меня расписку. Она испугалась, когда узнала, на какую сумму и под какие проценты. Конечно, ведь это были деньги ее мужа! А кто будет платить? Саша? Или придется ей самой? Он делал с ней, что хотел, она в него влюблена, как в первый день после свадьбы. Не знаю, почему. Они друг другу не подходят. Тут Игорь был прав. Только в одном он ошибся. Он думал, что благоразумная Лена повлияет на безрассудного Сашу. А вышло все наоборот. Стоило Саше чуточку на нее нажать, и она согласилась участвовать в убийстве. Сразу согласилась? Кажется, она сидела, как громом пораженная, смотрела то на него, то на меня. Саша обставил свой план так, словно он только теперь пришел ему в голову. Если бы она не согласилась, он бы все представил как нелепую шутку и придумал бы другой план. Так он мне обещал. Но она посидела молча минут пять и сказала, что согласна нам помочь. Я даже протрезвела в тот миг. От изумления. Помню, что потом я вдруг начала реветь. Наверное, поняла, что все это не шутки, мы действительно его убьем. И еще подумала, что оказывается, даже Лена не испытывала к моему мужу никаких добрых чувств, хотя ведь они так мило болтали, когда встречались! И вот – она дала согласие. Да, с пьяных глаз мне вдруг стало жалко Игоря. Саша назвал меня дурой. Сказал, что я заварила кашу и придется теперь вытереть слезы и немножко поработать. Тогда мы все обсудили до конца, уже в деталях. Накануне убийства я должна была пойти в банк и снять десять тысяч с нашего общего счета. Саша дал мне все инструкции, как это сделать, чтобы не вызвать в ком-то подозрений. Потом я должна была поехать прямо в казино. Остаться там до утра, обеспечивая алиби. Вернуться только на рассвете, увидеть труп, вызвать милицию. Саша и Лена должны были явиться к Игорю поздно вечером, без предупреждения, без звонка. Лена была необходима для того, чтобы он открыл им дверь, на брата он злился. У них были дубликаты

ключей, которые я сделала, но ими они должны были воспользоваться только в крайнем случае. Они должны были посидеть немного, выпить кофе. Далее все выглядело так: Лена ведет светскую беседу, Саша встает, отходит за кресло, в котором сидит Игорь, накидывает ему на шею удавку и душит. Лена держит его за ноги, чтобы тот не слишком брыкался и не производил много шума. Потом они улепetyвают, прихватив для вида что-то ценное».

– Черт! – Это Анжелика произнесла вслух, так разволновалась. Вбила окуроч в переполненную пепельницу, встала, обвела взглядом стены, мебель...

«Что же они прихватили с собой? Ничего? Весь наш план пошел насмарку... Они пришли к готовому трупу. Сами открыли дверь. Ничего этого не предполагалось. Они должны были имитировать ограбление. Похоже, что ничего не имитировали, иначе сказали бы мне об этом. Позвонить им сейчас? Спросить?»

Она представила себе трехэтажную ругань, которой покроет ее Саша, если ему позволят в четвертом часу утра. Кроме того, заранее уговорились не обсуждать деталей плана по телефону. Кто знает, может, их слушают. Все разговоры между безутешными родственниками должны быть вполне невинными.

«Да нет, они ничего не взяли. Они же были так растеряны! Напротив, просили меня посмотреть, не пропало ли чего из квартиры? У меня есть ощущение, что чего-то нет... Но чего? Я в последнее время редко заходила в его комнату. Разве что для уборки».

Она еще раз все осмотрела, взгляд ее вернулся к пепельнице. «Ничего не замечаю, – пожаловалась она себе самой. – Все на месте, но чего-то нет. Ни за что не вспомню, я себя знаю! Если бы хоть понять, что пропало – украшение, книжка!» Книг в комнате было много, и кому они нужны? Безделушек мало, Игорь их не любил. И они были на месте – деревянная кошечка, которую Анжелика купила как-то на выставке, фарфоровый крохотный чайничек, чисто декоративный – тоже ее приобретение, вот и все. «Интересно, почему милиция не забрала окуроч из пепельницы? – спросила она себя. – Наверное, потому, что я сказала, что он мой. А ведь при них я курила совсем другие сигареты, могли бы заметить, что окурки отличаются. Куда им! Нет, на такое способна только такая балда, как я! Выкурить улику!»

Мысли путались, было тяжело думать, вспоминать, но остановиться она не могла. Чтобы хоть как-то отвлечься, она прошла на кухню, сварила себе кофе, примостилась за столом с чашкой. Перед глазами все поплыло – от усталости, от волнений последних дней... «Да, наш план сработал, но как-то странно... – думала она, осторожно касаясь губами края чашки. – Во-первых, нам не удалось все сделать в один день. Я взяла в банке деньги, сработало отлично. Поехала в казино, а Саша с Леной отправились сюда. И не смогли войти в квартиру. Подъезжая к дому, они обратили внимание, что окно его комнаты освещено. Муж был дома, как всегда в это время. Но, когда они поднялись по лестнице и позвонили, он им не открыл. Они прислушивались и были уверены, что он даже не подошел к двери, чтобы открыть. Открыть дверь своими ключами не решились – верный скандал еще на пороге, услышит весь дом. А им надо было войти как можно тише и незаметней. Если бы хоть кто-то обратил на них внимание – все пропало, ведь они здесь раньше бывали, кто-то мог опознать. Во дворе им почти ничего не грозило: время позднее, никого нет, и темно – с фонарями плоховато, их никто бы не узнал. Они были очень осторожны в подъезде, но и там все обошлось. А вот Игорь их подвел. Пришлось вернуться. Саша был взбешен, сразу поехал в казино. А я там уже вся извелась... Увидела его лицо, решила, что Игорь уже мертв, чуть не заорала... Он был не в себе от злости. Сказал, что это слишком большой риск, оставлять его теперь в живых. Если Игорю придет в голову поехать в банк за деньгами, он сразу поймет, что я брала со счета. Нас мог погубить один лишний день. На следующий вечер мы снова разыграли эту комедию. Я уже спокойнее ожидала новостей на «Александре Блоке». Собственно, если убийство удалось бы, никаких новостей ждать незачем, мы уговорились, что я звонить никому не буду, просто поеду домой навстречу неизвестности.

Но Саша снова явился, он совсем озверел. Спросил: «Можешь объяснить, почему твой супруг не отпирает на звонок?! Он мог хотя бы спросить «Кто там?!»

Оказывается, Игорь снова был дома, горело окно не только в его комнате, но и на кухне. Но – не открыл. Этого уже никто понять не мог. На другой вечер решили действовать без раздумий, слишком много было риска. Они должны были позвонить, а если он не откроет, воспользоваться своими ключами. Игоря нельзя было подпускать к банку ни в коем случае. И вот – они пришли туда, ворвались в квартиру... А он был мертв. И это было все.

Теперь у нее возникло много вопросов. Сперва, когда все впечатления были свежи, она ничего не могла осмыслить, даже того факта, что Игоря убил кто-то не из их компании. Теперь все рисовалось в новом свете. «Почему он не открыл им дверь в первые два вечера? – спрашивала она себя. – Чего боялся? Ведь это могла быть и я: потеряла ключи, забыла что-то, приехала домой, передумала играть в казино... И что в таком случае? Я должна была мерзнуть на улице?! Он даже к двери не подходил, не спрашивал, кто пришел... Что это значит? Боялся чего-то? Так боялся, что даже из комнаты не вылезал, когда слышал звонок? Боялся и ждал? Именно в те дни, когда мы пытались его убить? Теперь его поведение становится яснее... Да какое там яснее, ни черта не видно! – Она залпом допила остывший кофе. – Как могли совпасть два намерения убить его?! В один и тот же день! Точнее, в одни и те же три дня – ведь у нас было три попытки, и в первые два раза он тоже боялся, ждал кого-то... Как нарочно! Как нарочно все придумано, чтобы нас запутать! С одной стороны, прекрасно получилось. Я чиста, Саша чист, Лена ни при чем. Никто его не убивал. Деньги мы получили. Я расплатилась с долгами, Саша у меня на глазах порвал мою расписку. Огрел почти шесть тысяч, с процентами, негодяй... Но мне уже было все равно».

«Итак, он кого-то ждал и боялся. Этот кто-то пришел, и он наконец открыл ему дверь. Или тот сам открыл ее. Тогда непонятно, почему Игорь не кричал, не сопротивлялся взлому, не вызвал милицию. Скорее всего, открыл дверь сам. Значит, больше тянуть не мог. Понимал, что придется поговорить с тем человеком. Тот человек вошел в его комнату, и дальше я достоверно знаю только две вещи: он уронил сигарету и убил Игоря. Нет, он сделал еще третье: что-то унес. Что?! Что, черт возьми?! Не помню... Не понимаю. Потом явились Лена и Саша. Надо спросить их, горел ли в квартире свет, когда они вошли. Почему это важно? – спросила она себя. И тут же ответила: – Известно так мало, что важно все. А прежде всего известно, что Игорь сидел при свете первые два вечера. А еще что? Что еще?»

«А больше ничего. самого главного мы так и не знаем. Кто это был, зачем он убил, и где он сейчас. Исчез навсегда? Или милиция его найдет? Да не все ли равно? Я чиста, я свободна, я не убивала, я даже не помогала убийце. Единственное, что я сделала – взяла деньги с общего счета. Но я имела на это полное право. И это не вызовет подозрений. Надо принять ванну, раздеться и наконец-то уснуть. Зачем я тогда сижу тут и мучаюсь?»

Ответ пришел сам – из ниоткуда, из тишины пустой квартиры, с темной улицы, из ее собственного больного, усталого мозга. «Мне страшно, я его боюсь. Не знаю, кто он, не знаю, как он сюда попал. Но я здесь одна. Мне страшно».

Звонок сорвал ее со стула. Она вскочила, а сердце покатило куда-то вниз, в желудок. Понадобилось время, чтобы оно вернулось на место и бешено застучало. Первый взгляд она бросила на часы. Пять утра! Невероятное время для случайного звонка! Звонили в дверь. Она стояла, схватившись за спинку стула, с расширенными безумными глазами, обливаясь потом. «Ошибка... – твердила ее трусливая половина. Другая половина, трезвая и рассудительная, возражала: – Нет, не ошибка. Никогда и никто не звонил в дверь в подобное время. Звонят именно потому, что тут убили Игоря. Потому, что здесь ты. И звонит тот, кто все это знает. Иди к двери. Иди! Он все равно видел, что в квартире горит свет. Не притворяйся, что тебя здесь нет. Иди туда. Спроси, кто там». «А если он выстрелит через дверь?» – плаксиво спрашивала

трусливая Анжелика. А храбрая Анжелика возражала: «Пальнет? И разбудит весь дом? Иди. Он ничего тебе не сделает. Ты хотела узнать, кто здесь был, так вот тебе!»

Она преодолела себя, сделала несколько шагов по коридору. В это время снова позвонили. Девушка привалилась к стене, ее трясло с ног до головы. «Какой упорный... Не уходит, названивает... Я ему нужна. Что делать? Вызвать милицию?» Возможно, это было самое разумное, но вместо этого она сделала еще пару шагов и, не подходя вплотную к двери, спросила слабым голосом:

– Кто?

– Лика, извини... – приглушенно донеслось оттуда. – Это Юра. Ты не спишь?

– А... – только и вырвалось у нее. Юра жил на той же площадке, его дверь была напротив. Этого парня она знала, пару раз говорила с ним. – Я не сплю. Сейчас...

Она отперла дверь и впустила смущенного гостя. Тот был одет по-домашнему: клетчатая фланелевая рубашка, спортивные штаны, тапочки. В руке, как заметила Анжелика, что-то было зажато. Проследив за ее взглядом, Юра протянул ей маленькую яркую коробочку:

– Цейлонский чай, очень хороший. Я думал, ты не откажешься выпить со мной чашечку...

Она пожала плечами. Теперь страх улетучился. Во всяком случае, она была не одна. Анжелика тщательно заперла дверь, вскинула на него глаза – он был высокий, выше ее на две головы.

– А ты что в такую рань поднялся?

– Я не спал. Работал.

– Да?... А чем ты занимаешься?... – Она говорила безо всякого интереса, только чтобы поддержать разговор. Двинулась на кухню, Юра послушно пошел за ней, объясняя на ходу:

– Готовлю диплом. Я же шестой курс заканчиваю.

– Да? – Она поставила чайник, ополоснула две чашки. На душе у нее стало совсем хорошо – мирный визит, спокойный разговор, в случае нападения у нее будет защитник. Этот Юра хотя и худой, но зато такой высокий, представительный, широкоплечий. Она чуть внимательнее взглянула на соседа. Отметила, что он ничуть не изменился с тех пор, как она видела его в последний раз. Так же пострижены русые волосы – ежиком, те же голубые глаза навывкате, крупный горбатый нос, большие красноватые руки. Только вот глаза стали какие-то усталые.

– Постой, – улыбнулась она. – Ты же вроде только поступил в институт? Ты где учишься, во ВГИКе?

– Господи, да ты что? – удивился он. – Я поступил, уже когда ты сюда приехала. С тех пор шесть лет прошло. Я ВГИК уже заканчиваю.

– Не помню, ты кто?

– В смысле профессии? Художник.

– А-а-а... – протянула она. – Точно, я все на свете забыла... Не женился еще?

– Нет.

– И не женись.

– Лик, ты что, сердись, что я пришел? Конечно, тебе тяжело из-за этого... – Он кивнул в сторону комнаты Игоря, и настроение у нее резко упало.

– Ты уже знаешь?

– Весь дом знает. – Юра потряс пачкой сигарет, предлагая ей закурить, но она отказалась:

– Обкурилась уже. А откуда все узнали? Я никому не говорила...

– Откуда-то узнали.

– И ты что, решил подробности разведать? – горько улыбнулась она.

– Лик, не надо... Я просто увидел, что у тебя свет в такое время, сам не спал, вышел на балкон проветриться... Решил, что ты тут изводишься одна. Вот и зашел. Можешь мне ничего не рассказывать, я же не садист. Успокойся.

– Легко говорить... – Она сняла с плиты чайник, разорвала бумажную упаковку подаренного чая, заварила, торопливо разлила по чашкам. – Ладно, спасибо, что пришел. Мне было страшно одной.

– А почему Сашка тебя одну оставил? – поинтересовался Юра, с неодобрением глядя в свою чашку. Анжелика заварила чай почти не глядя, вышло плохо, на поверхности воды плавали чаинки.

– Сашка тоже не в себе, – пояснила она. – А я думала, что выдержу одна. Я сегодня там была, они предлагали переночевать. Да, лучше бы я там осталась...

– Милиция здорово тебя трепала?

– А почему они меня должны трепать? – удивилась Анжелика. Сама она к чаю не притрагивалась, не любила – предпочитала кофе. Юра тоже не пил. Его визит с заваркой превращался в полную бессмыслицу. «Его просто гложет любопытство, – поняла она. – Мужики еще худшие сплетники, чем бабы. А, все ясно! Его послала мамаша. Он же с мамой живет! А мама – первая сплетница на деревне. Небось сама тоже не спит, в себя прийти не может. Увидела у меня свет, послала его на разведку. Сам бы он не пришел – слишком застенчив. Да и знакомство у нас не то чтобы близкое». Иронично спросила:

– А что по этому поводу думает твоя мама?

Он сразу смешался, и она поняла, что не ошиблась в своих предположениях.

– Мама? – выдавил он. – А она тут при чем? Ей меньше всех известно про это дело...

– А кому больше всех? – поймала его Анжелика. – Да ты пей чай, ради бога, я его вообще не употребляю...

Он шумно выдохнул, как бы избавляясь от остатков робости, и довольно независимо сказал:

– Я вообще хотел сперва посоветоваться с тобой.

– Ты о чем?

– Да об этом... Не знаю, может, стоит в милицию заявить? Только боюсь тебе навредить. –

Он снова кивнул в сторону комнаты Игоря.

– Я тебя что-то не понимаю... – Она не сводила с него глаз, и до нее постепенно доходило – он пришел не из пустого любопытства, вовсе нет. – Что ты обо всем этом знаешь?

– Да почти ничего, – завилил он, но она уже вцепилась в него мертвой хваткой:

– Ты что, видел вчера ночью кого-то? Да?!

Он сперва кивнул, потом вдруг резко и отрицательно помотал головой. Ей стало дурно, но на миг. Голова тут же просветлела, и в этом свете застыла одна страшная мысль: если он видел Сашу и Лену, вошедших в квартиру после убийства, тогда...

– Понимаешь... – Юра запинаясь, то, что вертелось у него на языке, явно мучило его. – Не знаю, говорил тебе Игорь или нет... У него, похоже, кто-то был.

– Я понимаю... – Язык и губы у нее были будто из ваты, слова давались с трудом.

– Я имею в виду женщину. – Сказав это, он, как будто отводя дальнейшие вопросы, схватился за чашку с чаем. Анжелика не знала, как реагировать, потому что при этом известии не почувствовала ровным счетом ничего. Ни удивления, ни злобы, ни испуга. А реагировать было надо – ее равнодушие могло показаться подозрительным. И девушка проямлила:

– Первый раз слышу... Ты не ошибаешься?

– Я ее видел.

– Когда?

– Позавчера.

– Подожди... В тот вечер, когда Игоря...

– Нет, я же говорю – позавчера! Это было накануне его смерти. Она была здесь вечером, очень поздно, около полуночи.

Сосед допил невкусный чай и бросил на нее косой взгляд. Анжелика сидела напротив него, держась очень прямо, не чувствуя ни рук, ни ног, ни даже собственных мыслей – ее всю заливал какой-то странный безразличный холод. Холод шел от сердца, наполнял грудь, поднимался по горлу... Она шевельнула губами, попыталась что-то сказать, и кухня поплыла перед ней, теряя очертания, исчезая.

Глава 4

– Как ты?.. – Он теребил ее за плечо, тряс, не давал провалиться снова в спасительный холод, в спокойную темноту. Она неохотно, но быстро всплывала из этой тьмы в свет, как надувная игрушка, которую попытались утопить. Еще один рывок – и она открыла глаза. Лицо Юры – покрасневшее от волнения, его испуганные глаза, его рука на плече...

– Нормально... – Она поняла, что лежит на ледяном плиточном полу, здесь же, на кухне. Попыталась сесть, голова снова закружилась, да вдобавок заболел правый локоть – она его ушибла при падении со стула. Юра помог ей сесть, поддерживая за плечи. Заботливо спросил:

– Может, тебе будет лучше в комнату перейти?

– Мне уже никогда не будет лучше... Посмотри-ка в холодильнике, там должно что-то быть.

– Что?

– Вино оставалось...

Он послушно открыл холодильник и действительно вытащил початую бутылку венгерского муската. Откуда эта бутылка взялась в холодильнике, Анжелика не знала, во всяком случае мускат покупала не она и пила тоже не она. Он там был, и большего не требовалось. Юра налил ей полстакана, придвинул, с сомнением сказал:

– А тебе не будет хуже? Он такой сладкий... Может, чаю выпьешь с лимоном?

– Спасибо за заботу... – Она с отвращением попробовала ледяной приторный мускат и с возмущением прокомментировала: – Какая лошадь поставила это в холодильник?! Вино хранят при комнатной температуре.

Юра только пожал плечами, закурил, внимательно глядя на нее. Она запила мускат водой, и ей не то чтобы стало лучше, но, во всяком случае, исчез обморочный горький вкус во рту. Она тоже закурила, постепенно приходя в себя, и спросила:

– Милиции ты об этой женщине не говорил?

– Нет. Сперва решил поговорить с тобой.

– А почему?

– Не знаю... Если это была его любовница, тогда, наверное...

Она вдруг поняла, фыркнула:

– Сдурел? Думаешь, я способна на убийство из ревности?!

– А кто тебя знает... – Он нерешительно улыбнулся, но улыбка погасла, когда он встретил сумрачный взгляд Анжелики. Встревоженно спросил: – Я глупость ляпнул, да? Прости, я думал, ты о ней что-то знаешь... Конечно, тебе дурно стало...

– Мне не из-за нее стало дурно, – отрезала она. – Просто у меня сейчас два самых паршивых дня в моей жизни, а будет еще больше. Никогда мне не было так плохо. Я совсем запуталась...

– В чем?

– Во всем, – она прикусила язык. – Не знаю, как теперь жить, ведь он умер.

– Ты так его любила?

Ей не понравился его взгляд. Слишком внимательный, без тени доверия, без следа сочувствия. «Похоже, он надо мной смеется, – мелькнуло у нее в голове. – С какой стати? Притащился, чтобы сообщить о любовнице Игоря... Ничего не сказал милиции. Торчит здесь и таращится на меня своими лягушачьими выкаченными глазами. Я с ним говорю третий раз в жизни, что он себе позволяет?»

– Опять глупый вопрос, да? – спросил он, стряхивая пепел. – У меня такой талант, на глупые вопросы. В конце концов, это не мое дело, верно ведь? Я просто решил узнать, известно тебе что-то об этой женщине или нет.

– А как ты вообще о ней узнал? – оборвала его Анжелика.

– Встретил в подъезде. Я позавчера поздно возвращался домой, захожу в подъезд, за мной входит незнакомая женщина. Я только обернулся посмотреть, кто это, и больше на нее не смотрел. Я поднимался на пятый этаж, и она за мной. Я уже решил, что она к нам идет, к матери, что ли... К вам же гости не часто ходят, да еще в такое время...

«Интересно, откуда он это знает? – задала себе вопрос Анжелика. – Неужели вел учет нашим гостям? Сашке и Лене просто повезло, что они не нарвались на него в эти три раза, когда сюда приходили... Или... Нарвались?! Что он тут треплется, ведь явно держит камень за пазухой!»

– А на нашей площадке я еще раз на нее оглянулся, – вдохновенно продолжал Юра. – Тогда ее и разглядел. Я стал открывать свою дверь, а она позвонила к вам... То есть к Игорю.

– А откуда ты знаешь, что меня не было? – перебила Анжелика. – Что, следишь, когда я ухожу, когда прихожу?!

– Да нет... Просто заметил, что ты часто не ночуешь дома, возвращаешься на рассвете... – завилал Юра. – Я же постоянно по ночам работаю, иногда вижу тебя с балкона...

– Я не у любовника ночую, – отрезала она.

– Я и не говорил...

– Вот и не говори! Игорь ей открыл?

– Да.

«Вот сволочь! – подумала она. – А в тот же вечер Ленка и Сашка напрасно ему звонили! Значит, он ждал ее. А как он узнал, что это она? Ни черта не понимаю...»

– Может, тебе интересно, как она выглядела? – робко спросил Юра.

– Ты и это рассмотрел?

– Ну, конечно, я ее под лупой не разглядывал, но я ведь художник, у меня глаз наметанный.

– Ну? – заинтересовалась она. – И какая она? Ничего себе?

– Ничего, но ты лучше.

– Ах, мерси, мерси... – Она смеялась, но на душе немного потеплело. Хоть какая-то положительная эмоция за последние дни, да что там дни – месяцы... За всей этой историей Анжелика успела забыть, что она прежде всего женщина, и женщина привлекательная. – Ну, а точнее можешь сказать?

– Довольно высокая, худая. Нет, не худая, но знаешь, мускулистая, без жировых отложений. Блондинка, причем волосы совсем белые, как у Монро.

– У кого?

– Мэрилин Монро знаешь?

– Нет, – отрезала она. – У меня своих проблем хватает.

– Да ты что?! – изумился Юра, но она в ответ только поморщилась:

– Продолжай.

– А нечего продолжать, в сущности. Волосы до плеч, белый плащ, больше ничего не разглядел. Красивая, верно, но не сногшибательная.

– А лет ей сколько, как думаешь?

– Кто знает... – задумался он. – Может, тридцать, может, больше... Вот моей матушке сорок восемь, а выглядит она на тридцать с хвостиком, не больше.

– Ясно, – Анжелике вдруг стало грустно. Она сама не понимала, почему. Никаких чувств к мужу она давно не испытывала, если исключить чувство вины. Ревность была ей незнакомой, ей даже в голову не приходило, что у Игоря может кто-то быть, но если бы такая мысль возникла, она бы не слишком поразилась и расстроилась. И все же пришла грусть, а вместе с ней – чувство неуют, заброшенности, своей ненужности. Хотя человек, который мог ее бросить, уже никогда не сделает этого. «В конце концов, – подумала она, – он имел на это право. Мы до

смешного редко спали вместе... Правда, если такое случалось, то было хорошо, как и раньше... Мне было с ним хорошо, только я в последнее время постаралась об этом забыть. Он был внимателен, нежен, только вот ничего мне в постели не говорил. А я почему-то хотела, чтобы он меня при этом как-то называл. «Лапушка, красавица, любимая...» Неужели ему было так трудно сказать мне что-то? Не знаю... Я ведь его не просила об этом, стеснялась. Все шло к тому, что он со мной развелся бы! Любой на его месте вышвырнул бы меня, еще тогда, когда я продала бриллианты... А он меня терпел бог знает сколько. Зачем? Зачем?! Любил?! А я его?... Любила ли я его хоть когда-то? Нет? Никогда? Почему же мне теперь стало плохо, когда я слышала про любовницу?»

Она ничего не могла понять. Подняла глаза на Юру, тот сидел молча, как-то странно глядя на нее.

– Я что, думала вслух? – спросила она.

– Нет, у тебя просто было такое лицо...

– Какое?

– Не знаю... Нездешнее.

– К сожалению, я здесь, и никуда отсюда не денешься... – вздохнула она. – Ну, и что теперь делать? Ты расскажешь милиции про эту женщину?

– А ты как считаешь?

– Надо рассказать.

– Надо? – Он как будто встревожился. – Может, сама расскажешь? Только на меня не ссылайся, пожалуйста... У меня диплом горит, я не могу время терять...

– А я тут при чем? Я же ее не видела. Сам расскажешь.

– А как мне с ними связаться?

– Не знаю. Неужели еще не допрашивали соседей?

– А что, должны допрашивать? – удивился Юра.

– Кажется, должны. Кто-то ведь мог увидеть убийцу... А вчера эта женщина здесь не была?

– Я отвечаю только за тот единственный раз, больше я ее не видел.

– Но Игорь ждал ее? Как тебе показалось?

– Да, наверное, ждал. Впустил в дом без всяких вопросов.

– А она звонила обычно или как-то особенно?

– Да нет, один звонок, и все... А почему ты спрашиваешь?

Конечно, Анжелика не собиралась объяснять ему, что на тот же один звонок Игорь не открыл дверь Саше и Лене, и перевела разговор:

– Ты у нас никогда не был?

– Нет, – он оглядел кухню, спросил: – Недавно сделали ремонт?

– Давно, – она махнула рукой. – Хочешь, покажу комнату, где его убили?

Он хотел, и она провела его, показала. Сосед смотрел растерянно, как-то по-детски оттопырив губы. После паузы вздохнул:

– Ужасно все это.

– Ну, ты еще его не видел, – заметила она. – Знаешь, это было самое страшное в моей жизни. Уехала из дома часов в девять, все было так мирно, так обычно... Он смотрел телевизор, только что поужинали... И вот возвращаюсь – мертвый.

Тот молча кивнул, оглядел комнату. Анжелика подошла к столику, взяла переполненную пепельницу, сказала:

– Мне кажется, отсюда что-то пропало, только я не могу понять что.

Она смахнула пепел со столешницы, подняла глаза и увидела, что Юра смотрит на нее неподвижным тяжелым взглядом. Испуганно спросила:

– Ты что?

Не дождавшись ответа, повторила:

– Да что случилось? Привидение увидел?

Он наконец ожил, расклеил губы, пробормотал:

– Здесь душно.

В комнате вовсе не было душно, недавно было открыто окно, и Анжелика ему не поверила. «Что он увидел? – спросила она себя. – А он что-то увидел. Черт возьми, что он видит, чего не вижу я?! Псих ненормальный! Лягучаши глаза! Снова на меня уставился!» И решительно сказала:

– Знаешь, уже поздно, то есть рано. Мне спать хочется.

– Да, я пойду, – теперь он стал немного похож на человека, но глаза старался прятать. – Мать, наверное, скоро встанет.

– Маме передай привет, – она выпроводила его и заперла дверь. Этот визит оставил у нее сложные ощущения – удивление, раздражение, досаду. Прошла в комнату, погасила свет. Совсем рассвело, все предметы были отчетливо видны. Она закрыла глаза, постояла так с минуту, потом резко открыла их. Она не ошибалась – в комнате чего-то не хватало.

«Часы встали, – подумала она, взглянув на стеллаж. – Показывают дурацкое время. Не буду их заводить. Назло. Они мне не нравятся. Отдам Саше, вроде он их когда-то одобрил». Какое-то воспоминание скользнуло и оставило после себя только слабый трепет, волнение, и она поняла – это что-то важное, необходимое, но что... И вдруг поняла. «Часы! Точно, часы! Они же стояли на такой вот квадратной малахитовой подставке, страшно тяжелой и безвкусной! А теперь ее нет! Точно – часы стоят прямо на полке...» Девушка бросилась к стеллажу, приподняла часы, как будто подставка могла где-то затеряться. Потом обшарила все остальные полки, поставила стул, заглянула наверх, и с каждым движением убеждалась – подставки в комнате больше нет. Кто-то ее унес.

Она опустила в кресло, тупо глядя на пепельницу, из которой так и не вытряхнула окурки. «Подставка... Никакой ценности не имеет. Хотя и малахитовая, но грош ей цена. Тяжелая и совершенно ненужная. Без нее часы даже лучше смотрятся. Как я сразу не заметила? Да я вообще старалась не обращать внимания на это убожество!»

Анжелика бросилась к телефону, подняла трубку и с грохотом положила ее на место. Потом, решившись, снова сняла и набрала номер. Ей ответили не скоро. В трубке раздался заспанный голос Лены:

– Да?

– Это я, – Анжелика уже приготовилась отместить все возражения по поводу раннего, да и вообще, небезопасного звонка, но Лена неожиданно терпимо отнеслась к ней, только спросила:

– Случилось что?

– Да. Я кое-что нашла, то есть потеряла...

В трубке послышался другой голос, Саша спрашивал жену: «Что нужно этой дуре в такое время?!» Анжелика с досадой ответила ей:

– Скажи, чтобы придержал язык, сам дурак.

– Да что такое? – окончательно испугалась Лена. – Что-то серьезное? Отвяжись! – Это явно относилось к Саше.

Анжелика осторожно сказала:

– Помнишь, я заметила, что в комнате чего-то не хватает?

Ответом было напряженное молчание, в котором можно было различить дыхание Лены.

– Так вот, я поняла, чего нет. Это так нелепо, что я ничего не понимаю. Пропала малахитовая подставочка для часов, не знаю, помнишь ты ее или нет?

– Нет... – деревянным голосом ответила та. – Какая подставочка?

– Часы, часы стояли на малахитовой подставочке, – торопливо объясняла Анжелика. – Уродливые часы под старину, они и теперь здесь. А подставочка пропала. Она была не приклеена, понимаешь? Вот кто-то ее и унес. Не вы?

– Не мы, – так же заторможенно ответила Лена. Рядом с ней снова завожился Саша, видимо, он опасался, что разговор коснется опасных тем, и хотел вырвать у жены трубку, но та не давала.

– Да скажи ты ему, пусть не играет в сыщиков и воров, – закричала Анжелика. – Скажи, что ты об этом думаешь?

– Не знаю.

– Я тоже не знаю, кому была нужна эта каменная чепуха! Но ее украли.

– Мы ничего не унесли, – ответила Лена. – Мы растерялись.

– Слушай, еще вопрос! – вспомнила Анжелика. – Когда вы вошли, свет в комнате горел?

– Нет, – сразу ответила Лена. – Во всех окнах было темно. Мы потому и вошли.

– Ясно.

– Что ясно? – Голос ее собеседницы высоко и истерично зазвенел.

– Да ничего не ясно, – вздохнула девушка. – Просто в первые два раза свет у него был, а в третий – нет. Не в темноте же его... Значит, когда тот уходил, он погасил свет.

Лена в ответ промолчала.

– Зачем погасил? – Анжелика спрашивала скорее саму себя. – Из аккуратности? Решил сэкономить электричество?

– Может, чтобы внимания не привлекать, – замогильно откликнулась Лена.

– Чье внимание?

– Соседей. Наше внимание. Чтобы мы не зашли на огонек, чтобы никто не зашел, чтобы тело попозже обнаружили... Ну, или просто так погасил свет. Я бы тоже погасила.

– Ты тут при чем?

– Я всегда гашу свет за собой. – Лена как-то неестественно рассмеялась, и только теперь Анжелика отметила всю странность ее голоса, он был почти неузнаваем.

– Лен, что с тобой?

– Я пьяная...

– А Сашка?

– Он – нет.

– Как же он тебе разрешил напиться? – растерялась Анжелика.

Лена пьяно рассмеялась и отчетливо ответила:

– А я его не спросила. Он хочет с тобой говорить. Будешь?

– Буду. – И, когда в трубке раздался резкий голос Саши, прошипела: – Ты зачем мне ее подсунул? Она лыка не вяжет.

– А ты зачем сюда звонишь? – сорвался в свою очередь тот. – Уговаривались же! Тебе что в лоб, что по лбу мои уговоры! Это опасно!

– Так брось трубку! – выпалила Анжелика. – Чего боишься? Мы ничего не делали!

Послышался ясно различимый женский вскрик. Потом затишье. Саша объяснил:

– Ушла. Противно на нее смотреть, пьяная, вся опухшая. Не думал, что она так сдаст. Вроде шла на такое дело, и ничего. А ведь она даже ни к чему не прикоснулась. И вот – истерики...

– Я нашла тот самый окурок.

– Ты его не выбросила, надеюсь?

– Он при мне, я его в бумажку завернула.

– Принесешь, покажешь.

– А еще я поняла, что украли малахитовую подставку, ту самую...

Саша сразу понял, о чем идет речь, и удивился:

- Из-под страхолюдных часиков? Зачем?
- Хорошо бы ты мне это объяснил, – вздохнула она. – И еще... У него была женщина.
- В смысле? – невероятно оживился Саша.
- Не знаю, в каком смысле, может, любовница, может, знакомая. Факт тот, что она зашла к нему накануне его смерти. Сейчас какое число?
- Шестое наступило.
- Он умер пятого...
- Нашла ты его пятого, – перебил ее Саша.
- Что? – запуталась Анжелика.
- Нашла ты его пятого числа, на рассвете. А когда он помер – четвертого, пятого или вообще в полночь, пока неясно.
- Что ты болтаешь, вы же там были в полночь!
- Тем более, умер он четвертого, незадолго до полуночи.
- Боже мой... – вздохнула она. – А он какой был, теплый или нет?
- Уже не помню. Холодный, скорее. Какой-то комнатной температуры.
- Значит, умер он четвертого вечером... А третьего приблизительно в то же время, около полуночи, к нему пришла женщина.
- Кто тебе сказал?
- Сосед.
- Юрка, что ли?
- Ты его знаешь? – удивилась Анжелика, и он презрительно ответил:
- Мартышка к старости слаба мозгами стала? Я же там прожил всю жизнь, пока Игорь квартиру нам с матерью не купил. И мы с Юркой вообще в одном классе учились.
- А-а-а... – протянула она и тут же неприлично удивилась: – Юрка твой ровесник?!
- Ему тридцатник, как и мне, просто он все учится. Поздно поступил. Да ты что, решила со мной о Юрке поговорить?! Как он вообще ту бабу заметил?
- Случайно. Неважно, как заметил, только он ее внешность описал.
- Какая из себя?
- Анжелика добросовестно пересказала, Саша помолчал и наконец вымолвил:
- Нет, не знаю.
- И я тоже. Что делать будем?
- А что тут сделаешь? Гулял Игорек.
- Не это меня волнует.
- Не ревнуешь? А что тебя тогда волнует? Думаешь, она его убила?
- А почему нет? Юра сказал – мускулистая, высокая. Могла справиться. Тем более по голове дать, это же не драка. А ударили сзади, неожиданно.
- Не верю, чтобы женщина била по голове... – засомневался он. – И вроде бы интеллигентная, по описанию. Белый плащ...
- Ты по цвету плаща судишь об интеллигентности? – изумилась Анжелика. – А у кого плащ темный – тот, по-твоему, придурок?
- Ладно, чепуха, не слушай меня. Женщина – это интересно.
- Вот я и говорю, должна о ней милиция знать?
- А почему нет? Расскажи. Тебя, кстати, должны будут вызывать.
- Представь, я это уже поняла. И это страшно неприятно.
- Но еще неприятней знать, что деньги взяла, а отдать нечего? – усмехнулся он. – Кто мне говорил – «в воду кинусь»? Расплатилась, должна быть счастлива, а ты теперь капризничаешь? Это ей плохо, это неприятно...
- Да, теперь капризничаю, – убито ответила она. – Я сделала глупость.

– Запомни, ты ничего не сделала, – его голос стал твердым. – И бояться нечего. Намерение – это еще не деяние.

– Красиво говоришь.

– Красиво говорить будешь ты, в милиции. Поплачь там, что ли. Для правдоподобия. А то слишком хорошо держишься для молодой любящей вдовы.

– Заткнись. – Она произнесла это устало, без злости. – А про подставку им сказать?

– Говори про что угодно, только давай закончим этот разговор. Ты хотя бы знаешь, который час?

– Скоро семь.

– Ты что, не ложились?

– Мне не удалось уснуть.

– Ты вторую ночь не спишь! Тебе нужна свежая голова.

– Ты же сказал – я совершенно равнодушна и держусь даже слишком хорошо, – усмехнулась Анжелика. – Ничего со мной не будет. Упаду в обморок у следователя в кабинете, для правдоподобия.

Он, видимо, хотел что-то сказать, но вместо этого вдруг положил трубку.

* * *

Саша как в воду смотрел – в одиннадцатом часу утра раздался телефонный звонок. Анжелика, встрепанная, очумелая (не успела поспать и трех часов), подскочила к телефону и сперва не понимала, что говорит со следователем и ее просят подъехать по такому-то адресу к такому-то часу. Ложиться досыпать было уже поздно, она умылась холодной водой, выпила крепчайшего кофе, но проснуться по-настоящему ей так и не удалось. На столе в кухне валялась яркая упаковка чая, и она долго не могла сообразить, откуда та взялась. Наконец вспомнила Юру. Его нелепый утренний визит оставил в ней глухое чувство раздражения. Благодарности к нему соседка не испытывала. «Сплетник, – сказала она себе, одеваясь. – Да еще и трус. Чего он так испугался? Почему сбежал?» Когда она вышла из подъезда и зажмурилась от ослепительного весеннего солнца, ей в голову пришло, что этот двухметровый широкоплечий парень – обыкновенный неврастеник, к тому же подкаблучник и маменькин сынок, отсюда все странности в его поведении...

...Следователь рассматривал ее руки. Вдова сама не знала, зачем так расфрантилась для визита в милицию – нацепила новый брючный костюм, оба бриллиантовых кольца, вдела в уши серьги. За семь лет Игорь сумел приучить ее, что одеваться надо дорого и элегантно, во всяком случае, когда идешь «в люди». На пароходе, в казино, Анжелика предпочитала одежду своей юности – джинсы и свитерок. Теперь же она складывала руки на коленях, то так, то этак, стремясь прикрыть блестящие кольца, потом разозлилась на себя и прямо посмотрела на следователя. Пронзительного взгляда не получилось – глаза от недосыпа опухли, слезились, то и дело закрывались сами собой.

– Я веду ваше дело, зовут меня Кочетков Владимир Борисович, – представился он.

Она кивнула, сразу оробев, пошевелила губами, стараясь запомнить его имя.

– А вы, значит, Прохорова Анжелика Андреевна? – полуутвердительно спросил он.

Анжелика ответила, что именно так.

– Анжелика или Ангелина?

– Анжелика. Могу паспорт показать, – удивилась она.

– Не надо, я просто поинтересовался, у меня дочь Ангелина, требует, чтобы ее звали Анжеликой.

Следователь был в годах, почти полностью седой, очень полный, с пронзительным бабьим голоском. Анжелика постепенно переставала робеть перед ним, расслабилась, села свободнее.

– Прохорова вы по мужу?

– Да.

– А ваша девичья фамилия?

– Стасюк.

– Давно вы замужем?

– Семь лет. – Она сцепила и тут же расцепила пальцы, поймала себя на том, что вдруг разволновалась. Сонное состояние прошло, только вот раздражал солнечный свет в глаза и духота в грязноватом кабинете с обшарпанной мебелью. Постоянно кто-то входил, выходил, говорил по телефону в другом углу, и в воздухе стоял какой-то мужской запах – то ли казармы, то ли спортивного зала.

– Ну, и как жили? – спросил он, закуривая. Она обратила внимание на марку сигарет – «Петр I». Дым был крепкий, ядреный, она едва удержалась, чтобы не поморщиться.

– Нормально, – сдержанно ответила она.

– А поподробнее?

– А что вас интересует?

– Ну, все же у вас такая разница в возрасте.

– Десять лет с хвостиком, – пожала она плечами. – Разве это разница...

– Сейчас – да. Но замуж-то вы вышли в восемнадцать, так я понял? Тогда разница больше бросалась в глаза.

– Ну да, бросалась...

– Он к вам хорошо относился?

– Всегда очень хорошо, – ответила она и не покривила душой. Исключая разборки насчет ее походов в казино и продажи бриллиантов, он никогда на нее не накричал и пальцем не тронул.

– А вы к нему?

– Я, конечно, тоже хорошо... Мы не ссорились.

– Никогда?

– Почти никогда.

– Анжелика Андреевна, может, все же припомните что-нибудь из вашей семейной жизни? Мужа-то вашего убили. Неужто он вам ничего не рассказывал о своих делах, не бывал раздражен и прочее?

– Иногда бывал, но я... Не интересовалась, что ли, – произнеся это, она поняла, что сделала ошибку – следовательно нехорошо напрягся.

– У вас бывали все же нелады?

– Наверное, как в каждой семье. Но ничего серьезного. Просто он считал, что я ничего не пойму в его делах и никогда со мной не делился...

– Это из-за разницы в возрасте или еще почему-то? – сощурился тот.

– Он просто не считал, что я очень умна, – созналась Анжелика.

– Он что, высказывал такие предположения вам в лицо?

– Нет, он меня не оскорблял... – Она совсем запуталась, стала нервничать пуще прежнего. Слава богу, он вдруг сменил тему, поинтересовался:

– Друзей его вы знали?

– Никого.

– Как же так?

– А к нам никто в гости не ходил.

– Никогда?

– Никогда, не было ни одного случая... А, нет! – вспомнила она. – Когда он сделал ремонт, у нас была вечеринка для его сослуживцев. Но я все время подавала на стол, мыла посуду, так что ни с кем не познакомилась. Скучно было. И они все говорили только о

делах. Вот это был единственный случай, когда к нам пришли гости, и он позвал их только потому, что иначе нельзя было.

– А может, он все-таки с кем-то близко дружил? Были у него хорошие знакомые? Может, он называл вам чьи-то имена?

Она покачала головой.

– Что, ни одного друга не было? – Следователь как будто ей не поверил. – Так не бывает, наверное. Вы просто не помните.

– Я бы запомнила... – тоскливо ответила она. – Но у него не было друзей.

– Так, значит... – задумался следователь. Вбил окуроч в жестяную пепельницу, облизал желтоватые от табака губы и спросил: – А о неприятностях своих он вам тоже не рассказывал?

– Никогда. Я даже не знала, что они у него есть.

– Зачем же тогда жена существует? Неужели никогда не жаловался?

– Ни разу.

– Какой-то железный человек, ваш покойный муж... – Он снова закурил. В кабинете уже нечем было дышать. – Ладно, а как насчет другого?

– Я не понимаю?

– Вы никогда не подозревали, что у него, скажем, подруга есть?

– Что вы!.. – Она поежилась, стараясь не слишком глубоко вдыхать отравленный дешевым табаком воздух. – Он был не такой.

«А какой? – спросила она себя. – Одна баба у него все же была. Сказать?» Она вспомнила Юру, его просьбу не ссылаться на него, как на свидетеля, и решила промолчать. «Юра темнит! Сам ее видел, вот пусть сам и рассказывает! Плевать мне на его диплом!»

– Значит, женщин у него тоже не было, так получается, – вздохнул следователь. – И друзей не было. И проблем не было. Кто ж его тогда убил?

Анжелика вздрогнула, стиснула руки, подняла повыше подбородок. Особой деликатности она не ожидала, да и вроде не слишком в ней нуждалась. Но сейчас ей было бы куда лучше, если бы следователь говорил о смерти Игоря немного сдержанней.

Они помолчали, потом Анжелика робко сказала:

– Знаете, когда я пришла домой, в то утро, я заметила, что из квартиры что-то пропало.

– Серьезно? – невнимательно спросил он. Казалось, это сообщение его вовсе не заинтересовало. Она немного разочаровалась, но все же добавила:

– Сегодня я поняла. Пропала малахитовая подставка под часы.

– Это что такое? – спросил он уже чуть внимательней.

– Были у нас такие часы, да и сейчас еще есть... – пустилась объяснять Анжелика. – Они стояли на стеллаже, на такой квадратной малахитовой подставке. А теперь часы стоят просто на полке.

– Кто же подставку отодрал?

– А ее не надо отдирать, она не приклеена, не привинчена. Просто прилагалась к часам. Нелепая такая вещь. И совсем не ценная.

– Вы что, думаете, ее забрал убийца?

– Да, а кто еще?

– А ваш муж не мог ее разбить, выбросить?

Она подумала, пожала плечами:

– А зачем? Нет, нет, не мог. Он вообще не любил что-то выкидывать. Тем более эти часы сам когда-то купил.

– Давно купил?

– Не так давно, где-то год назад.

– Подставка, значит, пропала... – Он побряхтел, затушил окуроч и полез в стол. На столешницу легла картонная папка. Анжелика вытянула шею, пытаясь рассмотреть, что там такое.

Он пошуршал бумагами, вытянул листок с машинописным текстом, снова покряхтел, внимательно его прочел, уставился на Анжелику каким-то странным взглядом. Наконец спросил:

– Вы мужа-то осматривали, когда нашли?

– Н-нет...

– Испугались?

– Растерялась... Поняла только, что у него голова пробита.

– Ладно. Вот я вам прочитаю. Это заключение экспертизы. Вообще, не полагается вам такие вещи читать, но что поделаешь. Слушайте. «Проникающее ранение...» Тут дальше термины, а вот: «Удар нанесен, предположительно, предметом прямоугольной формы, в полости раны обнаружены осколки малахита, размером до пяти миллиметров, а также малахитовая крошка». Вы, Анжелика Андреевна, уверены, что та подставка была из малахита? Может, камень под малахит покрашен?

– Был настоящий малахит... – У нее едва ворочался язык. – Боже мой... Так этой подставкой...

– Вот получается, что этой. И она, сами понимаете, не выдержала удара, раскололась. Не очень-то это прочный камень.

Выслушав ее потрясенное молчание, он сунул бумагу в папку и заметил:

– Вот странная вещь получается, Анжелика Андреевна. Если этот убийца шел к вам с заранее обдуманным намерением убить Игоря Ивановича, что ж он воспользовался такой ненадежной вещью, как подставка под часы? Да еще из малахита. Почему не прихватил с собой чего-нибудь посолидней? Может, все-таки не собирался сперва убивать вашего мужа, как думаете? Может, все получилось случайно?

– Не знаю...

– Вот и я не знаю. И откуда он вообще знал, что подставка не привинчена? Может, бывал у вас в доме, и эти часы тоже видел, и про подставку знал, а?

Она не сводила с него ошалелых глаз.

– А вы, Анжелика Андреевна, утверждаете, что никто у вас в гостях не бывал.

– Чтобы совсем никто, нельзя сказать... – неуверенно ответила она. – Бывал его брат Саша с женой, но редко. И мы у них бывали.

Скрывать визиты брата она не могла – это было бы неестественно. Они с Сашей заранее договорились, что она будет о нем рассказывать следователю, и как можно проще и охотнее.

– Брат, значит, с женой. А вы говорите – никого. А какие отношения были у вашего мужа с родственниками?

– Нормальные.

– Все у вас «нормальное», – он закурил третью вонючую сигарету. – Не ссорились братья? Может, материальные вопросы решали? Делили что-то?

– Нет, им нечего было делить. Все давно поделено. Игорь когда-то купил квартиру, чтобы туда переехали мать и брат. Мать у них потом умерла, теперь Саша живет в той квартире с женой. А кроме квартиры, делить было нечего.

– Это хорошо, когда нечего делить, – задумался следователь. – Ладно, с братом мы поговорим. Давно он женат, кстати?

– Очень давно, уже несколько лет.

– Значит, недавно, – поправил ее следователь. – Да, Анжелика Андреевна! У меня к вам вопрос. Где вы были в ночь, когда произошло убийство?

«Вот оно! – стукнуло у нее сердце. – Теперь держись!» Но ответила четко, она давно отрепетировала все возможные вопросы и ответы:

– Я была в казино «Александр Блок».

Последовало недолгое молчание, он заинтересованно разглядывал девушку в бриллиантах, с опухшими глазами, которая, оказывается, прожигала жизнь в казино, когда убивали ее

мужа. Подобная деталь не могла улучшить образа Анжелики, но она к этому и не стремилась. Ей было все равно, как она выглядит, главное – безупречное алиби.

– Часто в казино бываете?

– Последнее время – да, – ответила она так же ясно и честно.

– А откуда взялось такое развлечение?

– Как-то само собой. Мне было скучновато. Я же не работала, не училась. А домашнее хозяйство от этого не страдало.

– Не страдало? Что, все время выигрывали?

– Я играла по маленькой, никогда много не выигрывала и не проигрывала. Больше любила смотреть, как играют другие.

– А муж с вами никогда не ездил?

– Нет.

– А как же вас одну пускал?

– Да просто пускал. Он же знал, где я бываю. И потом, там бывал и его брат.

Этот факт она тоже скрывать не собиралась. Когда будут опрашивать завсегдатаев казино, кто-то обязательно вспомнит Сашу и их степень родства. Те же Лиза, Ксения и Армен.

– И что, его брат вас опекал?

– Да меня не надо было опекать, – улыбнулась она. – Я же не маленькая.

– А в тот вечер, в последний, муж вас не просил остаться дома, не ездить?

– Нет. Все было совершенно обычно. Я приготовила ему ужин, дождалась его с работы. Он поел, я вымыла посуду. Сказала, что поеду туда. Он не возражал. Смотрел телевизор.

– Вы не поссорились в тот вечер?

– Нет... Почему мы должны ссориться?

– Странно, что он так терпимо относился к этой вашей привычке, ездить по ночам в казино.

– Он мне доверял.

– И вы ему тоже?

– Да, конечно. Без доверия мы не смогли бы жить друг с другом.

– Когда вы уехали из дома?

– В девять вечера.

– Ровно в девять?

– Да, я специально поехала пораньше, чтобы прогуляться перед казино. Я весь день сидела дома.

– Так вы поехали не прямо в казино?

– Нет, я там была в одиннадцать.

– И до сколько часов?

– До утра, часов до пяти. Потом мы поехали домой с одной моей подругой. Доехали до ее дома, там я отпустила машину и дальше добиралась на метро.

– Почему же не поехали на машине?

– У меня не хватило бы денег, – призналась Анжелика.

– Вы проигрались в ту ночь?

– Ну, вроде того...

– Сколько вы проиграли?

– Кажется, долларов пятьсот.

Сумма произвела на него впечатление и, видимо, начисто отбила всякие добрые чувства к Анжелике. После паузы он сказал:

– Кто может подтвердить ваше присутствие в казино, как там его?

– «Александр Блок». Это на Краснопресненской набережной, ориентир – гостиница «Международная». Меня видели мои приятели. Могу вам дать имена и телефоны по крайней мере трех человек.

– Со сколько они вас там видели? – проворчал он.

– С одиннадцати, – четко ответила Анжелика.

– Так я не понял, где вы были до одиннадцати?

– Я гуляла. Это моя привычка. Я всегда выезжаю из дома пораньше, чтобы погулять часик-полтора по городу, – пояснила она. На самом деле эта привычка родилась от желания поскорее избавиться от присутствия Игоря, уйти из мрачной притихшей квартиры, сбежать от возможных сцен и упреков в ее адрес. Она всегда выезжала из дома раньше, чем было необходимо. Игорь возвращался с работы около восьми. Она обычно уходила в девять, покормив его ужином и сказав несколько ничего не значащих фраз. Этого общения ей хватало по горло, лишнего часа с ним наедине перед игрой она не перенесла бы.

– Где вы гуляли?

– Мне трудно вспомнить... – пробормотала она. – По бульварам.

– Вас видел кто-нибудь? Может кто-то подтвердить, что вы там гуляли?

– Ой, не знаю... А зачем это?

– Зачем? – Он снова открыл папку, лениво порылся в ней, нащупал нужный листок и скучным голосом зачитал:

– «Смерть наступила четвертого мая между девятью и десятью часами вечера». Это заключение судмедэкспертов. Мне бы все-таки хотелось знать, Анжелика Андреевна, что вы делали в это время. Ведь получается, что и в девять вечера, когда вы только собирались уйти из дома, он мог быть мертв. Ваших знакомых в казино мы, конечно, опросим, не переживайте. Но хорошо бы найти еще кого-то, кто бы видел вас раньше, с девяти до десяти.

– В девять он был жив! – высоким, звенящим голосом выкрикнула она.

Он ничего ей не возразил и закурил четвертую сигарету.

Глава 5

Анжелика глубоко вдавила кнопку звонка, вслушалась в механическую веселую мелодию, покусывая губы от нетерпения. Потом позвонила еще раз, но это явно было лишним – через дверь слышались тяжелые шаги, в глазок кто-то посмотрел. Потом ей открыли.

– Извините, – слегка задыхаясь, сказала она. – Юру можно?

– Он в институте, – певуче ответила ей высокая полная дама в лиловом халате. У дамы было приятное, тщательно запудренное лицо, тоненько выщипанные брови, высокая прическа из угольно-черных волос и неодобрительный взгляд. Анжелика нерешительно показала на свою дверь:

– Я ваша соседка...

– Помню, – спокойно ответила дама.

На этом разговор иссяк. Дама не выказала никакого любопытства, никакого сочувствия по поводу смерти Игоря, вообще ничего. Анжелика ожидала большего и попыталась еще раз:

– Я вообще-то по делу...

Дама подергала поясик своего халата и довольно нервно ответила:

– Не знаю, какое дело?

– Ну вы же слышали... – Анжелика дернула подбородком, показывая на свою дверь.

– Слышала. – Дама поторопилась с ответом, и это выдало ее. Анжелика поняла – эта женщина вообще не желает с ней говорить, она, непонятно почему, испытывает к молодой соседке неприязнь, а может, что-то похуже... «Из-за того, что ее сыночек ко мне в гости ночью ходил? – пыталась понять Анжелика. – Да это глупо! Ему же тридцать лет, в конце концов, и мы ничего такого не делали...» Ей очень не хотелось говорить на лестнице, еще больше не хотелось доказывать, что она не совращала невинного Юру, – это было бы глупо. Поэтому она собралась с духом и спросила:

– Извините, я только что от следователя... Вы случайно не видели, как я уходила из дома вечером четвертого мая?

– Как это?! – удивилась дама. – Почему я должна была видеть, как вы уходили? Вы что, сами не знаете, уходили или нет?

– Я-то знаю... – Она уже поняла, что дама ее не спасет. – Но следователю нужны свидетели... Вы наши соседи...

– Я не видела вас, – отрезала дама. – Простите, я только после ванны, мне холодно стоять.

«Наглое вранье, – Анжелика с ненавистью всматривалась в ее смуглое от пудры лицо. – Волосы сухие, намазана, и ничего ей не холодно». Отвернувшись, отступила к своему порогу и услышала, как у нее за спиной хлопнула дверь.

Дома она первым делом бросилась к телефону. На этот раз сразу подошел Саша.

– Ну, чего тебе? – прошипел он. – Лена только что уснула!

– Какое мне дело до Лены! – Она скрючилась в кресле с телефонной трубкой в руке, ее знобило, ноги снова подгибались. У следователя она держалась неплохо, но теперь наступила реакция: хотелось рыдать, бить по всему, что на глаза попадется, обвинять кого-то в своих бедах... Но кого? Анжелика почти плакала: – Ты мне нужен, срочно!

– Опять что-то нашла?

– Потеряла, дурак! – Тут она на самом деле разрыдалась, и это было так сладко, так необходимо ей в эту минуту, что она не стала слушать уговоров испуганного Саши, который просил объяснить, в чем дело. Она только и смогла, что повторить: – Приезжай, скорее... Ты мне нужен!

Он обещал подъехать в течение часа, и она еще долго плакала, сидя в кресле, упершись подбородком в поднятые колени, обняв себя за ноги. Так хорошо ей не плакалось с детства.

Все напряжение, вся долго таимая ложь, вся растерянность – все вылилось на ее щеки двумя горячими потоками. В конце концов лицо защипало от соли, глаза опухли, но на душе стало посветлее. «И это глупо... – сказала себе Анжелика, поднимаясь и идя в ванную. – Глупо, ведь все стало еще ужаснее... Но не обвинят ведь меня! Алиби, боже мой... У меня было хорошее алиби, этот недоносок все испортил!» Она знала, кого имеет в виду, и это был не Саша. Только сейчас до нее дошла вся опасность положения, в которое попала их троица. «Конечно, нельзя ожидать, что убийца позаботится о нашем алиби... – Она плескала себе в лицо ледяной водой. – Все рухнуло, а я почему-то думала, что его убили, как планировали мы – где-то после полуночи... Ах, на кой черт мне теперь три свидетеля, да еще тот мужик за столом в казино, с которым я пыталась познакомиться, чтобы иметь еще одного! Теперь мне нужен хотя бы один, хотя бы один свидетель, что я ушла из дома в девять! Что я действительно гуляла! Господи! Но его же нет!»

Саша явился, вник в обстановку с первых же ее слов и встревоженно спросил:

– А Юрка что?

– Что Юрка... – проворчала она. – Его мамаша меня не видела. А он в институте.

– Можно с ним поговорить. – Саша закурил, напился минеральной воды. Разговор происходил на кухне. – Даже если не видел тебя, может сказать, что видел, да еще не в девять, а пораньше.

– Господи, да хотя бы ровно в девять! – вздохнула она. – Если он им соврет, кто-нибудь может его поймать на этом, тогда вообще я буду очень подозрительна.

– Да кто его поймает?

– Какая-нибудь бабка во дворе. Вдруг меня правда кто-то видел, когда я уходила?

– Что, бабки по часам засекали, когда ты вышла? – усмехнулся он. – Да и дворик у вас не то чтобы многолюдный.

– Скамеечек перед подъездами нет, это раз, и холодно еще бабкам гулять, – кивнула Анжелика. – Может, меня правда кто-то видел, но следователь сказал, что никого не опрашивали.

– Черт-те что, так свидетели все забудут! Обязаны были сразу опросить.

– Мало ли что они обязаны. Так ты поговоришь с Юрой? Он же твой старый друг... Мне нужен хоть кто-то...

– Да поговорю, не бойся... – Он задумался, переспросил: – Так что ты сказала, у него в ране была малахитовая крошка?

Анжелика кивнула, отошла к окну, стала смотреть во двор. На подсохшем асфальте девочка рисовала классики розовыми и зелеными мелками. Рисовала она криво, неумело, но зато с огромным наслаждением. Девочка выпрямилась, оглядела свою работу, достала из кармана курточки битую, бросила ее в первый квадрат. Прыгнула, толкнула битую кроссовкой, бита вылетела из пределов квадрата и унеслась напрямик в лужу. Девочка сбегала за ней, достала, обтерла ладонью и повторила попытку. Вышло еще хуже – бита осталась на месте, а девочка упала на колени. Анжелика вскрикнула, словно расшиблась сама, Саша так и подскочил:

– Что?!

– Девчонка упала... – Она задернула штору, повернулась к нему с виноватой улыбкой: – Я тоже не умею в классики играть.

– Рехнулась?! – разозлился он. – Я с тобой о деле разговариваю, а ты пялишься в окно! Они уверены, что убил его кто-то знакомый?

– Нет... – удивилась она. – С чего ты взял? Я ничего такого не говорила...

– Ты сказала, что следователю показалась подозрительной подставка для часов. Действительно, если разобраться, откуда убийца мог знать, что подставка отдирается?

– Ах, ну случайно отодрал... – рассеянно ответила она.

– Проснись! Это важно! Ты что, не поняла – следователь под тебя копает!

– Под меня?! – Сердце у нее так и ухнуло.

– Конечно! Алиби – это дело второе. А подставка подозрительна. Сама подумай, человек идет на дело, хочет убить. Он что, решает найти подходящий тяжелый предмет в квартире жертвы?! Он возьмет с собой что-нибудь, приготовит заранее. Это же ясно! Значит, этот человек знал, что есть у Игоря в комнате такая подходящая штука – подставка, и знал, что ее от часов отделить – раз плюнуть.

Она неуверенно кивнула, соглашаясь, потом робко спросила:

– Да я тут при чем?

– Но ты про часы знала!

– А кто не знал?!

– Никто не знал, – убил ее Саша. – Я, например, понятия не имел, что она не привинчена. А ты с нее сто раз пыль стирала, кому знать, как не тебе. И вообще, что-то тут подозрительно. Зачем он его уложил подставкой? Нелепо как-то...

– Следователь сказал, может, все вышло случайно... – вставила она.

– Так и выглядит. Шел без обдуманного намерения убить, пришел, поссорились, случайно обнаружил, что подставка отделяется... Нет, черт, тут натяжка. Если бы он Игоря часами оглушил, было бы нормально – под руку попались. А тут он под часы залез и взял подставку...

– А может, сперва он за часы схватился, они у него в руке остались, – предположила она. – Увидел каменную подставку, бросил часы, ударил...

– Часы-то идут?

– Встали.

– Но они исправны?

Анжелике пришлось принести на кухню ненавистные часы и завести их для проверки. Часы оказались в порядке.

– Не похоже, что их швыряли... – делился своими соображениями Саша. – Стекло не поцарапано, и вообще все в идеальном виде.

– Ну, так что? – томилась Анжелика. – Что ты думаешь об этом?

– Ничего хорошего. – Саша поставил часы на стол, прислушался к их громкому тиканью. – Получается, что этот тип явился сразу после твоего ухода из дома. Получается, что часы эти были ему знакомы. В общем, у тебя был сообщник.

– Ты что несешь?!

– Я только предполагаю. Может, следователь тебе скажет еще что похуже. Да и баба в гневе тоже на многое способна – ты сама могла пробить ему череп этим каменнойгой.

– Я тебя умоляю, будь серьезен! – От возмущения у нее тряслись губы. – Конечно, тебе можно смеяться... У тебя не требуют алиби, которого нет...

– Еще потребуют.

– Ну и что? Его убили с девяти до десяти. Ты был с Ленкой.

– Я усвоил, когда его убили, но я был не с Ленкой. Или она была не со мной, это с какой стороны смотреть...

– Серьезно? – Анжелика закурила, не сводя с него глаз. – А где вы были?

– Ленка задержалась у себя в магазине, пришла только в одиннадцатом часу. Я уже начал нервничать – вдруг струсила? А сам дома сидел, смотрел телик, чтобы успокоиться.

Анжелика отмахнулась:

– Тебе все равно легче. А Ленка вообще ни при чем. Он мой муж, пойми ты, и они, наверное, думают, что мне выгодна его смерть!

– А что, было не так?

– Да им-то откуда знать? Внешне все нормально, у нас даже счет был общий... Ну, сняла я с него недавно крупную сумму, и что? Хорошо, что не все сняла, это было бы подозрительно...

– Ты им про счет сказала?

– С какой стати?

– Верно, молодец. Если бы сама вылезла с этим счетом, было бы подозрительно, чего это ты вдруг оправдываешься? Я думаю, когда они до счета докопаются, поймут, что его смерть тебе невыгодна, что деньги у тебя и так были. И отвяжутся.

– А если нет?

– Найдем свидетеля, – легко отозвался он. – И вообще, переживай меньше. Иначе раньше времени выдохнешься. А тебе нужно продержаться. Это недолго, вот увидишь.

– Сам только что переживал!

– Ты меня беспокоишь, вот и переживал. Как ты выглядишь?

– Ужасно, ну и что?

Но Саша не сводил с ее лица пристального взгляда, и Анжелика вдруг почувствовала неловкость. Она давно перестала воспринимать себя как женщину в его присутствии. Она была сперва родственницей, потом товарищем по игре, потом сообщницей. И все это ее устраивало. Не устраивал ее вот такой взгляд, он не обещал ничего приятного, он был непонятен. Она с вызовом спросила:

– Любуешься? Знаешь, мне наплевать, как я выгляжу. Во всяком случае, когда дело касается тебя.

– Вот спасибо... – рассмеялся он. – Ты чего злишься? Мне тоже наплевать, как ты выглядишь, причем в любом обществе, не только в моем. Но я желаю, чтобы ты не создавала проблем на пустом месте. И главное – выдержала всякие гадости, которые будет тебе подсовывать следовательно.

– Я выдержу.

– А я вот не уверен в тебе. Опять не спала?

– Почти нет. Но это неважно, я себя нормально чувствую.

– Я бы на твоём месте лег сейчас спать, – неожиданно мягко предложил он. – А я побуду здесь, не хочется ехать домой.

– Да ты что? – удивилась она. – Поссорились?

– Нет, но Лена совсем сдала. Нервы. Вся издергалась, плачет, напилась димедролу, чтобы уснуть, а ее не прошибло, стало еще хуже. Короче, я замучился. Еще вот ты.

Анжелика снова отдернула штору, посмотрела. Девочка стояла, нахохлившись, сунув руки в карманы, трогала биту носком кроссовки, но больше не пыталась прыгать. С пятого этажа трудно было разглядеть ее коленки, но Анжелика поняла – они содраны до крови.

– Не беспокойся, – сказала она, не оборачиваясь. – Я выдержу. Я выдержала с ним семь лет, теперь выдержу еще пару месяцев.

– Лика, – он сказал это как-то странно, неуверенно. Она обернулась. – А если честно, вы ведь паршиво жили, да?

Анжелика пожала плечами:

– Да какая теперь разница. Я не из-за этого согласилась его убить.

– Но если все было хорошо, ты бы не согласилась, верно?

– Пожалуй, верно. Да я не думала никогда, хорошо мы живем или плохо. Просто жила.

– А не слишком ли долго ты не думала? Семь лет – хороший срок.

– Хватит, – она опять отвернулась. – Хороший срок или плохой, но он кончился. А моя девочка ушла.

– Какая еще девочка?

– Та, которая упала.

– Иди-ка ты спать, – сказал он после короткой паузы. – Тебе же легче будет, если я останусь?

Анжелика не ответила, задернула штору и ушла к себе в комнату.

...Глаза она открыла уже в полной темноте. Подтянула одеяло к подбородку, скрючилась в любимой позе, блаженно опустила тяжелые ресницы... Но дрема не возвращалась. Под приоткрытой дверью виднелась полоска света. На кухне слышался Сашин голос. «Говорит по телефону... – сонно подумала она. – Который может быть час?» И вдруг она резко подняла голову с подушки, прислушалась. Она не ошиблась – Саше кто-то отвечал. Мужчина.

Анжелика выбралась из постели, запахнулась в халат, сунула ноги в тапочки и вышла. На кухне она увидела умилительную картинку: два школьных друга вспоминают былое за рюмкой вина. Юра, заметив хозяйку, нерешительно привстал.

– Сиди, – кивнула она ему. – Который час? – Это уже относилось к Саше.

– Да спала бы еще, – он глянул на часы, которые все еще стояли на столе. – Полвторого.

– В смысле, ночи?

– Сама не видишь?

Анжелика сонно и ласково улыбнулась, присела за стол, поморщилась, глядя на мускат:

– Допивайте скорее эту гадость! Как она в дом попала, не понимаю.

– Вообще, дамский напиток, – заметил Саша. – Я думал, твою заначку нашли.

– Это все равно что варенье пить. Я люблю сухие вина.

– А Игорь?

– Коньяк, сам не знаешь, что твой брат любил? – спросила она и поймала себя на мысли: надо быть осторожнее при Юре. Может выдать небрежное слово, неодобрительное высказывание о покойнике, случайная деталь. Чтобы свернуть с опасной колеи, она обратилась к гостю: – А как ты сюда забрел? Есть новости? Еще что-то вспомнил?

– Мне мать сказала, что ты была.

– А... Почему она меня так ненавидит, кстати? – Она налила воды в чашку, кинула туда растворимого кофе. Горькая холодная бурда помогла ей открыть глаза пошире. – Я просто-напросто спросила, дома ты или нет, а она меня едва не сожрала.

– Ты не преувеличиваешь? Мать никому не грубит...

– Она и мне не грубила, но моих слабых мозгов хватило, чтобы понять, она меня не выносит. В чем дело, интересно?

– Не знаю... – Юра передернул плечами. – Слушай, Саша мне объяснил, в какое ты попала положение с этим алиби. Я ничего сделать не могу.

Она бросила взгляд на Сашу, тот довольно равнодушно пожал плечами.

– Юр, а почему? – спросила девушка, почти заискивающе. – Надо всего-навсего сказать им правду, когда я ушла... Я же ушла точно в девять. Кто угодно подтвердит...

– Оставь его в покое, – вмешался Саша. – Он в это время был в другом месте. Его там видели. Дикая история...

– Да уж... – поникла Анжелика, но Саша цинично пояснил:

– Да не с твоим алиби дикая история, а с его дипломом. Представь, он в тот вечер сидел в общаге в гостях, и диплом был при нем...

– Двадцать пять акварелей... – вставил Юра.

– А потом он поехал домой, но приехал уже поздно, где-то в пол-одиннадцатого, и его мать, к сожалению, может это подтвердить... Так что с алиби он тебе не поможет.

– Ничего дикого не вижу, – она закурила, подняв глаза к потолку, разом потеряв интерес к обоим гостям.

– Понимаешь, – нервно вмешался Юра, – я тогда оставил там папку с рисунками. Хватился только сегодня, поехал туда. А папка пропала! Искал, спрашивал, бесполезно... А потом мне сказали: так и так, прости, но мы твой диплом пропили. Как пропили?! Оказалось, деньги у них кончились, надо добавить, взять негде. Кто-то в папку заглянул, а там рисунки правда были очень красивые, я постарался... Они сбегали с папкой к киоскам, там какой-то продавщице понравились рисунки, она забрала все двадцать пять и дала им взамен бутылку водки.

Она улыбнулась уголком рта, из вежливости. Саша заметил:

– Ты вообще должен гордиться. Модильяни тоже продавал свои рисунки за стакан вина. Обидно только, что водку выпил не ты.

– Модильяни не надо было сдавать диплом! – Юра сильно нервничал, когда зажигал сигарету, рука у него дрожала. – Я в нокауте...

– Послушай, – вздохнула Анжелика. – Я понимаю, тебе при таком раскладе некогда заниматься моим спасением... Но если бы ты хоть рассказал в милиции, что видел ту блондинку, ты бы мне помог... А то получается, что я одна под подозрением.

Юра жадно затягивался сигаретой, прикрыв покрасневшие веки. Выслушав ее просьбу, равнодушно пожал плечами:

– Да расскажу. Если спросят.

– А вдруг тебя дома не будет? – испугалась она. – Нет, ты сам туда сходи.

– Да расскажет, – Саша разлил остатки муската в две рюмки, кивнул приятелю: – Давай, прикончим бутылку и баиньки.

Мужчины выпили тягучий сладкий напиток, Юра докурил сигарету и встал:

– Ладно, я пошел работать. Ты извини, но ничего не получится... – Это относилось к Анжелике. Сашу он поманил за собой в коридор. Анжелика услышала, как через минуту там захлопнулась дверь.

– Не волнуйся, – заглянул к ней Саша. – Не он, так другой подтвердит, что ты ушла в девять. Главное, что ты на самом деле этого не делала.

– А спасут меня эти девять часов? – уныло спросила она. – Время его смерти – с девяти до десяти... Я могла убить и уйти...

– Чепуха. Никто всерьез в это не верит. А следователь копает под тебя потому, что ему пока не под кого копать. Погоди, найдут зацепку и оставят тебя в покое.

– Пока дождусь, поседею... – Анжелика сгорбилась и зажала руки между колен. – Не понимаю. Ничего не понимаю. Кому он мешал, кроме меня? Кто это сделал?

– А может, ты?

Она с ненавистью взглянула в его смеющиеся темные глаза и не сочла нужным ответить. Он посерьезнел, притронулся к ее плечу:

– Ладно, это глупо. Скажи лучше, как будет с похоронами?

Она и в самом деле не думала, что ей придется хоронить мужа. Когда Саша разворачивал перед ней план его ликвидации, ей почему-то казалось, что Игорь исчезнет в каком-то безвоздушном пространстве, растворится, просто перестанет быть. Первое потрясение она пережила, увидев труп Игоря. Этот труп был слишком похож на живого Игоря, чтобы его забыть. Он был реален. Она даже притронулась к нему. Второе потрясение она пережила теперь. Когда тело Игоря увезли, ей казалось, что оно уже никогда не вернется.

– Зачем им его держать? – развивал свою мысль Саша. – Вскрытие давно сделали, все выяснили. Может, отдадут завтра-послезавтра?

– Но я понятия не имею, как это все устроить... – беспомощно отозвалась она.

– Я имею.

– Серьезно?

– Маму ведь я хоронил.

При этих словах Анжелика вспомнила о своей матери. Позвонить ей? Сообщить, что случилось? Нет, только не это! Начнутся стоны, крики, слезы – вполне искренние, потом она станет всем советовать и лезть под руку, все захочет сделать по-своему и в тысячный раз назовет дочь дурой... «Нет, она узнает все потом, – решила Анжелика. – Потом».

– Займешься? – спросила она.

– Конечно. Деньги теперь есть. – Он сказал это с таким благородным видом, словно деньги достались ему тяжким трудом и теперь не жалко отдать часть на похороны брата.

Анжелика поймала его взгляд и заметила:

– Знал бы Игорь, зачем он копит деньги... И уж никак он не предполагал, что ты будешь его хоронить!

– Да и я всю жизнь думал, что он меня угробит, как маму, – хмуро ответил тот.

– Ты о чем?

– Он был поганый человек, Лика, можешь мне поверить.

Она только плечами передернула – «после драки кулаками не машут». Саша возразил:

– Я не затем это сказал, чтобы оправдаться. Мне оправдываться ни к чему.

– Н-да?

– Н-нет! – передразнил он. – Если бы ты его знала лучше! Маму он угробил, клянусь тебе. Если бы не он, она бы и сейчас была жива.

– Она же от рака умерла?

– Да, но пока мы не переехали, была здорова!

– Что ты болтаешь?

– Он выжил нас с мамой отсюда, чтобы устроиться посвободнее! – У Саши тряслись губы, таким злобным она его еще не видела. – Сперва ушел отец, потом он решил, что должны уйти и мы!

– Но ваш отец ушел из-за пьянства? – робко вставила она. – Так мне Игорь рассказывал. Что, неужели вранье?

– Да не в этом дело!

– А в чем?

– Да, он пил, но... – Саша помотал головой, ища слова, но сам себя оборвал: – Да что теперь. Ушел и ушел. Его дело. Но ты хоть знаешь, как он нас с мамой отсюда вытравил? Как тараканов! Жизни не давал! Пока мы жили вчетвером, у нас с ним была одна комната на двоих, маленькая.

– Моя?

– Теперь твоя, да. Я в армии был, когда все это началось... Отец ушел, и знаешь, что он сделал? Поставил маме ультиматум: раз он теперь ее кормит, так пусть она сидит в маленькой комнате, а он перейдет в большую. И запретил ей к нему входить. Знаешь, я вернулся через два года, и мне пришлось жить с мамой в той комнатухе... Представляешь? Двадцать лет мне было, а я с мамой... А он там – один! Ну невыносимо же так жить... Я на работу пошел, правда, вылетел скоро... Учиться не мог – деньги были нужны. Мама сама на себя за эти два года стала не похожа. Все молчит и молчит. С ним вообще не разговаривала. Я ничего заработать не мог. Ругались с ним каждый день. Но в общем, мы правда на его деньги жили... Вспоминать не хочу...

Анжелика сердобольно слушала, следила за его лицом. Оно стало совсем мальчишеским, обиженным и злым, Саша рассказывал горячо, взалхлеб, без рисовки и цинизма.

– Короче, когда он нам купил ту жалкую халупку, мы с радостью ушли. Все равно нам вдвоем лучше! И тут обнаружилось – мама больна. Причем давно, она скрывала. Я с ума чуть не сошел. Ну, он опять денег давал, на маму, а у меня что-то все неудачи. Знаешь, он деньги давал, чтобы его посторонние не осуждали. Если бы не боялся, что про него нехорошее скажут...

– Да, – она осторожно кивнула. – А разве рак можно заработать от нервов?

– Вполне, – отрезал он. – Знаешь, я удивлялся, как ты с ним живешь?! Оказывается, нормально жили, он тебя не трогал, даже баловал... Ну, ты красивая, молодая, он тебя сам выбрал. Это не наша мама, конечно...

– Ты так говоришь, будто он меня купил... – обиделась она.

– А что, нет?

– Нет! – Она помахала перед его лицом руками, демонстрируя кольца, забыла их снять, когда легла спать. – Ради этого, думаешь? Это для меня стекляшки! Или ради тряпок, что ли?

– Откуда я знаю, ради чего?

– Твоя Лена ради чего за тебя пошла?

– Лена? – Он вдруг испуганно хлопнул своими короткими ресницами, вышло по-детски, почти смешно. – Я про нее забыл, она проснулась...

– Позвони, передай привет, – крикнула она ему в спину, когда он побежал звонить.

Саша вернулся невеселый, сказал, что Лена в депрессии, ей все равно, где он, она не ела и спала мало. Попрощался и сказал, что поймает машину. Анжелика осталась сидеть за столом, глядя в одну точку и крутя на пальцах бриллиантовые кольца.

* * *

Она, конечно, обольщалась, думая, что удастся все сохранить в тайне от мамы. Мама объявилась сама – позвонила по традиции в конце недели, чтобы узнать, как идут дела у дочки и зятя, и пришлось все рассказать. С выдачей тела Игоря тоже почему-то затянулось, этим занимался Саша, Анжелика опустила руки и только названивала ему с просьбами поскорее закончить с этим делом. В результате утро похорон она встретила зареванная, усталая, измученная нравоучениями и расспросами матери.

– Черный платочек нужен... – Мать рылась в шкафу, Анжелика безучастно курила у окна, время от времени поглядывая вниз – нет ли девочки с классиками? Но девочки не было, зато у подъезда клубились бабки: прознали про похороны и, наверное, с удовольствием бы зашли, но их никто не звал.

– Где черный платок? – почти рыдала мать, переворачивая содержимое всех полок.

– А разве он был? – отозвалась Анжелика.

– Заранее надо было позаботиться, – мать вытащила из шкафа какой-то серебристый легкий свитерок, посмотрела на него и вдруг завывала: – Игоречек, что же это...

– Да хватит! – сорвалась Анжелика. – Никому твои рыдания не нужны! Помолчи, в конце концов!

Мать так и остолбенела со свитерком в руках, а дочь хлопнула дверью. В большой комнате стоял гроб с телом Игоря, туда она даже не заглянула. Прошла на кухню, там шептались Саша с Леной. Лена за эти дни постарела лет на пять – похудела, отчего резко обозначились морщинки у глаз и возле губ, была плохо причесана, совсем не накрашена, черный костюм сидел на ней скверно. Саша вырядился в черную водолазку и держался спокойно.

– Все, не могу! – Анжелика рухнула на стул, схватила себя за волосы, слегка подергала их на висках. – Она меня доводит второй день! И еще хочет остаться тут жить после похорон!

– Спокойнее, – посоветовал Саша. – Она твоя мать.

– Ну и что?!

Лена выглядела пристойнее всех – скорбная, сдержанная, молчаливая. На кухню бочком протиснулась мать, прошептала:

– Я там тряпочку нашла, из нее можно платочек выкроить...

– Ну и выкрой! – рявкнула дочь, отворачиваясь и хватая сигареты. – С ума сойти, кому нужен платочек?! Соседкам, что ли?!

– Ну, успокойся... – У матери дрожали губы, она совсем растерялась. – Все у тебя как-то не по-людски... Все я одна должна делать...

– Ничего ты не должна!

– Зинаида Сергеевна, вы на нее не обращайтесь внимания, – Саша миротворчески улыбнулся. – Она переживает. Давайте лучше сообразим, где еще стол для поминок взять. Этот в комнату притащим, раз, в комнате еще есть, два, у Юры возьму, три... На двадцать человек хватит?

– За глаза... – успокоилась та. – Это сослуживцы Игоря придут?

– Ну да, рассчитываем человек на десять, да мы еще, и на всякий случай еще несколько лишних приборов поставим, мало ли что...

– А папа ваш будет? – спросила она.

Анжелика с удивлением поняла, что даже не поинтересовалась, дошла ли до отца братьев весть о смерти старшего сына. Отец Игоря и Саша – это было существо такое же абстрактное, как и ее собственный отец. О нем почти не говорили, его никогда не видели, его как будто вообще не было. И все же он где-то был. Саша ответил сдержанно:

– Вряд ли.

– А почему? – не отставала мать.

– Сообщил я ему, но он работает.

– Но сын ведь умер!

– Ну, не знаю. Посуды у нас хватит? Лика! К тебе обращаюсь! – дернул ее Саша.

– Хватит, – механически ответила она. – Слушай, а как ваш отец отнесся к...

– Удивился, – ответил Саша почти с издевкой, благо Зинаида Сергеевна уже исчезла. –

А может, обрадовался, откуда я знаю.

– Ты что несешь, – Лена наконец открыла рот. – Идиот!

– Немая заговорила! – Саша скорчил ей рожу. – Хватит разводить вселенскую скорбь! Я устал от тебя, поняла – устал! Все эти дни ты меня достaeшь своими истериками!

– Идиот, – повторила она. – И хам к тому же.

– Дура набитая!

Анжелика испуганно схватила его за рукав:

– Тише! Оба вы с ума сошли! Нельзя другого места найти?! Все слышно!

– Если я переживу этот день, – тихо сказала Лена, поднимаясь со стула и застегивая пиджак, – лягу в психушку подлечиться. Вы оба сумасшедшие.

– Ни хрена себе логика! – фыркнул Саша.

– Да, вы сумасшедшие! – упрямо повторила она. – Ты в особенности. Сумасшедшие или звери!

– Следи за словами! Ты забываешь, что ни я, ни ты, ни она этого не делали!

– Но вы радуетесь, верно?

– О, безумно радуемся! Особенно вот Лика, – он показал на нее. – Опросили весь дом, и никто не подтвердил ее алиби. Все ослепли в тот вечер! Мы просто безумно рады этому!

– И ты ведь тоже пошла на это, когда мы тебе предложили... – возмущенно вмешалась Анжелика. – Сразу согласилась!

– Я не понимала, на что шла. – Лена держалась за спинку стула, будто боялась упасть. – А теперь в доме пахнет трупом.

– Ничем не пахнет, он лежал в морозилке, – отрезал Саша и вдруг бросился поддерживать жену, у которой подкосились колени: – Ленка! Ленка! О, чтоб тебя... Опять истерика...

– «Переживают, что съели Кука...» – процитировала Анжелика и вышла.

Вскоре дом наполнился людьми. Сослуживцы Игоря явились дисциплинированно – точно в срок, с дорогим венком и с предложениями помочь. Соседки терлись у подъезда в угрожающем количестве. Матери Юры среди них не было, как отметила Анжелика. Сам Юра также не присутствовал, хотя и был дома – он спешно воспроизводил утраченный диплом. Анжелика шла за гробом через весь двор, под локоть ее поддерживал незнакомый мужчина, один из приглашенных, но в поддержке она не нуждалась. Ей стало куда легче, когда гроб вынесли из квартиры. Теперь она была уверена, Игорь не вернется. Теперь он исчезнет окончательно. Гроб погрузили в микроавтобус, приглашенные расселись по машинам, мать Анжелики картинно рыдала, словно по родному сыну, но на кладбище не поехала – надо было накрывать на стол. Какие-то старухи предложили ей свою помощь, явно не бескорыстно, и она колебалась – отказаться или нет? В конце концов сослуживицы Игоря – женщин приехало всего трое – тоже не

поехали на кладбище, остались с ней. Разочарованные старухи расходились к своим подъездам. Анжелика комкала в руках сухой носовой платок. На переднем сиденье, обморочно-бледная, окаменела Лена. Машины тронулись в путь.

За стол уселись уже вечером. Ожидание в церкви, неразбериха на кладбище, на обратном пути у кого-то лопнула камера... Добрались домой голодные, усталые, Анжелика клевала носом. Но при виде стола все оживились. Пока они ездили, женщины основательно проветрили квартиру, опрыскали большую комнату дезодорантом, уничтожая даже призрачный запах покойника. Сквозь сладкую муть дезодоранта пробивались умопомрачительные запахи – куриный суп с лапшой, пирожки... Анжелика припудрилась в ванной и уселась за стол на вдовье место. Повисла фальшивая скорбная тишина, всем хотелось выпить и закусить, но начинать было как-то совестно.

– Что ж, помянем, – сказал наконец Саша, берясь за свою рюмку. – У всех налито?

– Помянем в первый раз... – пролепетала мать Анжелики, рюмка у нее в руке дрожала.

Выпили, жадно принялись хлебать суп. Сразу стало полегче, понемногу возник разговор. Говорили, конечно, об Игоре, о его достоинствах, вспоминали истории, которые никому были не важны, но особо покойника никто не превозносил – это Анжелика отметила. Она сидела между Сашей и каким-то сослуживцем Игоря. Тот, слава богу, молчал. Покончили с супом, внесли пироги. Саша снова возгласил:

– Помянем во второй раз!

– Я водки больше не буду, – Анжелика отодвинула свою рюмку, но поднялся шум: «Надо, надо...»

Мать обеспокоенно возражала:

– Она плохо переносит, не стоит водки-то...

Анжелика злобно подняла рюмку и, когда стали пить, тоже проглотила свою порцию. Уже от первой рюмки ее слегка развезло, суп в качестве закуски никуда не годился. После второй рюмки она поняла, что вдребезги пьяна. Ее недуг – плохая координация – давал о себе знать.

– Может, салата? – предложил ей сосед справа. И, не дожидаясь ответа, положил ей на тарелку салат.

– Спасибо.

– Да вы ешьте, ешьте... – Он жадно поглядывал на водку, две рюмки, видимо, ничуть его не удовлетворили. – Я когда бабку хоронил, тоже есть не мог, тошнило.

– Я не потому, что тошнит, – пьяно улыбнулась она. Черный платочек (из чего только мать его выкроила?) сполз с ее плеч и упал на пол. Сосед его поднял, протянул ей, но она отмахнулась: – Возьмите себе!

– Что? – удивился он и повесил платок на спинку ее стула.

Анжелика, уже слабо владея собой, смахнула платок на пол.

Слава богу, никто на это внимания не обратил. Но соседа такое поведение молодой вдовы смутило. Он осторожно спросил:

– Вам нехорошо?

– Паршиво, – кивнула она. – Ну и что? Все паршиво. Хорошо, что все кончилось.

«Заткнись, дура! – сказала трезвая Анжелика Анжелике пьяной. – Чего болтаешь!» Но пьяная Анжелика не послушалась, ей сейчас было море по колено. Она развязно спросила:

– Вы Игоря как, хорошо знали?

– Пять лет.

– Я вас не спрашиваю – сколько, я спрашиваю – хорошо? – Ее пошатнуло, собеседник тревожно заглянул ей в глаза:

– Может, вам прилечь?

– Мне? – Она захихикала и поймала вилкой ломтик помидора. – Не хочу. Я давно уже не сплю. Как его убили, так и не сплю.

- Ужасно... – пробормотал он. – Мы все были потрясены.
- А что, его так любили? – То ли закуска подействовала, то ли хмель понемногу выветривался, но ей вдруг полегчало, она села ровнее, скоординировала зрение и слух.
- Он был очень точным человеком.
- Каким?
- Точным. Я плохо выразился, наверное... В общем, на него можно было положиться.
- Это я и так знаю. Как вас зовут?
- Михаил.
- Миша, – прошептала она ему в лицо. – Не обращайтесь на меня внимания. Я пьяная очень плохая.
- Господи, кто же вас обвиняет...
- И не изображайте сочувствия, – посоветовала она. – Или вы правда сочувствуете мне?
- Странно вы как-то говорите.
- Ничего странного. Похороны – это ужасно.
- Он кивнул.
- Нет, вы не поняли! – возразила она. – Ужасно то, что всем, в общем-то, все равно, что он умер, но делают такие скорбные лица...
- Вы зря так говорите, нам не все равно.
- У вас доброе лицо! – оборвала его Анжелика. Лицо у Михаила было самое обыкновенное – широкое, щекастое, очень русское. Глаза – непонимающие, немного испуганные. Комплимент его смутил, он повертел в пальцах пустую рюмку и вздохнул:
- Нет, жаль его, жаль...
- Помянем в третий раз, – возгласил Саша.
- Ну, я уже не пью! – воскликнула Анжелика, и ей больше не наливали. Выпили, разговор стал оживленным, на нее уже никто не обращал внимания. Ее мать больше не плакала, сидела, покрасневшись, шепталась с соседкой по застолью. Лена выпила третью рюмку с трудом, но внешне ничуть не изменилась. Саша молча поглощал рыхлый кусок пирога.
- Знаете, – обратился к ней Михаил, основательно закусив и покрасневшись. – Нас ведь тоже всех допрашивали. Приезжали на работу.
- Да? И что?
- Ничего. Спрашивали, не было ли чего странного, каких-нибудь жалоб с его стороны, намеков, вообще чего-то из ряда вон.
- Ну и не было, конечно?
- Почему «конечно»?
- Потому что никто ничего странного не видел, – пояснила она. – Даже удивительно. Жил, жил и вдруг умер.
- Знаете, а ведь кое-что было, – тихо сказал Михаил. – Только вот не знаю, это имеет отношение к делу или нет?
- А что такое?
- Да вот, – он оглянулся, не курит ли кто, вытащил сигареты. – Не хотите на балкон, покурить?
- Она согласилась, он помог ей подняться, и они вышли. На воздухе хмель у нее совсем прошел. Небо было зеленовато-синим, прозрачным, на западе уже горела яркая печальная звезда, фабричная труба на фоне заката выпускала тяжелый черный дым. Анжелика поежилась, взяла у него сигарету.
- Холодно. Так что у вас там было?
- Не так давно, – припоминал он, – мы решили устроить пикничок на даче у одного из наших. Был повод, по работе, он хотел нас угостить. Жен не приглашали, так что собрались

только свои. А Игорь опоздал. Приехал, когда мы все уже выпили, и не один, с дамой. Вам неприятно, да?

Анжелика впилась в него округлившимися глазами, потом медленно затянулась сигаретой, спросила:

– А что за дама?

– Вы уж простите...

– Да что там, я не ревнива, тем более сейчас... – отмахнулась она.

– Да все равно неприятно... Но что делать, так и было. Женщина была незнакомая, мы ее никогда не видели. Вроде бы он не слишком с ней возился, понимаете, вел себя так, будто она ему навязалась. Никому не представил, за стол не посадил. Вышел из машины, сел к нам, а она уж сама подошла. Ну, мы ее посадили, куда деваться, но она ничего не пила, не ела, только нас рассматривала.

– Да какая она из себя? – Ее трясло, то ли от вечернего холодка, то ли от возбуждения. – Внешность можете описать?

– Блондинка, высокая, лет за тридцать. Красивая, честно говоря.

Анжелика отвернулась и выбросила сигарету за перила балкона. Теперь ее трясло все-рез. А Михаил продолжал:

– Игорь нас всех удивил. Он обычно такой сдержанный, вежливый. А тут, понимаете, вдруг посмотрел на нее и стал поливать последними словами. Мы все ошалели.

– А что он ей говорил?

– Я вообще повторять не хочу. У всех просто дар речи пропал. Главное, мы ее не знаем, не можем ему сказать: «Прекрати!» Может, она и правда какая-нибудь дрянь, что ее защищать. Но все равно неудобно. И женщины наши с нами были, с работы.

– А чем кончилось?

– Я Игорю сказал: «Слушай, у нас тут праздник вообще-то». Он замолчал. А она встала и ушла. Никто даже ее голоса не слышал. Вот и все. – Михаил запалил вторую сигарету и искоса глянул на Анжелику: – Диковато, да?

– Еще бы! – Она обняла себя за локти, чтобы как-то сдержать нервную дрожь. – А куда она делась, эта женщина?

– Уехала в город, наверное. Дошла, думаю, до шоссе, там поймала машину.

– И Игорь ничего вам о ней не сказал?

– Ничего. А мы не стали спрашивать. Делали вид, что забыли, хотя, конечно, такое не забудешь. Мы от него не ожидали. Праздник был испорчен.

– У меня такое чувство, что вы не о нем рассказываете. Он в жизни не ругался.

– Вот именно! – горячо подтвердил Михаил. – Мы поэтому и решили, что баба эта была редкостная дрянь. Ну, а что у них там вышло – кто знает. Больше мы ее не видели и ничего о ней не слышали.

– Когда это было?

– В конце апреля.

– Недавно... – задумалась Анжелика. – А следовательно вы об этом случае рассказывали?

– Все, как один. Но кажется, на него это впечатления не произвело. Он вообще невнимательно отнесся к нашим показаниям. Спрашивается, зачем надо было от работы отрываться?

– Я чувствую, что еще натерплюсь из-за этого следователя... – поморщилась она. – Хорошо, хоть вы рассказали о ней.

Теперь Анжелика была уверена – это была та самая блондинка с пикника. Для верности она поинтересовалась:

– А как была одета та женщина?

– Белое пальто, синий свитер, брюки, – отчеканил Михаил. И пояснил: – Это не я запомнил, это наши женщины. Мы же потом обсуждали, о чем следователю рассказывали.

«Тогда было белое пальто, а Юра видел белый плащ... – Соображала Анжелика. – Видимо, эта блондинка предпочитает белую верхнюю одежду. Нет, это та же самая!»

– А вообще, – Михаил повернулся к ней, – вы можете на нее даже посмотреть.

– Как это?!

– А я заснял камерой, – пояснил он.

– В смысле, сделали фотографии?

– Да нет, на видео снял. Я снимал праздник на память, у меня хобби такое. Тут как раз подъехал Игорь, я заснял и его, и ее – как они за стол садятся. А потом Игорь стал выдавать свой текст, а я забыл камеру выключить, снял все это безобразие до конца. Недавно прокрутил, удивился.

– Seriously, у вас есть все это на пленке?! – восхитилась Анжелика. – Вот бы увидеть!

– Какие проблемы? Хоть завтра. У вас же видак есть, я вам кассету привезу.

– А следователю вы об этом сказали?

Михаил покачал головой:

– Нет. И вообще, надо сказать, не хотелось с ним говорить. Все равно не слушает.

И швырнул окурок в сгущающуюся темноту. Огонек прочертил дугу, ударился об асфальт в том месте, где были нарисованы классики, и медленно погас.

Глава 6

Мать, конечно, осталась на ночь, но зато к обеду следующего дня Анжелика от нее избавилась. К тому же той надо было на работу. Часа в три позвонил Михаил, она недоверчиво спросила:

– Неужели не забыли про кассету?

– Она со мной. Могу после работы завезти. – Сегодня у него был слегка неуверенный голос, он как будто сомневался, как с ней говорить. «Уж не думает ли он, что кассета – повод позаигрывать? – сообразила Анжелика. – Вот весело-то!» Она поблагодарила его и договорилась, что будет ждать после семи. Сразу перезвонила Саше.

– Привет, вдовица! – бодро сказал он. – Опять неприятности?

– Держись, – посоветовала Анжелика. – Сейчас упадешь. Ты помнишь, я тебе рассказывала о блондинке в белом плаще?

– Ну?

– А мордатого Игорева друга? Мы с ним рядом за столом сидели.

– Они у тебя ночевать остались?

– Дай слово сказать! – разозлилась она. – Он заснял блондинку на видео. Понял? Это же куда лучше фотографии!

– А чего ты прицепилась к этой бабе? – поинтересовался Саша. – Она же явилась к нему накануне убийства, а не в тот самый день.

– Но она была здесь! И кто такая – никто не знает. А Игорь с ней дико ругался, и все это снято. Сегодня кассета будет у меня, так что приезжай к семи вечера с Ленкой.

– Она работает.

– Что она делает в своем магазине в мае?! Продает меха и дубленки?

– У них весенне-летний ассортимент. Одежда из кожи, шорты там, розовые замшевые штаны, всякие причиндалы, сумки...

– Мрак! – отреагировала Анжелика, совсем как Эллочка-людоедка. – Но я хочу, чтобы она тоже посмотрела эту кассету. И главное, договорись, чтобы Юра пришел! Он сможет ее опознать – он один. Может, я ошибаюсь, и это были две разные блондинки...

– Странно, – хмыкнул Саша. – Если он предпочитал блондинок, почему женился на брюнетке?

– Вот и увидим, как он их предпочитал, – отрезала Анжелика. – Ты приведешь Юру?

– Милая, да ты что? – возмутился он. – Тебе же только через площадку перейти, а мне ему звонить?!

– Там его матушка сидит, она меня ненавидит.

– А тебе какое дело до матушки? Он не маленький. Сама пригласи. Все, приедем.

Анжелика прибрала квартиру, запихала в шкафы валявшиеся как попало вещи, ахнула над своей старой блузкой – на спине красовался большой треугольный вырез. «Удружила мамочка! – Анжелика посмотрела дыру на свет. – Даже ради моих похорон она бы не испортила целую вещь... Неужели любила зятя? Вздор! Просто хотелось, чтобы все выглядело приличнее!» Саму косынку она сунула в помойное ведро. Собрала остатки от поминального стола, разложила по тарелкам колбасу, ветчину, сыр, проверила запасы чая и кофе. Когда явился Михаил, она гордилась собой – в большой комнате был очень мило сервирован маленький столик.

– Ну, зачем же... – начал тот.

– Ничего, вы мне так удружили! Может, выпьете чего-нибудь?

– Я за рулем, – неуверенно ответил он. Взгляд у него был направлен куда-то в сторону от хозяйки, он говорил как будто через силу, ворочал толстой шеей в белом воротничке. Сегодня

он был вычищен, выглажен, распространял сильный запах духов – ну, жених! Анжелика про себя посмеялась над ним и усадила в кресло.

– Мы немножко подождем, – пояснила она. – Сейчас придут остальные.

– А... – протянул он и сразу погас, перестал ворочать шеей, даже запах его духов ослаб.

– Мои родственники, – щебетала она. – Брат Игоря, жена брата. И еще сосед.

Михаил вздохнул и тоскливо посмотрел на столик. Она все поняла:

– Может, все-таки выпьете?

– Ну, немножко...

Она поставила перед ним бутылку с остатками водки и чистую рюмку, попросила:

– Вы уж сами, я сейчас сбегая к соседу.

Юра оказался дома и открыл ей сам. Его старая белая майка была украшена на животе двумя огромными пятнами – фиолетовым и зеленым.

– Привет, – уныло произнес он. – Прости, что я вчера...

– Да не стоит! – отмахнулась молодая вдова. – Зайди ко мне, а? Буквально на полчаса.

– Зачем?

Где-то за спиной Юры по коридору прошелестел атласный халат. Он нервно оглянулся, почти шепотом сказал:

– Анжелика, ты прости, я не могу. Мне работать надо.

– Не будь жлобом. – Она упорно стояла на своем. – Полчаса – и ты сделаешь доброе дело, в раю оно тебе зачтется, а не твой диплом.

– Что?

– На видео снята блондинка, которую ты видел на лестнице. Мне надо, чтобы ты ее опознал. И вот тогда смело иди к следователю. Юр, – она испугалась, увидев его кислое лицо. – Я же терпеливо жду, когда ты избавишься от диплома и пойдешь давать показания. Ну, какого черта ты прячешься! Все равно придется сказать... Или ты хочешь, чтобы меня посадили?!

– Я зайду... – затравленно пообещал он. – Иди, я сейчас...

– Нет, пошли вместе! А то потом окажется, что тебя срочно вызвали в институт или еще куда!

– Но я...

– Хватит! Думаешь, я не знаю, что ты все время был дома! А мне так нужны были твои показания... Пошли! Сейчас же!

На лестнице слышались шаги двух поднимающихся людей. Анжелика перевесилась через перила и увидела две знакомые макушки – белокурую – Лены, и каштановую – Саши.

– Слава богу! – радостно крикнула она.

Саша задрал голову, увидел ее и Юру, махнул рукой:

– А где тот?

– Дома, дома... Скорее, а то Юра сбежит!

– Куда это он сбежит? – поинтересовался Саша, преодолевая последнюю ступеньку. – Кто проектировал эти лестницы без лифта, того и надо было бить по голове малахитовой подставкой. Здорово!

Он пожал приятелю руку, и тому ничего не оставалось, как обернуться и крикнуть в глубь своей квартиры:

– Ма, я ненадолго к соседям!

Ответа не последовало. Юра захлопнул дверь, щелкнул замок. Компания отправилась на просмотр.

Михаил успел уничтожить всю водку. Набралось не больше, чем на пару-тройку рюмок, но гость заметно повеселел и, кажется, даже обрадовался большому обществу. Он полез в пакет, который принес с собой. Там звякнуло стекло. Саша с Юрой переглянулись. Михаил, очень смущенный, достал кассету.

– Купил коньяк, – пояснил он. – Все же в гости ехал... Вы не откажетесь?

Анжелика сбегала за рюмками, нарезала хлеба, принесла лимон. Вытерла руки и взяла кассету.

– Я ставлю?

– Конечно, – Михаил радостно делал себе бутерброд. – Там снято где-то минут двадцать, все такая муть... Но дело же не в этом, верно?

Анжелика поставила кассету, и не сводя глаз с экрана, уселась и взяла свою рюмку с коньяком. На экране появилось изображение, все замолчали, только Михаил прошептал:

– У меня нет стабилизатора дрожания рук, я скоро куплю себе «Самсунг-Маджикэм»...

Саша только рукой махнул, впиваясь взглядом в экран. Изображение действительно подрагивало, видимо, Михаил успел поднабраться. Возникло женское потное лицо, потом чья-то рука с рюмкой, потом в кадр всплыли голые черные деревья, ограда с остатками плюща, дорога... По дороге быстро приближалась знакомая машина – новый «Вольво» Игоря. Послышались голоса: «Наконец-то!», «Собрался!», «Штрафную ему!». Потом один женский голос неуверенно произнес: «А он не один...» Машина остановилась у ворот, пристроившись в хвост красному «Москвичу», тоже, видимо, принадлежавшему кому-то из гостей. Открылась дверца, показался Игорь. Он вылез и вошел в ворота. Теперь камера показывала только его. Анжелика видела его бледно-смуглое лицо, сощуренные глаза, светлый твидовый пиджак, купленный совсем недавно... Игорь подошел к столу, со всеми поздоровался, сел. Он что-то сказал, но его голос пропал в шуме приветствий и упреков. Потом из машины появилась еще одна фигура. У Анжелики сильно застучало сердце. По дорожке шла высокая худая женщина в белом пальто. Волосы блее пальто, белые, как бумага, как свежий снег или известка. Цвет был неестественный, но эффектный. В кадре оказалось ее лицо, взятое довольно крупным планом.

– Останови!

Этот хриплый голос принадлежал Юре. Михаил торопливо нажал «стоп-кадр», лицо вполоборота застыло на экране. Женщина глядела не прямо в кадр, а куда-то вбок, видимо, на Игоря. Рот ее был полуоткрыт, словно она собиралась что-то сказать. Высокие скулы, впалые щеки, уверенная и красивая линия шеи и подбородка, смелый макияж. И выражение полной растерянности, так не идущее к этому красивому, жестковатому лицу. Загнанный взгляд. Вопросительно поднятая бровь.

– Это она? – повернулась Анжелика к Юре.

– Да.

– Уверен?

– Сто процентов, она. Тут она еще красивей, чем тогда...

– Вы ее знаете? – удивился Михаил.

– Нет, видел как-то...

– Ну, вы довольны? – Михаил наполнил рюмки коньяком, оглядел собравшихся. – Может, хватит? Честное слово, мне неудобно показывать вам то, что было дальше...

– Ну, еще чего. – Саша выпил, вгляделся в изображение. – Я ее не знаю. Лен, а ты?

Та покачала головой, к рюмке не притронулась. Анжелика тоже поклялась, что никогда этой женщины не видела.

– Я бы запомнила, – пояснила она. – Лицо интересное.

– Ее можно рисовать, – Юра не сводил взгляда с экрана. – Можно дальше посмотреть?

– Ну, ладно... – Михаил отжал кнопку, изображение ожило, женщина тряхнула своими белыми волосами, посмотрела прямо в камеру, отвела взгляд. Ее усадили за стол. Перед ней поставили бокал, придвинули тарелку. Она ни к чему не притронулась. Изображение снова сильно плясало, Михаил пояснил:

– Я как раз хотел прекратить съемку, и вот тут-то...

Объяснять, что случилось «тут-то», не потребовалось. Послышался голос Игоря – такой отчетливый, словно он был где-то здесь, среди зрителей:

– Ты, сука, чего за мной увязалась?!

Наступила полная тишина, молчали все – и в комнате и на экране. Саша от избытка чувств закурил.

– Поговорить хотела? – Голос у Игоря был сорванный, злой, незнакомый. – Ну, так говори! ... Несчастливая! Говори, что хотела сказать!

На экране кто-то ахнул, видимо, женщина. Но не блондинка. Теперь весь экран снова был заполнен ее лицом. Видимо, в этот момент Михаил посмотрел на нее, а вместе с ним посмотрела и камера, продолжающая съемку. Женщина сидела с каменным лицом, глядя вбок – на Игоря. Ее ресницы дрожали, губы были плотно сжаты, рот казался нарисованным узким алым штрихом помады. В глазах – изумление и ненависть... Да, ненависть настолько явная, что Анжелика до хруста сжала руки: вот оно! Вот! Она сама никогда не смотрела на мужа с такой ненавистью, и ей казалось невозможным, чтобы человек вообще так смотрел на другого человека. Эти темные глаза могли прожечь дыру, с этих губ готово было сорваться какое-то слово... Но женщина молчала. Зато Игорь разорвался, и странно – его голос звучал все растеряннее:

– Что ты хочешь мне сказать? – орал он. – Что? Хочешь, я тебе все сам скажу?! Сука ты! Сука! Ты за этим меня искала, чтобы снова услышать?! Забыла, что ты ...?! Я напому! Я буду тебе это напоминать, пока ты не сдохнешь! Тварь!

Что-то звякнуло – сперва показалось, что на экране, потом Анжелика услышала тревожный голос Саши:

– Ну, сколько можно!

Лена, оказывается, отключилась в самый разгар Игоревой декламации. Ее глаза были как-то странно закачены под лоб, мужчины пытались влить ей в рот коньяк. Все это происходило под ругань с экрана, на который уже никто не смотрел. Наконец Лена стала дышать спокойнее, глубже, открыла глаза.

– Отведи ее в мою комнату... – Анжелика тронула Сашу за локоть. – Пусть лежит.

– Нет, нет, – Лена моргала своими близорукими глазами, смущенная, внезапно помолодевшая от слабости. – Я посижу, мне лучше...

– Она уходит! – крикнул вдруг Юра.

Сперва никто не понял, кто уходит, потом увидели – на экране взметнулись белые волосы, женщина встала из-за стола, так и не произнеся ни слова, и отвернулась. Она уходила к воротам, запахнувшись в свое белое пальто, меся грязь легкими ботинками на квадратных каблукках. За оградой еще раз мелькнули белые волосы, пронеслось еще несколько кривых, бессмысленных кадров, и все исчезло.

– Конеч, – прокомментировал Михаил. – А дальше все равно ничего интересного не было.

Все помолчали, почему-то стараясь не встречаться взглядами. Заснятый эпизод произвел нехорошее впечатление, разумеется, не из-за женщины, а из-за Игоря. Наконец Саша сказал:

– Не знаю, конечно, что она ему сделала, но так с ней обращаться он права не имел.

– Может, она проститутка? – робко предположила Анжелика. – Шантажировала его, он решил отвязаться, поссориться с ней...

– С проституткой так просто не поссоришься, – почему-то очень авторитетно ответил Михаил. – И она не из таких. Чем больше я эту пленку просматриваю, тем лучше вижу – женщина порядочная.

– Почему она молчала? – Это вступил Юра. – Как она стерпела?

– Растерялась, – пояснил Михаил. – Она просто не понимала, что происходит. Знаешь, вообще все нелепо вышло. И мы все молчали, тоже как оглушенные.

– Значит, он с ней поссорился внезапно? – встряла Анжелика. – Ведь она с ним ехала в машине столько времени до дачи, и ничего... Иначе она бы давно исчезла. Значит, его только за столом пробило?

– А что, резонно, – Саша разлил по рюмкам остатки коньяка. – Но я все равно не понимаю, как можно так обращаться с женщиной. Тем более с красивой.

– Интересно, она крашенная или нет? – Анжелика лизнула край рюмки, вздохнула. – Да, красивая, конечно. Я не ревную, не думайте. Я просто ничего не понимаю. Значит, она сюда приходила совсем не на свидание...

– Она что, еще к нему приходила? – Михаил недоверчиво глянул в ее сторону, прополоскал рот коньяком. – Не знаю, как надо себя не уважать. Неужели после этого женщина еще может простить?

– А может, она его вовсе не простила, а пришла убить! Я же чувствую, это она! Юра, – она повернулась к соседу. – Теперь-то ты видишь, как все серьезно?! Ты обязательно должен дать показания!

– Я дам, – обреченно ответил он. – Но не думаю, что она убила...

– Ну, конечно, сейчас все мужики будут защищать красавицу! – скривилась Анжелика. – Лен, как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – глухо ответила та.

– Поедем домой? – Саша сунул в карман свои сигареты, повернулся к Михаилу: – Вы оставили бы кассету Лике, она следователю отдаст. Ценный материал.

– Юр, – обрадовалась Анжелика. – Давай, вместе к следователю пойдем! Я с кассетой, ты с показаниями?! Тут он будет просто обязан что-то сделать! Ее надо искать!

Он вяло согласился. Все заторопились. Повеселевший Михаил ушел первым, бросив на прощание косой взгляд на ноги Анжелики. За ним ушли Саша с Леной. Он поддерживал жену под руку, та была мрачна, смотрела в одну точку, забыла попрощаться с хозяйкой. Юра, обнаружив, что остался один, занервничал:

– Тогда ты завтра зайди, договоримся...

– Постой, – Анжелика загородила ему выход. – Ты меня не обманешь?

– Да нет же! Я как раз заканчиваю диплом.

– Ну, смотри. – Она отступила в сторону. – Все сделала та женщина, я уверена! Меня, правда, больше к следователю не вызывали, но все равно не легче. Живу, как на вулкане.

– Я же обещал! – Юра явно разозлился и выскользнул в приоткрытую дверь.

Оставшись одна, Анжелика вяло принялась прибираться. Составила стопкой опустевшие тарелки из-под закусок, собрала на поднос рюмки, пепельницы с окурками. Увидела забытую кем-то полупустую пачку сигарет, рассеянно вытащила одну штуку, закурила... Не вынимая сигареты изо рта, протерла столик и уже собралась нести на кухню поднос, но пришлось его поставить – дым попал в глаза. Она торопливо сунула сигарету в пепельницу, поморщилась, вытерла набежавшие слезы и вдруг остолбенела. Во рту был вкус ментола. В пепельнице тлела белая сигарета с тонким золотым ободком на фильтре. Не веря своим глазам и ощущениям, она достала сигарету, осмотрела ее, затаилась снова. Ошибки не было.

«То же самое... – пронеслось у нее в голове. – То же самое!» На зеленой пачке, из которой она взяла сигарету, было написано «Данхилл». Она принялась ворошить окурки в пепельницах. Две пепельницы, пять окурков. Эти сигареты выкурили только что ее гости. Вчерашние окурки она вытряхнула в ведро этим утром. Два окурка «Мальборо» – Сашины. Лена не курила, но если бы курила, то сигареты мужа. Михаил тоже курил. Анжелика отделила в сторону окурков «ЛМ» – запомнила у Михаила красно-белую пачку. Остались два окурка. Один – ее собственный, «Честерфилд». Другой – точно такой же, как тот, который тлел в ее пальцах – белый с золотым ободком. «Кто выкурил эту сигарету?! – соображала она. – Сигарета вроде

дамская, но следов помады нет... Лена? Она не курила, я уверена. Не Саша. И не Михаил, разве только я что-то перепутала. Юра. Это он».

Она не колебалась ни минуты. Взяла полупустую пачку «Данхилла», сунула в карман ключи и вышла на лестничную площадку. Позвонила в дверь напротив. Юра при виде ее чуть зубами не скрипнул:

– Ну, что такое?! Ведь уже договорились?

– Не ты забыл? – Она показала ему сигареты.

– Я! – Он хотел забрать их, но наткнулся на сопротивление: Анжелика крепко сжимала пачку, не собираясь так просто с ней расстаться. Он удивленно спросил: – Да ты что? Это мои, мои!

– А ты уверен? Это дамские сигареты. – Она изобразила лукавую улыбку, но в груди у нее был дрожащий холодок: «Он не понимает, что одна сигарета валялась у трупа. Он этого не знает. Он не боится».

Юра шумно выдохнул и посмотрел на нее с показной жалостью:

– Скучно тебе, да? Ну, ты займись чем-нибудь, ради бога, только оставь меня в покое! Мне диплом надо заканчивать! И сигареты можешь взять себе! И не надо сегодня приходить, не надо! Может, я у тебя еще что-то забыл?! Тогда скажи сразу, не создавай мне проблем!

– На, – она сунула ему пачку. – Я к тебе не пристаю. Но могла я спросить, почему двухметровый парень курит дамские сигареты?

– Это мамины сигареты, – он едва владел собой. – У меня кончились, я взял у нее. Все?

Дверь захлопнулась у нее перед носом. Похоже, захлопывание дверей было семейной слабостью у обитателей этой квартиры. Анжелика вернулась к себе. Первый испуг прошел, теперь она могла спокойно рассуждать. «Ну, а с чего я взяла, что всякий, кто курит «Данхилл» с ментолом, мог убить моего мужа? – спросила она себя, усаживаясь перед экраном и перемазывая кассету. – Теоретически, конечно, всякий мог убить, но сделал это кто-то один. А все остальные потребители сигарет с ментолом не виноваты. Тем более этот верзила. А почему «тем более»? Да он не испугался. Хотя по моему лицу все можно было понять. Я же с ним не заигрываю! Глупо вышло... И все же... Нет, а при чем тут его мамаша? Мамаша, которая меня ненавидит, а ведь я ей ничего не сделала. Ненавидит? Ненавидит или просто боится?!»

Она не успела додумать эту потрясающую мысль. Зазвонил телефон, она взяла трубку.

– Слушаю.

– Анжелика? – спросил очень молодой, низкий женский голос.

– Да.

– Ты одна?

– В чем дело? Кто говорит? – Она встревоженно перебирала в памяти своих знакомых женского пола. Нет, ни у кого такого голоса не было.

– Тебе нужно алиби?

Тут она оцепенела. Единственная мысль, оставшаяся в голове, была о том, что, возможно, это какая-нибудь соседка по дому, которая может засвидетельствовать это алиби. Но сама Анжелика почему-то в это не поверила.

– Алло, слушай, – настойчиво повторил голос. – Скажи там, что четвертого мая с девяти до пол-одиннадцатого ты была в клубе «Ла Кантина». Ела мясо по-мексикански, пила текилу, слушала блюз. Поняла?

– Что?!

– Там подтвердят, – в голосе появилось раздражение. – Все запомнила? «Ла Кантина», с девяти до пол-одиннадцатого.

– Кто говорит?!

В ответ продиктовали адрес клуба и повесили трубку. Анжелика послушала гудки, потом торопливо положила трубку на место – вдруг эта женщина еще перезвонит и хоть как-то объ-

яснит свое поведение? Она ждала полчаса. Никто ей не перезвонил. «Придется обойтись без объяснений... – подумала девушка, усаживаясь в кресло и принимая любимую позу: ноги поджаты, руки обхватили согнутые колени. – Кому понадобилось устроить мне липовое алиби? Таких добрых подруг у меня нет, у меня вообще подруг нет. Кто-то пошутил? Опасная шутка... А вдруг бы я клюнула и пошла к следователю с этой байкой? И в этой «Кантине» меня никто бы не опознал... Это могло бы мне повредить? Не знаю, дача ложных показаний... Скорее всего, следователь решил бы, что я с приветом, зачем же так нагло врать, если никто не может подтвердить вранье?!»

Она закурила, на этот раз свою сигарету, нашла пульт от телевизора, коснулась пальцем кнопки, на экране появились уже знакомые кадры – застолье, «Вольво» за оградой, Игорь, блондинка в белом пальто... Она убрала звук, чтобы ругань не отвлекала внимания, и смотрела на женщину. Красивая, растерянная, замкнутая. Запястья тонкие, но кажется, не слабые... Держится прямо, походка пружинистая, наверное, занимается каким-нибудь спортом. Нет, это вовсе не хрупкое создание. Почему же она так покорно вытерпела ругань? Почему не ответила тем же? Почему просто встала и ушла – проглотила подобное оскорбление в присутствии стольких людей?

Анжелика нажала «стоп-кадр». Вот это лицо, искаженное ненавистью – темные глаза, в глубине которых сверкает гнев, крепко сжатые губы в алой помаде. Мысли у Анжелики крутились то вокруг этого лица, то вокруг странного звонка. Звонок ее тревожил больше, хотя она и пыталась отнестись к нему с юмором.

«Нет, я не понимаю, кому надо так шутить... Разве что кто-то меня ненавидит и хочет поиздеваться? Женщина. Какая женщина?» Она смотрела на экран, женщина на экране смотрела на нее. Анжелика поменяла позу, опустила на пол затекшие ноги, стряхнула пепел. «Эта блондинка? Решила мне отомстить? Да я ее в жизни не видела и ничего ей не сделала. Какая еще женщина может знать об этом? А кто вообще знает, что мне нужно алиби?! – Эта мысль поразила ее. – Кто это знает?! Лена. Соседки, которых опрашивал следователь. Но это невозможно, ни одна соседка не стала бы мне советовать сослаться на этот клуб. Хотели бы сделать мне алиби – наврали бы следователю, что видели меня в тот вечер. Откуда эта женщина узнала, что у меня сложности со временем вечером четвертого марта? Да, она делает мне подарок... Алиби аж с девяти часов! Но в девять я только вышла. Я все равно не смогла бы воспользоваться этим... А почему? Никто не видел, как я вышла! Меня никто не видел! Значит... Значит, я спокойно могу сказать, что вышла в полдевятого, взяла машину, к девяти была в этом клубе, и... Машину можно выдумать, все равно ее не найдут. И я буду вне подозрений! Его убили с девяти до десяти. Алиби с полдесятого, скажем, меня бы не спасло. Осталось бы подозрительных полчаса, а убить можно за минуту. Алиби с девяти меня совершенно спасает! Я не могла убить его в девять и за минуту перенестись в центр... Нет, это не так уж нелепо... Но с какой стати в этом клубе подтвердят, что я там была? Кому нужны проблемы? Кого я знаю из клуба? Да никого! Я вообще в жизни не была ни в одном значном месте, кроме «Александра Блока»! Может, кто-то с парохода решил мне помочь?...»

Она подумала о Лизе и о Ксении. Голос в трубке не принадлежал ни той, ни другой, но может, они кого-то попросили... У нее не было их телефонов. Она позвонила Саше, тот выдал ей необходимые номера, попутно поинтересовавшись:

– Соскучилась?

Она обещала перезвонить ему и кое-что сообщить. После чего набрала номер Лизы. Та оказалась дома и страшно удивилась, узнав, кто звонит. В трубке слышался визгливый голос ее маленькой дочери (не от Армена).

– Слушай! – воскликнула она. – А меня о тебе спрашивали! Да! Следователь! Я подтвердила, что ты была в казино.

– Спасибо. А... – Анжелика не знала, как спросить об интересующем ее моменте, и в конце концов просто сказала: – Ты никогда не бывала в клубе «Ла Кантина»?

– Где?

– Значит, не была?

– Нет. Там играют?

«Все мысли об игре...» – раздраженно подумала Анжелика и торопливо распрощалась. Странно, но с того самого дня, когда она увидела на полу труп мужа, ее больше не тянуло в казино. А раньше эта тяга была такой сильной! Теперь ей казалась дикой одна мысль о том, что она когда-нибудь поедет на «Александра Блока» просаживать деньги в блек-джек. «Взрослею, что ли?» С этой мыслью она набрала номер Ксении. Ждать, пока та подойдет, пришлось довольно долго, Ксения отсыпалась после трудовой ночи. Голос у нее был сердитый и заспанный:

– Анжелика? Постой, тапки надену...

– Ксения, ты бывала в клубе «Ла Кантина»?

– Нет, но Армен там был как-то. А что? Решила меня пригласить?

– Мне сейчас не до этого.

– А, точно... Знаешь, а следователь расспрашивал нас с Лизкой, мы подтвердили твоё алиби. Ты прости, я номера твоего не знала, а то бы позвонила... Похороны уже были?

– Да. Ладно, тогда иди спать дальше, прости, что разбудила... Кстати, не можешь мне дать номер Армена?

Ксения наизусть продиктовала номер и попутно спросила:

– Лизке ты не звонила?

– Только что.

– Надеюсь, об Армене не спрашивала?

– А почему ты надеешься?

– Да они на днях разругались в прах. Лучше не говори с ней о нем, она переживает. Арменчик себя нехорошо повел.

Ксения, похоже, просыпалась, и готова была осчастливить свою старую знакомую полной информацией об интимной жизни Лизы и Армена. Анжелика едва ее остановила:

– Прости, я вечером перезвоню.

Похоже, та обиделась, но Анжелику это уже не волновало. Она позвонила Армену и убедилась, что ей везет – он тоже был дома. Впрочем, время было вечернее, все собирались в казино, а значит, чистили перышки у семейных очагов. Армен, узнав ее голос, удивился и обрадовался:

– О, а я только что о тебе думал!

– Серьезно? А почему?

– Да эта твоя история с мужем... Лирика, ты как? Может, тебе помочь надо?

– В каком смысле? В материальном не стоит, а в моральном ты не сможешь.

– А откуда ты знаешь? – игриво спросил Армен. – Вечером придеешь?

– Нет.

– Я тоже нет, больше туда не хожу.

– Из-за Лизы?

– Уже знаешь? Да, из-за нее. Она проиграла мои деньги, а я ничего не знал. Мне надо было платить за ремонт машины, которую она же и разбила, а теперь я без колес... Мы поругались.

– А куда ты ходишь, если не секрет? – вкрадчиво спросила она. – В «Ла Кантину»?

– С чего это? – поразился он.

– Да так, подумала, что это местечко как раз для тебя.

– А ты там бываешь?

– М-м-м... – протянула она. Это можно было понять любым образом, и Армен, видимо, как-то понял, потому что больше не спрашивал. Только и сказал:

– Я был там как-то раз.

– И что?

– Хорошо, но дорого. Каждый вечер ходить не будешь. Я сейчас никуда не хожу, работаю. Надо же машину починить. Лизка умудрилась разбить ее знаешь обо что? О милицейскую тачку. Причем тачка стояла, а Лизка ехала, как черепаха. И была не пьяная. Короче, кошмар. Ее даже в «отстойник» посадили.

– Куда?

– Лизку забрали в отделение и посадили в такую клетушку, где сидят задержанные. Сидела с вонючими дикими бомжами, благоухала «Дольче Витой» и материла всех ментов на свете. Но такие приключения мне надоели.

– Мне тоже. А из твоих приятелей и приятельниц никто в «Ла Кантину» не ходит?

– Нет вроде. А что тебя так волнует это заведение? Я бы, например, еще раз сходил. Тебе компания нужна?

– Вот машину починишь, разрешу себя пригласить, – пообещала она, чтобы свернуть разговор. Армен посмеялся и пожелал ей поскорее оправиться от понесенной утраты. Она даже не сразу поняла, о чем он говорит, настолько ее голова была забита мыслями об алиби. Повесила трубку и задумалась еще серьезнее. Затем позвонила Саше.

– Ты мне нужен.

– Опять? Сразу не могла сказать?

– Нечего было говорить. Кое-что изменилось. Ты должен приехать.

– Все мне говорят, что я кому-то что-то должен или чего-то не должен! – рассердился он.

– Кто еще?

– Ленка говорит, что я не должен больше ездить в казино. Я, видите ли, должен найти себе настоящее занятие.

– А я тебя не в казино зову. Ты мне нужен в другом месте.

– В каком еще?! Никуда не поеду!

– Поедешь, это важно.

– Да можешь ты сказать, что случилось?

– Не хочу по телефону.

После короткого раздумья он обещал приехать. Видимо, ей удалось его заинтересовать. Назначили место встречи в метро, Анжелика повесила трубку и лихорадочно переоделась. Уже перед выходом она бросила взгляд на экран телевизора. Там застыло лицо женщины. Ненависть крупным планом. Она подбежала и выключила телевизор. Экран погас.

– Даже если это ты, – сказала она пустому темному экрану. – Даже если это ты так шутишь, я все равно проверю. Мне нужно алиби!

Саша встретил ее возмущенным и тревожным возгласом:

– Ну, если ты из-за чепухи меня вытащила, голову оторву!

– Не оторвешь, – она потащила его наверх. – Слушай, что ты в джинсы вырядился, не мог приличней одеться?

– А зачем?

Тут он рассмотрел ее строгий костюм синего цвета (купленный по совету Игоря), бриллиантовые украшения и задумчиво произнес:

– Ты куда намылилась, дорогая?

– В клуб «Ла Кантина».

– Сдурела?!

– Сдурела не я, а кто-то другой. Ладно, твои джинсы на моем фоне как-нибудь проскочат. Может, ты мой шофер или телохранитель.

– Я не пойду никуда! Самое время шляться по клубам! И денег у меня с собой нет!

– Нет?! – остановилась она. – И это после того, что мы провернули?! И это после твоего фальшивого кредита со зверскими процентами?!

– Говори тише!

– Я же все давно поняла! Ты неплохо на мне нажился! Но хотя бы имей совесть, я за тебя платить не буду!

– Да я же не приглашал тебя в этот клуб! – возмутился Саша. – С чего ты меня туда тащишь?! Объясни, что случилось?!

– Мне кто-то позвонил и предложил алиби.

– Что?

– Алиби, глухарь! Не могу же я орать на все метро! Слушай и соображай. Мне нужен твой совет.

Она передала ему содержание звонка. Глаза у Саши округлились, хотя от природы были продолговатыми. Он задумался и едва не споткнулся на ступеньках. Девушка подхватила его под руку, так они дальше и пошли. Наконец тот произнес:

– Подозрительно. Не стоит туда идти.

– Как не стоит? А если мне хотят помочь?

– Кто? У тебя что, есть добрые ангелы? Покровители? Заступники?

– У меня никого теперь нет, кроме тебя, идиот, а ты не хочешь использовать такую возможность! Если у меня не будет алиби – конец! А у меня его не будет!

– А как же блондинка?

– Блондинка сама собой! Кассета и Юра завтра попадут к следователю, но я хочу, чтобы от меня отвязались раз и навсегда! Глупо, глупо чувствовать себя под подозрением, если ничего не сделала! Если бы мы хоть привели наш план в исполнение, а так – пропадаю ни за что!

– Я бы на твоём месте подождал... – пробормотал он. – Следствие должно идти своим путем. Тебя все равно не посадят.

– Так ты идешь или нет?! – Она повысила голос, и вид у нее, должно быть, был угрожающий. Он дернул головой и согласился:

– Ради бога. Но платишь ты.

...Зал с деревянной обшивкой, сработанный так, чтобы создать атмосферу лыжного курорта. Тесные загончики с красными столиками. Приятный живой блюз. Джинсы Саши остались незамеченными персоналом, или же на такие мелочи здесь просто не реагировали. За вход платить не пришлось. Их проводили к свободному столику (а почти все столики были свободны). Официантка предложила сделать заказ. Анжелика посмотрела меню, и ей стало дурно от цен. Кухня, как и обещала неизвестная благотельница, была сплошь мексиканская. Она заказала две текилы (также ориентируясь на слова благотельницы – надо же было узнать вкус этого напитка, если она собиралась использовать свое алиби), парочку закусок, от горячих блюд наотрез отказалась. Официантка удалилась так медленно, словно пребывала в летаргическом сне. Весь остальной персонал двигался примерно в том же темпе. Блюз, казалось, тоже находился на последнем издыхании и тянул что-то однообразно-ненавязчивое. Саша вертел головой, живо интересуясь обстановкой. Анжелика закурила, уныло осмотрелась, сказала:

– Ты считаешь, персонал подкуплен?

– А?

– Я говорю, если они готовы подтвердить, что я была здесь – они подкуплены?

– Ты еще не поняла – над тобой подшутили, – весело ответил он.

– Но блюз играет...

– Ну и что?

– А она так и сказала: «Ты сидела, пила текилу, слушала блюз...». Значит, она знала, о чем говорит. Захотела бы пошутить, сказала бы, что здесь бесновались панки.

- Правильно, она добивалась, чтобы ты ей поверила. Зачем врать по мелочам?
- Но зачем вообще врать?
- Не знаю. А голос у нее был нормальный? Она не смеялась?
- Нет, говорила вполне серьезно, а когда я не поняла, даже разозлилась. Это выглядело так, будто у нее нет времени объяснять подробнее. Или она злилась на мою тупость. Нет, я уверена – она была серьезна. Или же эта женщина – гениальная актриса.
- А голос точно незнакомый?
- Точно. И ни Лиза, ни Ксения, ни Армен ее ко мне не подсылали.
- Да откуда ты знаешь? Так они тебе и скажут.
- Нет, они все очень серьезно отнеслись к моему делу. И все говорили, что давали показания следователю насчет моего алиби. Никто не шутил. Да с такими вещами и не шутят.
- Вот именно! Так что я советую тебе выпить свою текилу и забыть об этом милом местечке. Что это, кстати, нам заказ не несут?
- Текила и закуски появились ровно через полчаса. Сервировав стол, официантка удалилась совсем уж расслабленной походкой. Саша посмотрел на ее тощий зад и прокомментировал:
 - Жертва мексиканской кухни. Огневой темперамент. Находится в состоянии полного истощения. Видишь, с каким трудом передвигается? У нее язва. Ну, выпьем, что ли?
- Они выпили.
- О... – Анжелика приоткрыла рот.
- Уф, – бодро сказал Саша и принялся закусывать. – Господи, огонь, огонь! Что они сюда насовали?!
- Соус чили. – Анжелика выпила минеральной воды, но пожар во рту не погас. – Моя спасительница – страшная оригиналка.
- А голос у нее был молодой?
- Да. Хотя по голосу ничего не определишь. Может, ей пятьдесят лет.
- Значит, это Юрина мамаша решила искупить свою невежливость и создать тебе липовое алиби.
- Да! – воскликнула Анжелика. – Что ты скажешь о том, что Юра курит «Данхилл» с ментолом?!
- Это его право, – он тоже напился воды и с удовольствием закурил. – Нет, здесь неплохо. Определенно, неплохо.
- А что ты скажешь о том, что та сигарета, которую я нашла пятого числа, была именно «Данхиллом» с ментолом?!
- Я это давно знал, – лениво ответил он.
- Знал и молчал?!
- А что трепаться? Забыл. Ленка, когда ты ей отдала тот окурок, сразу побежала в магазин и купила вообще все сигареты с ментолом. Методом сравнения определила, что твой окурок – «Данхилл». Ну и что? Она так рвалась это узнать, а узнала – и никакой пользы. Мало ли кто курит «Данхилл»?
- Вот Юра и курит. И его мамаша тоже.
- И ты решила, что они вдвоем прикончили Игоря? Интересно, за что.
- А мне вообще многое интересно. Отношение его матери ко мне – раз! Его ночной визит, совершенно нелепый – два! Зачем он приходил? Рассказать о блондинке? А потом не хотел идти к следователю. Три! Интересно, да?
- Нет, – отрезал Саша. – Я его знаю, можно сказать, как самого себя. Он этого не делал. Не мог сделать.
- А ты мог?
- Я бы сделал, если бы не опоздал.

– Вот видишь. А ты тоже не производишь впечатления уголовника. Не обольщайся. То, что Юра – твой приятель, его не оправдывает. Он мог это сделать. Не знаю, как с этим связана его мамаша. Может, покрывает его.

– Слушай! – поморщился он. – Сколько можно! Сперва пусть найдут ту блондинку и выяснят, какие сигареты курит она. При ее страсти ко всему белому, она вполне могла курить в тот вечер белые сигареты с ментолом. Логично?

– Логично, но пока ее найдут, мне голову свернут. Я хватаюсь за соломинку, пойми, у меня скверное положение... Кстати, следователь точно не намекал, что хотел бы алиби и от тебя?

– Нет, вообще не заикнулся.

– Он тебя не подозревает? – рассмеялась она. – Весело. Страдать почему-то должна одна я! Самая невинная!

– Эй, самая невинная! – обратился он к ней. – Может, пойдем отсюда? Ты же не разоришься еще на рюмку текилы?

– Ладно, идем. Надо только заплатить.

– Слушай... – Саша впился взглядом в сомнамбулически приближающуюся официантку. – Если они тут такие сговорчивые, может, договорюсь, чтобы они и мне алиби состряпали?

Анжелика расплатилась, официантка извлекла из глубин своего сна улыбку и произнесла:

– Приходите к нам еще.

– А мы тут уже были! – встрял Саша. – Я вас отлично помню. А вы нас не помните?

Официантка вежливо рассмотрела сперва его, потом Анжелику и осторожно ответила:

– Вероятно, да.

У Анжелики сам собой приоткрылся рот, Саша возликовал:

– Ну, я же говорил, вы должны нас помнить!

– Он шутит, – оборвала его Анжелика. – Он здесь впервые. Но я тут была.

Официантка не возражала, она продолжала сиять своей однообразной улыбкой. Клиенты опьянели с рюмки текилы, им хочется пошутить. Анжелике стало неловко, она стала вылезать из-за неудобного столика. Саша следовал за ней. Персонал сопровождал их напутствиями: «Приходите к нам еще!»

На улице, сунув в рот сигарету, он заметил:

– Да они что угодно подтвердят! Сонное царство. Может, ты им снилась в тот вечер.

– Она просто из вежливости не послала нас подальше, – вздохнула Анжелика.

– Нет, она искренне подтвердила, что видела нас!

– Кого «нас»? Ты тут при чем? Зачем примазываешься к моему алиби?

– У тебя его нет. – Саша с наслаждением дымил, озирая вечернюю улицу. – Знаешь, а кажется, лето наступило.

– Ну, что мне теперь делать, скажи? – Они почему-то не пошли к метро, а стали спускаться по Тверской. – Могу я преподнести следователю такую липу?

– Попытка не пытка.

– Советуешь?

– Попробуй. Сдается мне, твоя спасительница знала, что говорила. На удивление покладистый тут персонал. Тем более алиби с девяти часов! Такой подарок! Знаешь, даже если бы ты нашла кого-то, кто видел тебя на прогулке, это бы тебя не спасло. Тебе нужно было алиби именно с девяти. И оно у тебя есть.

– Но откуда об этом догадалась эта женщина?! Она что, близка к следствию?

– Ясновидящая, – предположил он. – Или существо из виртуальной реальности.

– Ты ангела имеешь в виду? Для ангела у нее был слишком раздраженный голос. Почти грубый, низкий такой.

– Ну, ангелы тоже консерваторий не кончали. Кстати, когда мы перестанем ходить пешком? – Он вопросительно тронул ее локоть. – Ведь «Вольво» остался тебе?

– Но я не смогу сдать на права. С моей координацией!..

– Зато у меня права давно готовы, – невинно заметил он.

Анжелика ничего не ответила, даже не посмотрела в его сторону. Чудесный вечер плавно переливался в теплую ночь, мягкий воздух слегка отдавал дымом, небо было тронуто нежной оранжевой акварелью. Но на сердце у нее вдруг стало тяжело, словно его придавили камнем. Она замедлила шаг, потом остановилась.

– Ты что? – удивился он.

– Я не хочу в тюрьму! Я молодая! – В ее голосе звучала дрожащая истерическая нотка. – А если меня все же посадят, – она смотрела ему не в глаза, а в какую-то точку посередине лба. – Если меня не спасет это алиби, я и тебя заложу.

Глава 7

...Девушка стоит на набережной, сильный ветер треплет волосы, кидает их то на глаза, то в раскрытый рот, волосы мешают видеть и дышать. Она опирается локтями о гранитный парапет, склоняется над водой. Грязная ленивая река, на волне качается бумажный мусор, флотилия окурков. Она смотрит в воду, слышит за спиной шум подъехавшей машины. Оборачивается. Машина – синий «Вольво». За рулем – мужчина, в окошке виден его профиль, он даже не смотрит в ее сторону. Она подходит, открывает дверцу, садится. Тот сразу трогает с места, не говоря ни слова, и через минуту кладет руку на ее колено, поглаживает его через тонкий чулок. Она равнодушно смотрит перед собой. На ней синий костюм, купленный недавно по его указанию, на пальцах блестят бриллиантовые кольца, в ушах – серьги. Черные волосы растрепаны, и она открывает сумочку, чтобы привести себя в порядок. Девушка причесывается, а он, не убирая свободной руки с ее колена, спрашивает, не страшно ли ей? Может быть, она передумала? Она закрывает сумочку, смотрит в свое окно и говорит, что теперь надо свернуть направо...

...Анжелика открыла глаза, увидела над собой белый потолок и солнечный луч на потолке. Она помнила, что ей снился паршивый сон, в котором реальность и вымысел были смешаны в какой-то дикий коктейль. Но отчетливо вспоминался только Игорь за рулем своей машины. Дальше – провал, а ведь дальше было что-то важное. Что? Она взглянула на часы, ахнула и выскочила из нагретой постели.

Сколько трудов стоило ей дотащить Юру до кабинета следователя! Он едва проснулся этим утром, она сама лично поднимала его с постели. Когда Анжелика позвонила в дверь к соседям, ей открыла мать Юры и на удивление приветливо предложила девушке войти и разбудить его. Проснувшись, Юра некоторое время предлагал никуда сегодня не идти, потом, кряхтя и охая, велел ей подождать в коридоре, пока он оденется. Одевался парень почти полчаса, ноги у Анжелики затекли от стояния на одном месте, а пройти на кухню, где хозяйка квартиры пила кофе, она не решалась. Наконец она вытащила Юру на улицу и повлекла по знакомому адресу, в следственное управление. Там снова пришлось ждать – у следователя кто-то был. И вот долгожданная минута: Анжелика входит в кабинет, сияя, говорит, что ее сосед напротив пришел дать показания... И Владимир Борисович, совсем утонувший в облаках табачного дыма, неожиданно просит ее выйти и посидеть в коридоре, пока он поговорит с соседом. Анжелика почему-то рассчитывала, что разговор будет происходить при ней. Ничего не поделаешь, пришлось просидеть по крайней мере минут сорок в коридоре, на обшарпанной деревянной скамейке, выкрашенной мерзкой коричневой краской. Она сидела и представляла, сколько свидетелей и подозреваемых до нее уже сидели на этой скамье. И ей было очень неудобно. В руках она сжимала сумочку, в сумочке покоилась кассета Михаила. Она укоряла себя за то, что не привела сюда и его, он бы очень пригодился со своими показаниями. В тот миг, когда она про себя последними словами выругала следователя, который не может сам обнаружить таких простых вещей, как ее алиби и наличие в деле подозрительной блондинки, Юра вышел.

– Ну? – Она вскочила.

Он покачал головой, слегка махнул рукой в сторону кабинета, как бы говоря: «Нет времени, иди туда сама».

– Все сказал? – приставала она к нему. – Про блондинку сказал?

– Да, не беспокойся. Мне нужно идти, я не думал, что так долго...

– Я к тебе заскочу потом! – пообещала она и явно его не обрадовала. Юра торопливо пустился по коридору к выходу, а Анжелика проскользнула в кабинет.

На этот раз она робела меньше. В прошлый свой визит, когда следователь огорошил ее отсутствием алиби, она едва сознание не потеряла и готова была признаться и в том, что сде-

лала, и в том, в чем вовсе была не виновата. Сейчас у нее был Юра, была кассета и было даже алиби, о котором она пока старалась не думать.

– Он вам рассказал? – спросила она, осторожно опускаясь на стул напротив следователя.

– Как проживаем? – спросил тот и придвинул пепельницу. – Курите?

– Да, – она закурила скорее из любезности – предлагают, так зачем отказываться? Тем более что в прошлый раз он был не так предупредителен. Поинтересовалась: – Он вам и про кассету сказал?

– И про кассету. Вы ведь тоже ее видели?

– Мы ее просматривали на моем видеке.

– «Мы» – это кто?

– Я, тот человек, который принес кассету, Юра, потом еще Саша и Лена. Саша – брат моего мужа, Лена – его жена.

– Я в курсе, – поморщился тот. Напился воды из графина с желтоватым налетом на стенах, закурил. Вид у него был нездоровый, неопрятный. Дышал он с присвистом, при этом в его груди что-то хрипело. «Докурится до рака...» – подумала она. И поспешила затушить свою сигарету.

– Значит, ваш сосед Головлев эту женщину не опознал...

– Как – не опознал?! Это была та самая! – Она захлебнулась от возмущения. – Он ее видел вечером третьего мая у нашей двери! Мой муж ей открыл!

– Я имел в виду, он эту женщину не знает, – пояснил следователь. – Про вечер третьего мая он мне все подробно рассказал. Удивительно, он даже время точное помнит: двадцать три часа сорок минут.

– Я же говорила!

– Позднее время для визита, верно? Вас, конечно, дома не было?

– Нет.

– Играли в казино?

– Как обычно, – ответила она даже с каким-то вызовом. Анжелика боялась его все меньше. – В этом ничего такого нет. Я почти всегда уходила вечером, а приходила на рассвете. Игорь меня не ругал. У меня такое хобби, что поделывать.

– Конечно, ведь работать вам не приходилось, – заметил следователь с явной насмешкой. – Кстати, почему?

– А при чем тут это? – возмутилась она. Разговор снова переходил на ее личности, и это ей не нравилось.

– Да хочется знать.

Помявшись, она пояснила:

– Не нашла своего призвания. Не знала, чем заняться.

– Муж достаточно зарабатывал?

– Да.

– Он никогда не требовал, чтобы вы работали?

– В первое время после нашей женитьбы. Потом это прошло само собой.

– Почему?

– Ну...

– Он что, стал больше получать? Кстати, какая у него была зарплата?

– Не знаю... – растерялась она. Ей действительно никогда не приходилось этим интересоваться. – Высокая, наверное.

– Как же так? Вы, его жена, за все семь лет не поинтересовались, откуда у него деньги на покупку дорогой машины, на ваши наряды, на золотые украшения, на подарки?

– Мне теперь и самой это странно... – призналась она. – Я, пожалуй, могу это объяснить. Он относился ко мне как... К ребенку, что ли? У меня было такое чувство, что он на меня

не очень рассчитывает, в смысле совета или помощи. Он был такой человек – все делал сам. Любил, чтобы я благодарила его за подарки. Ему нравилось меня опекать, наверное... И не нравилось, когда я высказывала самостоятельное мнение... Я от этого быстро отучилась.

– То есть, если бы вы попробовали спросить, сколько он зарабатывает, он бы отреагировал отрицательно? – оживился следователь.

– Наверное... Нет, муж бы меня не ругал, он бы ответил. Но... Не знаю, наверное, при этом посмеялся бы надо мной.

– Почему?

– Ну, Игорь считал, что я ничего не понимаю в практической стороне жизни.

– И это было действительно так?

– Нет. Не знаю, – от этих расспросов она сердилась и путалась, ей было неприятно вспоминать годы своего безволия. Теперь ей на самом деле казалось, что муж ее унижал. Следовательно терпеливо ждал вразумительного ответа, и Анжелика в конце концов сказала: – Я бы могла сама вести хозяйство. Но к деньгам меня не допускали.

– Как это понять?

– Игорь всегда выдавал мне на хозяйство определенную сумму и потом требовал отчета. Доходило до смешного: если я покупала растительное масло чуть дороже, чем рассчитывал он, была сцена. Тогда Игорь говорил, что я транжирю деньги.

– Он был настолько скуп? Как это увязать с вашими посещениями казино?

– Никак. Я не тратила его денег.

– А на какие средства играли?

– Мой отец... – Она покусала губы, тихо сказала: – Отец мне как-то прислал перевод. И я на основе этих денег играла.

– А ваш муж не говорил, чтобы вы отдали эти деньги ему?

– Нет.

– Значит, он все же признавал ваше право распоряжаться личными деньгами?

– Только теми, которые мне дал не он. Я никогда не пыталась взять у него денег на что-то... Ну, не на хозяйство.

– Серьезных ссор на материальной почве у вас не было? За исключением спора о растительном масле?

Он снова усмехался, ее это бесило. Анжелика с достоинством ответила:

– Мы не ссорились, я не давала повода. Я была достаточно бережлива, старалась укладываться в те деньги, которые получала от него на продукты и прочие хозяйственные мелочи. Да, он был расчетлив. Но болезненно скупым не был, дарил подарки.

– И даже восстановил утраченные вами бриллианты?

Она посмотрела на свои кольца, потом подняла глаза. «А это он откуда узнал?!» – пронеслось у нее в голове. Но думать времени не было. Надо было что-то говорить. Девушка осторожно сказала:

– Да. Меня ограбили несколько лет назад. Украли кольца и серьги. Муж купил мне точно такие же украшения.

– Почему вы не заявили об ограблении?

– Он не захотел...

– Но почему? Это не вяжется с его хозяйственностью. Ведь грабителя могли найти, и вам бы все вернули. А он предпочел купить вам такие же украшения и забыть об этом?

– Я не запомнила лица грабителя. Было слишком темно, и я до смерти испугалась. Не смотрела на него, просто все сняла и отдала. Боялась, что он пырнет меня ножом, – вдохновенно врала Анжелика, попутно соображая, кто мог дать следователю такую информацию. Ей чудился подвох.

– И ваш муж решил не травмировать вас разбирательством?

– Наверное. Я была в истерике. Он за мной так ухаживал в тот вечер... – внезапно горло у нее сжалось, глаза увлажнились. Она тяжело задышала, по-детски провела под глазами пальцем, убирая слезы, полезла в сумку за платком. «Да, все так и было... – думала Анжелика. – Он был так заботлив... И все было хорошо, пока он не обнаружил, что я его обманула... Господи! Господи, что же я хотела сделать?! Но не я же это сделала!»

Следователь закурил очередную сигарету и спокойно пояснил:

– Мне рассказал об этом случае его брат, Александр Иванович Прохоров. Он привел это как пример того, что его старший брат не был скуп по отношению к вам. Он очень настаивал на этой характеристике.

– Это правда, – она немного успокоилась. – Игорь оказался на высоте.

– А на курсы секретарей-референтов он вас устроил или вы сами пошли?

«Господи, и про это узнали! – воскликнула она про себя. Ей снова стало тревожно. – Ну чего он прицепился ко мне?!» Анжелика поморщилась:

– Эти курсы... Я не знаю, почему он хотел, чтобы я туда пошла. Зарплата у секретарей небольшая. Ну, и курсы эти я не окончила.

– Не устраивала такая работа? – усмехнулся он. – Кого? Его или вас? Любящий муж посылает жену в секретари к кому-то... Может быть, в то время ухудшились его заработки?

– Не знаю...

– Не знаете, значит, – повторил он даже с каким-то удовольствием. – Ну, а о каких-то побочных заработках ваш муж никогда вам не говорил? Может быть, его не устраивала зарплата, были сложности с налогами? Может, у него были какие-то перспективы, деловые предложения?

– Я совершенно не в курсе этих дел... Я даже налоговой декларации никогда в жизни не заполняла, – вздохнула Анжелика.

– А сколько денег лежало на счету в банке у вашего мужа?

Вот оно. Разузнали! Наконец-то! Анжелика внутренне напряглась, собирая все свои силы и актерские способности. Потом, не торопясь, как бы припоминая, ответила:

– Около двадцати тысяч долларов.

– Значит, вы все же были в курсе его материальных дел?

– Только в том, что касалось счета в банке. Ведь счет у нас общий. Он открыл его сразу после свадьбы. Хотел, чтобы у нас были общие деньги.

– Он никогда не говорил, что хотел бы что-то изменить в этом отношении?

– Нет... А зачем?

– Ну, если он мог устроить скандал из-за растительного масла...

– Я не знаю, как объяснить... – замялась она. – В мелочах он мог быть прижимист, это да. Но в таких крупных вещах, как банковский счет – нет. Может, он просто был так устроен...

– Вам когда-нибудь приходилось брать деньги с этого счета?

Она ответила, не теряя ни секунды, прямо глядя ему в глаза:

– Только один раз.

Он полез за новой сигаретой. Она сидела неподвижно, потом поймала себя на том, что непрерывно открывает и захлопывает сумочку, щелкая замком. Готова была ударить себя по пальцам – спокойствие давалось ей с трудом. Наконец он спросил:

– А когда это было?

– Недавно, м-м-м, недели две назад. Я взяла со счета десять тысяч долларов.

Ей было так же трудно сказать это, как признаться в убийстве. Но следователь, казалось, не очень впечатлился. Только и спросил:

– Куда же вы потратили такие деньги?

Ответ у нее был давно готов. Она сто раз обсудила с Сашей, как ответить, чтобы невозможно было проверить.

– Мы собирались поехать в путешествие, – сказала она. – Во Францию. Проехать по замкам на Луаре. Это очень дорого, конечно, но он мне давно обещал... Ведь мы с ним никогда никуда не ездили, вы не поверите... У меня даже загранпаспорта нет. Не знаю, как у него...

– У него тоже нет... – Сигарета дымила вовсю, следователь смотрел в окно, где ровным счетом ничего не было видно – грязное стекло, глухая стена дома напротив. – Значит, теперь никуда не поедете?

– Нет, конечно. Я об этом и думать перестала.

– А путевки вы уже купили?

– Сперва мне надо было сделать паспорт... Ему, оказывается, тоже... Мы говорили об этом, как о чем-то решенном, хотя, конечно, так сразу поехать не смогли бы... Но Игорь мне сказал: «Поедем». И я позвонила в турагенство, узнала стоимость путевки, пошла в банк и сняла деньги. Теперь придется положить их обратно.

– Ну, хорошо, – он внезапно откинулся на спинку стула, переменял тему: – Значит, ни вы, ни ваши родственники никогда эту женщину не видели?

– Блондинку? Никогда.

– Как думаете, вообще имеет смысл ее искать?

– А как же?! Вот кассета... Тут все записано. – Она торопливо вытянула из сумки свое сокровище. – Только, ради бога, не потеряйте...

– Не переживайте, – отрезал он. – Значит, все заснято?

– От начала до конца.

– Посмотрим.

Его тон ее разочаровал: он говорил без особого интереса, как будто ему каждый день случалось получать видеозапись с изображением возможного преступника. «А еще говорят, составляют фотороботы, – злилась она про себя, – ищут улики, снимают отпечатки пальцев... Ему все равно. Ох, если он потеряет... Дура я, надо было сделать копию! Но как? С моей техникой не сделаешь... Нужно что-то покруче... Надо было не торопиться так, а попросить помочь Мишу...» Долго думать не пришлось, она услышала вопрос:

– Кстати, возвращаясь к нашему прошлому разговору. Вы утверждаете, что у вас дома никогда не было гостей.

– Я сказала, кроме Саши и Лены, – напомнила она. – Да, почти никто к нам не приходил.

– То есть вы никого не видели?

– Конечно, теперь, когда я узнала о той блондинке, я уже не уверена, что у нас никто не бывал. А кстати, ее отпечатки пальцев вы нашли? – с надеждой спросила она.

– Мы нашли отпечатки, – подтвердил он. – По крайней мере шести посторонних людей.

– Шести?!

– Не считая ваших собственных и отпечатков вашего мужа. Их, конечно, было больше всего. Также мы идентифицировали отпечатки ваших родственников.

– Саши и Лены?

– Да, но их мало.

– Они редко бывали... И потом, я же прибиралась, вытирала пыль, мыла окна и двери... Отпечатков вообще-то не должно было быть много...

– Но генеральную уборку вы давно не делали?

– Ой, год, по крайней мере... – вздохнула она. – Но прибиралась почти через день, так, понемногу... Так что вполне возможно, стерла какие-то отпечатки... Но не отпечатки убийцы, я думаю! Ведь я же не могла убрать квартиру после того, как нашла мужа... Разве что убийца сам все вытер...

– Как же вы находили время для дома при таком режиме? Ночью играли, днем, наверное, спали...

– Я всегда выполняла свои обязанности, – холодно ответила Анжелика. – Я же объясняла, он никогда бы не позволил мне играть, если бы это хоть как-то отразилось на нашей жизни и хозяйстве. Я готовила, убиралась, ходила в магазин. Отношения были хорошие. Простите, а что там еще за отпечатки пальцев? Вы сказали, не меньше шести. Минус Саша и Лена... Еще четыре человека? Никогда не думала, что у нас бывает столько посетителей... Одна из них, наверное, та блондинка.

– Вероятно, если она была не в перчатках. – Тот вдруг приподнялся из-за стола, протянул ей руку: – Ну, всего хорошего, Анжелика Андреевна. Спасибо за свидетеля и за кассету.

– Я... – растерялась она, осторожно берясь за эту горячую потную руку и не зная, что с ней делать. Он, слава богу, быстро ее отпустил. – Я еще хотела сказать...

– Что? – Он уже шелестел какими-то посторонними бумагами.

– Я, – решила она, с обморочным холодом в груди. – Я, кажется, вспомнила, где была в тот вечер четвертого мая, с девяти до десяти. Даже до пол-одиннадцатого.

– М-м-м? – Он поднял на нее равнодушный взгляд. – Да? Вспомнили?

– Да. – Голос у нее слегка подрагивал, и Анжелика невыносимо злилась на себя. – Я была в клубе «Ла Кантина». С девяти вечера до половины одиннадцатого. Потом поехала на «Александра Блока».

– Как же? – Он стал немного внимательнее. – Вы же раньше говорили, что ушли из дома ровно в девять? Ошиблись?

– Я ошиблась на полчаса. Я была в таком состоянии, когда давала вам показания... И за временем не следила. Теперь я вспомнила. Выехала из дома раньше, взяла машину, приехала в клуб, там поужинала, послушала музыку и только потом отправилась в казино. А гуляла по бульварам раньше, днем раньше! Я действительно люблю гулять, но в тот вечер мне вдруг захотелось поест, а дома не успела... У меня эти два дня спутались...

– Вот как? – Он смотрел на нее без особого восторга, но с любопытством. Это было уже кое-что. – Как называется клуб?

– «Ла Кантина».

– И вы там были?

– Да. – Анжелика из последних сил сдерживала предательскую дрожь. А дрожал уже не только голос – руки, ноги, все тело, сердце в груди, даже мысли в голове. «Идиотка... Или пан, или пропал... Сошлюсь на невменяемость... Пусть считают душой... Пусть проверяют!» Ей хотелось скорее покончить со своим сомнительным положением. Она спросила с надеждой: – Вы проверите?

– У-м, – промычал он и кивнул. – Не переживайте. Мы проверим. Если вы там были, значит, все подтвердится.

* * *

...Ключи от гаража она взяла машинально, может быть, потому, что не выходил из головы сон: Игорь за рулем и чувство близкой опасности. И вот теперь Анжелика стояла в тупике неподалеку от своего дома. Солнечный день на дворе, и ключи теперь – ее собственность, так же как и гараж, и машина в нем, и все, что в машине. Но у нее было такое чувство, словно она собирается что-то украсть.

Замок поддался легко. Девушка потянула на себя тяжелую металлическую дверь, только одну створку. Петли не скрипели, наверное, он недавно их смазал. Заглянула вовнутрь. Осторожно вошла. Она не стала открывать вторую створку двери, не потянулась зажечь свет. Она и так все видела. Робко провела пальцами по пыльному синему крылу «Вольво», дотронулась до ветрового стекла. Потом отперла дверцу. Села за руль. В висках что-то запульсировало, тело покрывалось испариной. «Я схожу с ума, – подумала она. – Здесь сидел он. Там – она.

Женщина в белом пальто. А я?» И тут до нее медленно дошла истина. Она никогда не ездила в этой машине! Ни разу – с тех пор, как муж поменял свой старый красный «Москвич». Ее разбирал истерический смех. Она обхватила руль, опустила на него голову и уже отчетливо начала хихикать. Потом захлебнулась, умолкла.

Пахло бензином, машинным маслом, чужие, незнакомые запахи. Но был еще один запах. Отчетливый, тонкий, знакомый. Настолько знакомый и привычный, что она сперва даже не уловила его. Так пахла обивка кресла рядом с водительским. Анжелика некоторое время принюхивалась, пытаясь понять, что же это такое? Потом сообразила. «Это мои духи! Он сам подарил их мне на последний день рождения!» Анжелика оттянула блузку на груди, принюхалась, потом понюхала отворот пиджака, потом обивку. Запах исходил только от обивки, в той части, где голова касается спинки сиденья. На мгновение она увидела на сиденье призрак – очертания чьей-то фигуры, волну волос... Но это видение потонуло в облаке аромата. Запах стал настолько явным, что Анжелика не выдержала – рванула дверцу и выскочила из машины. Подбежала к двери, высунулась наружу, подышала свежим воздухом. «Негодяй! – сказала она про себя. – Он покупал одинаковые духи любовнице и мне!» В порыве злобы она вернулась к машине, обнюхала ее еще раз, убедилась в своей правоте – это были те самые духи, которыми она не душилась по крайней мере неделю. От нее самой запах исходить не мог. Пахло только одно сиденье, рядом с водителем. Остальные не пахли ничем. Они выглядели так, словно на них никто никогда не сидел: пушистый новенький ворс обивки, ни пятнышка, ни дырочки.

Искать было нечего. Когда она сообщила в милицию, что убили ее мужа, сперва осмотрели квартиру, потом гараж и машину. Всюду сняли отпечатки пальцев. Не обратили внимания только на запах духов, который тогда, наверное, был более отчетливым. Впрочем, он прекрасно сохранился в закрытом салоне машины. Казалось, женщина, пахнувшая этими духами, не больше часа назад встала и ушла. Анжелика повертела на пальце ключи, заглянула в багажник, осмотрела полки, но ничего интересного не обнаружила. Тогда она заперла дверцу машины, а потом и сам гараж. После полумрака яркое солнце ее ослепило. Неподалеку возился со своей побитой «Волгой» сосед по подъезду. Он выпрямился, вытер руки заскорузлой тряпкой и проводил Анжелику пронизательным и неприязненным взглядом сплетника. Она по привычке с ним поздоровалась. Он ей не ответил.

...На столе стояла бутылка сладкого муската. Под потолком кухни плавал сигаретный дым. Анжелика прислонилась к дверному косяку и, онемев, смотрела на своих гостей. Юра, моргая воспаленными веками, уставился на нее и не сказал ни слова. Саша велел ей присесть за стол:

– Ну? Тебя поздравить можно?

– С чем это?! – с ненавистью выкрикнула она. В руке она сжимала ключи от гаража. В следующий миг ключи полетели на стол, сшибли пустую хрустальную рюмку, она упала на плиточный пол и вдребезги раскололась. Юра сонно заморгал, уронил голову на руки, Саша изумился:

– Сдурела?!

– Как ты сюда попал? – Она продолжала кричать, не смущаясь присутствием гостя. – Как ты вошел в квартиру?!

– У меня же есть ключи, – спокойно ответил тот. Она показала пальцем себе на лоб, перевела взгляд на Юру. Саша мотнул головой. Это означало – его бояться нечего.

– Отдай мне их, – потребовала она.

Саша пожал плечами, полез в карман куртки, достал связку ключей. Потом подобрал с полу ключи от гаража и тоже подал Анжелике:

– Забирай. Просто так было удобней. Я мог сюда приходить и дожидаться тебя в любое время.

– А мне не нужно, чтобы ты сюда приходил в любое время! – Она сунула ключи в карман, пнула табуретку, та с грохотом покатилась по полу. Юра дернулся и поднял голову. Анжелика брезгливо фыркнула: – Он что, пьян?

– Да, – тускло ответил Юра.

– Пей дома!

– Не ори, как на базаре, – вступился Саша. – У парня неприятности. Он не может пить дома.

– А, черт! – Она подняла табуретку, уселась за стол. – Устроили тут! Кто вас звал?! Почему я не могу побыть одна?!

– Что ты взъелась? – встревоженно спросил Саша. – Юра же все подтвердил. Ты должна быть довольна.

– Довольна? А кто рассказал следователю про бриллианты?!

Юра тупо посмотрел сперва на нее, потом на Сашу. Тот невинно ответил:

– А что тут такого? Их же у тебя действительно украли.

– Но кто тебя просил трепаться? Я думала, сегодня все будет покончено. Нет! Ему понадобилось узнать кучу вещей о моей личной жизни. Сколько Игорь зарабатывал, он хотел знать! Платил налоги или нет! Подрабатывал или нет! Почему я не стала секретарем-референтом! Где находится Луара и все эти замки! Сколько это стоит!

Она ударила ладонью по столу.

– Не ори, – спокойно попросил Саша. – Слушай, а ты не хочешь узнать, что с Юркой?

– Нет! – отрезала девушка.

– А зря. Интересная история.

– У меня взяли отпечатки пальцев... – пробормотал Юра, снова поднимая голову.

– Ну и что? – брезгливо ответила Анжелика. – У всех взяли.

– Вам – все равно.

– А тебе?

– Понимаешь, – вмешался Саша. – Юра, оказывается, был у вас на днях. Буквально в тот самый вечер. И – наследил.

– Да ты что? – Анжелика даже слегка привстала из-за стола. – Как это, ты у нас был? К кому ты сюда приходил?!

– К нему, – убито вымолвил Юра.

– К Игорю, тебя же дома не было, – перевел Саша. – Я тебе могу одно сказать – он его не убивал.

– Он уже был убит, – качнул головой Юра.

Анжелика в ужасе смотрела на них, потом вдруг почувствовала, как грудь сдавило удушье. Она хрипло прошептала:

– Сигарета – твоя?!

– Его, – ответил Саша.

– Моя, – кивнул Юра. – Анжелика... Я понимаю... Тебе трудно... Но я его не трогал... Я его не убивал...

Она обвела кухню тоскующим бессмысленным взглядом. Действительность расплзлась, как гнилая тряпка, в ней появлялись дыры, мысли путались и застревали в них, как в паутине.

– И ты мне врал? – спросила она.

– Он думал, ничего не откроется, – вступил его защитник. – А следователь вдруг взял у него отпечатки. Это раз. И сейчас, буквально перед твоим приходом, сюда приезжали и взяли отпечатки у его матери. Это два.

– А мать его при чем?! – К Анжелике вернулось нормальное дыхание. – Она что, тоже припутана к этой мерзости?

– Мать его тут тоже была, – как-то смущенно ответил Саша. – Да он сам тебе расскажет.

– Нет, – отказался тот.

– Что значит «нет»? Девчонка тебя будет вытаскивать, а ты отказываешься ей даже объяснить? – Саша возмущенно тряхнул его за локоть. – Нет, ты уж сам расскажи.

– Откуда это я буду его вытаскивать? – забеспокоилась она.

– Из тюрьмы, – холодно ответил Саша. – Сама понимаешь, тут нашли их отпечатки, им нужно подтверждение, что они бывали здесь. А ты, ворона, талдычила у следователя свое – никто в гости не ходил. Ты должна будешь подтвердить, что Юра со своей мамой как-то зашли на чай. И больше ничего от тебя не требуется.

– Ничего я не подтверждаю! – взвизгнула она. – Какое свинство! Им было лень мое алиби подтвердить, а я должна их выгораживать? Пусть убирается отсюда!

– Я пойду... – загнанно сказал Юра и действительно стал выбираться из-за стола. Анжелика тоже вскочила, чтобы держаться от него подальше. Но он не сделал ни единого движения в ее сторону. Его шатало. Он держался за край стола и повторял:

– Ей конец, и мне конец.

– Сядь! – крикнул Саша. – Сядь, дурак!

Он силой усадил его обратно. Анжелика прижалась спиной к стене, губы у нее побелели. Через минуту, не дождавшись продолжения сцены, она спросила:

– Кому это конец? Мне?

– Маме... – Юра вдруг часто и тяжело задышал, закрыл лицо ладонью и заплакал.

– Маме? – Она слегка отошла, увидев, что он ей в самом деле не угрожал. Но за стол сестра не решилась. Этот плачущий двухметровый парень не внушал ей больше страха, но видеть его было неприятно. Она обратилась к Саше: – Ты можешь мне объяснить, что они с мамой сделали и почему ты их выгораживаешь? Мне бы так помогал на следствии, вместо того чтобы сплетни разносить!

– Я не сплетни разносил, я тебе помог.

– Чем это?

– Мало ли кто мог узнать про бриллианты? А ты смолчала бы, а это подозрительно. Чем больше следователь будет знать, тем лучше для тебя. Тебе скрывать нечего.

Она недоуменно посмотрела на Юру. Саша, осторожный Саша, впервые столь открыто обсуждал их дела в присутствии постороннего свидетеля. Ей пришла в голову дикая мысль, а настолько ли Юра посторонний? Его появление в доме в ту ночь... Его страх. Его скрытность, нежелание идти к следователю. Все это можно теперь объяснить страхом за себя и за мать. Но поведение Саши, его непонятная откровенность? Она поманила его, и он вышел за ней в коридор. Там она приперла его к стенке:

– Он что, все знает?!

– Нет, – от Саши пахло вином и табаком, глаза припухли, как всегда после алкоголя. Он выглядел ничуть не смущенным и не растерянным. – Он ничего не знает.

– Так зачем ты при нем говоришь на эти темы?

– На какие?

– О следователе, о бриллиантах...

– Дурочка, ты сама завела все эти разговоры! – снисходительно напомнил он. – И между прочим, ничего криминального тут нет. Думаешь, родственники всех покойников на свете только и делают, что рвут на себе волосы и молятся за упокой их душ? Они делят наследство, цапаются друг с другом... А уж если еще и следствие идет – это постоянная грызня...

– Ладно, но я не буду ничего подтверждать.

– Из мести, что ли?

– Просто не буду. Я не обязана.

– Ты хочешь, чтобы у них были крупные неприятности? Что они тебе сделали-то? Юрка к следователю пошел, хотя не хотел, можешь мне поверить.

– Он обязан был пойти.

– А мог и не пойти. Мог вообще не говорить тебе о блондинке. Его же никто не заставлял. Но он все рассказал, а сам вляпался. Ты должна ему теперь помочь.

Свистящий шепот действовал ей на нервы. Анжелика немного отодвинулась и спросила:

– Эта помощь мне дорого обойдется?

– Пара фраз, и отвечать за вранье не будешь. Кто докажет, что они сюда в гости не заходили? Соседи снизу? Да они на ваш этаж вообще не поднимаются. Юрка с матерью ни с кем из дома не общаются. Как ты скажешь, так и запишут. Больше свидетелей не будет. А им, сама понимаешь, было опасно врать, что они тебя видели в девять часов...

– Но я действительно ушла в девять! Что опасного-то – правду сказать?!

– Зато теперь тебе это пригодилось, – заметил он. – Как твое алиби?

– Рассказала, – мрачно бросила она. – Не знаю, что теперь будет. Не иначе я с ума сошла. Но мне было так страшно! И я так устала...

Она провела рукой по спутавшимся за день волосам и прошептала:

– Да ладно... Бог с вами. Скажу я, что они тут были. Только нервы с вами трепать... И сигарета, значит, его мамыши... Стоило столько мучиться... Ленка узнала об этом?

– Я предпочитаю ей не говорить.

– Почему же?

– Она мне вообще перестала нравиться.

– Так разведись, – посоветовала Анжелика. Она прислушалась – на кухне раздавались шаги. Юра, видимо, метался взад-вперед, чувствуя, что решается его судьба.

– Дело не в разводе, – озабоченно заметил Саша. – Она мне кажется ненормальной. Знаешь, этой ночью кричала во сне, все такое странное...

– Это бывает со всеми.

– Она кричала: «Убей ты его, убей ты его наконец!», а потом как расплачется... Я проснулся, сперва не понял, что случилось... Слушаю ее, смотрю, как она ревет, сам чуть не рехнулся... Разбудил, она ничего не помнит, утверждала, что снов не видела. Мне с ней стало тяжело, честно говоря.

– Я пойду... – донесся голос из кухни.

Саша ухватил Анжелику под локоть и втащил туда. Усадил на табурет. Она не сопротивлялась.

– Все в порядке, Лика подтвердит, что вы заходили в гости.

Она потянулась за спичками. Спросила:

– А все-таки, можно узнать, чего ради ты сюда пришел? И при чем тут твоя мама?

– Мама здесь бывала. У него, – с трудом выдавил тот.

– В смысле?

– Подумай и поймешь, в каком.

Ее рука, в которой она держала зажженную спичку, внезапно дернулась от боли – спичка догорела, огонь опалил указательный палец. В этот миг, в долю секунды, вспышка боли вдруг озарила все, что до сих пор было ей непонятно. Анжелика даже не вскрикнула. Бросила обгорелую спичку на пол, зажгла другую, дождалась, когда пойдет дым от сигареты. Подняла глаза. Юра сидел сгорбившись, свесив руки между колен, смотрел в пол. Саша, полуприсев на подоконник, размашисто качал ногой и с циничным любопытством рассматривал стриженный затылок своего приятеля. Этот разговор явно доставлял ему удовольствие.

– А ты не врешь? – спросила она. – Трудно поверить.

– Не вру, – ответил он с какой-то даже ненавистью. – А зачем мне? Я бы мог соврать, чтобы не позориться. И ее не позорить. Я правду говорю.

– И давно они?..

– Год по крайней мере.

– С ума сойти! – Она жадно затягивалась, не спуская с него глаз. Ей было даже весело, впрочем, веселость была истерического характера, как и все впечатления в этот нелепый день. А начинался он так удачно!.. – Ну, почему на это пошла твоя мама, я еще могу понять. А он-то зачем?

– Ты не понимаешь мужской психологии, – вмешался Саша. – Мужу, в общем, все равно...

Она заметила, как при этих словах напряглись плечи Юры, надо сказать, довольно широкие. Укоризненно взглянула на Сашу, снова обратилась к несчастному парню:

– Слушай, а ты как... Относился?

– А как мне относиться? Я с тобой не общался, его тоже мало знал. Сашки это не касалось. Зачем мне кому-то рассказывать?

– Как узнал?

– Да просто. – Он понемногу начинал трезветь. – Узнать нетрудно, мы же соседи. Что я – не видел, куда она бежит?

– Ладно, все! – вздохнула Анжелика. – Кругом мерзость. Ну и подзаборник был мой муж! А с виду такой порядочный, строгий даже... Похоже, у него был целый...

Она хотела сказать «гарем», но осеклась, речь все же шла о матери Юры.

– Ну, хорошо. Насчет твоей мамы и ее отпечатков я уже все поняла. Но ты зачем пришел сюда?

– За отцовским кубком.

– Чем-чем?

– Она снесла твоему мужу отцовский кубок, память об отце... – с искренней злостью пояснил тот. – Я пришел домой, увидел, что кубка нет. Она, видимо, давно решила его подарить, потому что в последнее время держала не на видном месте, а в шкафчике. Чтобы я отвык его видеть, понимаешь? А я сразу что-то неладное почувствовал. Представляешь, прихожу я домой. Поужинал. И за каким-то чертом полез в шкафчик. Вижу, кубка нет.

– Ада Дмитриевна поторопилась, – вставил Саша. – Ей надо было хоть инсценировать ограбление квартиры. А так он сразу все понял.

– А что за кубок такой? Спортивный? – поинтересовалась Анжелика.

– Нет, отец спортом не занимался. Кубок очень красивый, баварское рубиновое стекло, на кованой золотой ножке. Его привез дедушка, с войны, как трофей. Отец этот кубок очень любил. Несколько раз рисовал его. Он же был художник.

– Между прочим, портрет Ады Дмитриевны с этим кубком у них в большой комнате висит, – снова вмешался Саша. – Шикарный портрет!

– Я когда увидел, что кубка нет, сразу понял: она его подарила Игорю, – продолжал Юра. – Припер ее к стенке, она молчит. Значит, думаю, так и есть. Побежал сюда. Вбегаю – он лежит на полу мертвый. Я сразу понял, что мертвый. Кубок на полке стоит, рядом с часами. Я не сразу решился подойти к нему. Потом все же подошел, наклонился, даже лоб ему потрогал. Уже был холодный...

– Во сколько это было?! – жадно спросила она.

– Я могу только сказать, во сколько в себя пришел. В десять сорок пять. У себя в комнате, с кубком в руке. Значит, труп я нашел минут пятнадцать назад. В половине одиннадцатого. Наверное, тогда я и сигарету выронил из кармана, когда наклонился над ним. Не помню, ни черта не помню... Я в тот день опять курил мамины сигареты.

– А мама твоя во сколько приходила? Она действительно была у него в тот вечер? И ничего подозрительного не видела?

– Ничего и никого, кроме тебя. Она смотрела в глазок, когда ты уйдешь. Ты ушла в девять. Тогда она подождала пять минут и побежала к нему с подарком. – У Юры при этих словах скривилось лицо. – Но он подарок взял, а ее выставил, под тем предлогом, что скоро уйдет.

– Так я и знала! Твоя мама все же видела, когда я ушла?! А больше она никого не видела? Не смотрела в глазок, когда он выставил ее?

– Для ревнивой женщины – вполне нормальное явление, – явно издевательски вставил Саша. – А вот наша Лика совсем не ревнива!

– Мать сидела у себя и плакала целый час, пока я домой не пришел, – отрезал Юра, явно тяготясь этим расследованием. – А потом я сам туда побежал. Вот и все. А то, что она тебя видела... Ей нельзя об этом говорить. С чего бы ей за тобой следить, если разобраться? Понимаешь, если обнаружится это дело, то нам с ней конец. Ты пойми, она же была его любовницей... Мерзко говорить, но ей приходилось дарить ему подарки, чтобы он хоть изредка на нее обращал внимание. Мать еще не старая... Многим нравится... Что она к нему привязалась? Лучше бы она была старухой! – резко закончил Юра.

– Лучше чего? – Анжелика была ошеломлена этим потоком темпераментных выкриков. От внешне хладнокровного соседа она такого не ожидала.

– Лучше, чем быть такой, как сейчас! Я ее иногда ненавижу!

– Ну, хватит, хватит! – Саша разлил по рюмкам мускат, придвинул одну Юре: – Выпей. И ты, Лик, тоже. Тебе полезно после стресса.

Она с отвращением отодвинула сладкую гадость, а Юра с обреченным видом выпил.

– А мускат у нас в доме откуда? – спросила она. – Ты, Юра, принес?

– Мамин мускат. У нас его целый склад. Она его любит.

– А... То-то я глядела, у нас всегда в холодильнике бутылка этого сиропа! – усмехнулась Анжелика. – Наверное, приносила с собой, когда в гости шла?

– Ну.

– Так и на бутылке, наверное, ее отпечатки пальцев нашли?

– А проверяли бутылку?!

– По-моему, они тут все проверяли. Да ты не переживай, я скажу, что это вы мускат принесли. Ничего страшного, поверят. – Анжелика смотрела на парня с жалостью. Потом решилась задать еще один вопрос: – Юр, а отец твой где?

– Умер. Давно.

– Что-то у всех у нас с отцами неладно, – вздохнула она. – У кого ушел, у кого умер...

– А у кого прогнали отца, – Юра повернул голову и посмотрел на своего приятеля. Саша подхватил его подмышки и помог ему встать:

– Все, ты готов. Лика, его надо куда-то уложить.

– Да клади к Игорю, на диван. Пстой! – воскликнула вдруг она. Юра поднял на нее сонные глаза. – А как ты вошел в квартиру, когда вернулся за кубком?! Твоей маме Игорь открыл, это я понимаю, но кто открыл тебе?

Ни слова не говоря, он медленно полез в карман и с трудом вытащил оттуда несколько ключей в связке. Анжелика даже с некоторого расстояния узнала ключи от собственной квартиры.

– Откуда они у тебя?!

– У мамы были... Сделала... – Он невразумительно помахал рукой в воздухе. Саша уволок его из кухни и спустя пару минут было слышно, как Юра капризничает, не желая ложиться. Он, дескать, хочет кое-что сообщить Лике!

А она стояла с одной связкой ключей в руке, с другой – в кармане. Там же лежали ключи от машины и гаража. Девушка сложила все эти связки на ладони, в результате получилась внушительная и довольно увесистая кучка железа.

– Хотела бы я знать, – пробормотала она, – у кого еще есть ключи от моей квартиры?

Глава 8

Утром, глядя на себя в зеркало, она обнаружила явственные круги под глазами. Нахмурилась, открыла пудреницу и увидела там жалкие крошки и истрепанную губку. Все эти дни у нее не было повода как следует накраситься и тем более позаботиться о состоянии своей косметички. Анжелика терпеть не могла таких неожиданностей. Пришлось вымазать на лицо то, что есть, а потом быстренько собраться и съездить в центр. Собственно, пудру «Ланком» можно было купить и где-нибудь поближе, но Игорь раз и навсегда приучил ее делать покупки в ГУМе – и теперь она последовала этой привычке. В гумовских галереях она долго не задержалась, не было настроения демонстрировать свои «подбитые», кое-как покрашенные глаза. Купила искомую пудру, съела пирожное и направилась домой. Мелкие неприятности на этом не закончились. И все же, если бы Анжелика знала, что последует за этим, она бы решила, что провела утро чудесно.

Около полудня, без звонка, без предупреждения явилась в гости ее мать. Она притащила с собой тяжелую сумку с продуктами и целый ворох впечатлений. Для начала Анжелика услышала, что она безответственная особа. Например, совершенно забыла о таком обычае, как девять дней. Анжелика всегда была несведуща в том, что касается обычаев и этикета. Кроме того, ей никого не приходилось хоронить, а рассказы о чужих похоронах она старалась пропускать мимо ушей.

– Ну, хорошо, – вздохнула Анжелика, выслушав все упреки. – Не справила я эти девять дней. Забыла, не успела. И косынку я выкинула. В конце концов, это мое личное дело.

Потом она сознательно оглохла минут на пять, давая матери выговориться, и обрела слух, только когда мелькнуло имя ее отца.

– Андрей, – пожаловалась мать, – совершенно тобой не интересуется! Я звонила ему, а он...

– А зачем ты звонила?

– Но ты же его дочь! Его дочь осталась вдовой, а ему дела нет!

– Знаешь, – заметила Анжелика, – меня это не удивляет. Игоря он вообще не знал. Я думаю, что папа до сих пор уверен, что мне четырнадцать лет.

– Хватит острить!

– Если это острота, по-твоему... Оставь отца в покое. Так будет лучше для всех нас.

– Ты всегда его защищала!

Тут Анжелике пришлось оглохнуть минут на десять. Зинаида Сергеевна даже всплакнула под конец своей пламенной речи, в которой она вкратце описала свою погубленную «ради ребенка» жизнь. Когда «ребенок» закурил и закатил глаза к потолку, мать поняла, что тому следует сменить.

– И что ты теперь собираешься делать? – вполне разумно спросила она.

– А что?

– Ты же осталась без средств к существованию! Надо пойти работать!

– Зачем? – вяло отреагировала Анжелика.

Этот ответ привел мать в ярость:

– Тебе двадцать пять, а ты вообще ничего не умеешь делать! Только в казино играть! Ужас! Я вообще не понимаю, почему Игорь тебя терпел!

– Я тоже. Насчет моего будущего не переживай. У меня есть эта квартира, есть машина. Остались сбережения. Когда все кончится, я пойду продавать водку в местный супермаркет.

Анжелика говорила резче, чем ей хотелось бы. В сущности, она не хотела грубить матери, но спокойно слушать нравоучения не могла. Мать вконец расстроилась, это было заметно. Анжелика тоже пала духом. «И почему она никогда не может поговорить со мной как с чело-

веком, а не как с собакой, которая нагадила в углу? – спросила себя Анжелика. – Почему я всегда как будто виновата перед нею? Конечно, станешь при таких условиях грубиянкой! И ведь я понимаю, что она желает мне добра, но как она это делает!»

Мать налила себе холодного жидкого чаю и сдавленно произнесла:

– Не хотела тебя расстраивать, но ладно уж. У Игоря, кажется, была женщина.

– Знаю! – беспечно отмахнулась Анжелика.

Мать остолбенела. Спустя минуту она осторожно спросила:

– Откуда ты знаешь?

– А ты откуда?

– Она звонила, когда были поминки... – неуверенно пробормотала мать. – Такой довольно молодой голос... Спросила Игоря, я сказала, что он умер... Она ахнула и повесила трубку. Я даже не успела узнать, кто звонит.

– А может, просто знакомая?

– Все знакомые были на поминках! И вообще, я уж как-нибудь разберу по голосу, любовница это или просто знакомая! Опыт есть!

– Да уж, – протянула дочь. – Ты запросто могла бы сама вести следствие. Я думаю, уже нашла бы ее.

– А что следователь говорит?

– Меня оправдали. У меня есть алиби. – Все это не совсем соответствовало действительности, но она предпочитала раз и навсегда закрыть эту тему. И ей было жалко мать – та, конечно, боялась за дочь, находящуюся под следствием.

– Слава богу! Еще бы они тебя не оправдали! А я думаю, раз квартиру не ограбили, может, это была его женщина?

– Да и я так думаю.

– А может, та, которая звонила?!

– Вполне вероятно. Жалко, ты с ней подольше не поболтала. Я, между прочим, уже сдала следователю видеокассету с записью ее физиономии, – сообщила Анжелика. – Надеюсь, ее очень быстро найдут. Но хотелось бы знать имя.

– А как же ты про нее узнала? Игорь же не мог рассказать...

– Конечно, нет. Узнала от посторонних людей. И вообще, мой муж был та-а-кой! – Анжелика округлила глаза. – А ты все говорила, что я его недостойна! Да я просто ангел по сравнению с ним, никогда не изменяла.

Мать не стала возражать. Верность была тем качеством, которое, как она считала, передавалось ее дочери по наследству от нее. Отца в смысле наследственности она решительно сбрасывала со счетов: не желала, чтобы Анжелика чем-то на него походила.

– А вообще-то... – медленно проговорила Анжелика. – Вообще-то, наверное, та, с кем ты говорила, ни при чем.

– Это почему?

– С какой стати ей спрашивать Игоря, если она его убила?

– А может, для отвода глаз! – предположила мать. – Может, она хотела проверить, добила Игоря или нет?!

– Ну, прекрати. Для отвода глаз ей бы надо сидеть у себя в норе и не высовываться. Ее никто не знает, зачем ей вообще сюда лезть? Вот если бы это была одна из его знакомых по работе! Тогда ей обязательно надо было прийти на поминки, чтобы снять с себя подозрения.

Зазвонил телефон. Анжелика сбегала в большую комнату, взяла трубку, сказала «алло!», но там сразу послышались гудки. Она вернулась к матери и решительно заявила:

– А вообще, мам, я собиралась уходить. Так что извини...

– Я подожду, когда ты вернешься, – предложила мать. – Хочешь, обед сготовлю?

– Нет, я приду поздно.

– Тебе же одиноко...

– Нет, – отрезала Анжелика.

Мать не стала настаивать. Когда Анжелика говорила «нет» таким тоном, спорить было бесполезно. Она разобрала сумку, сунула продукты в холодильник и ушла, разом постаревшая, выпустившая боевой пыл, грустная. Анжелика отдернула занавеску и посмотрела, как мать пересекает двор. Сердце сжалось, сверху та выглядела маленькой, трогательной, жалкой. «Мне не одиноко, это ей самой одиноко, она тянется ко мне... – поняла Анжелика. – Я свинья. Но окликнуть ее, позвать назад? Поздно. С этим я опоздала на много лет. Нам будет плохо вместе. Мы друг друга не поймем. Не знаю, что делать. Не знаю».

На сердце у нее было тяжело. Не развеселило даже зрелище девочек, играющих под окнами в классики. Теперь там веселилась целая стайка в шортиках и расклешенных юбочках. Свою знакомую девочку, которая рисовала кривые классики и училась играть в полном одиночестве, Анжелика тоже узнала. Та сидела на бордюре, скрестив ноги в голубых джинсах, и смотрела на скачущих подруг. Она не играла. Ее никто не брал в пару. Такая неуклюжая напарница могла испортить все дело. Девчонки скакали, изоцряясь на все лады – по диагонали, задом-наперед, с закрытыми глазами, на левой ноге, хлопали себя ладонями по груди после каждого прыжка и удара по бите, даже ползали на корточках, при каждом ударе подпрыгивая, наподобие жаб. Анжелика смотрела на них с завистью, девочка на обочине тоже. «Вот, – подумала Анжелика, – она так сидит, совсем одна, а потом ей станет до того одиноко, что она выскочит замуж за первого попавшегося мужчину, который сломает ей жизнь...» Теперь, когда она думала о муже, угрызения совести ее не мучили. Возможно, последней каплей было вчерашнее известие о том, что величественная Ада Дмитриевна, вдова художника, была любовницей Игоря. Это было нелепо, смешно и удивительно. Так удивительно, что мало верилось. Но Анжелика поверила сразу и потеряла остатки уважения и к соседке, и к покойному мужу, да и ко всему миру в целом.

Снова зазвонил телефон. В трубке раздавался убитый голос Саши:

– Надеюсь, у тебя дела лучше, чем у меня.

– В чем дело?

– Ленку забрали.

В глазах у нее потемнело. Она некоторое время ловила воздух распахнутым ртом, потом наконец собралась с силами и выдавила:

– Господи, за что?

– Как это «за что»? – Голос у него звучал недоверчиво. – Ты меня вообще слушаешь? Я же тебе говорю, ее увезли в больницу.

– Первый раз слышу! Я думала – в милицию!

– За что?! – в свою очередь воскликнул он.

– Вот и я удивилась... А что с ней такое? Нервный срыв, что ли?

– Да, но это не главное. Срыв я бы еще пережил. Она наглotalась таблеток.

– Ленка?! – изумилась она. – Сознательно наглotalась?

– А ты думаешь – случайно?! По рассеянности выпила две упаковки снотворного?! Прихожу домой вчера вечером от тебя, гляжу – она лежит в постели, глаза закрыты, дышит тихо. Я успокоился – хоть уснула. Знаешь, я за нее боялся в последнее время. Ей вся эта история тяжело далась!

– Почему-то тяжелее, чем мне и тебе, – проворчала Анжелика. – А ведь она ему никто! Когда она начинала закатывать нам сцены или падать в свои обмороки, мне казалось, что она это делает специально, чтобы доказать, какая я бессердечная.

– Но она это делала не специально... – уныло возразил он. – Лена не такой человек. Я всегда считал ее более выносливой... Во всяком случае, ломать комедию она бы не стала. Ей действительно было плохо, а мы не понимали... К утру до меня дошло, что спит она как-то

чересчур спокойно, не вздыхает, не ворочается. А в последнее время у нее был такой нервный сон! Смотрю на стол – там пустой стакан, бутылка воды рядом и бумажки. Я сперва внимания не обратил, а тут стал рассматривать. И обнаружил, что все это от снотворного. Стал ее толкать – не просыпается. Но сердце еще прослушивалось, только так тихо, жутко... Я вызвал «скорую», ее увезли...

– И как она?

– Сделали промывание, но она без сознания. Я только что из больницы... Не могу понять, что случилось.

– Она тебе все объяснит, когда выйдет.

– Сомневаюсь, что она захочет что-то объяснять... Знаешь, я был свиньей.

– Представь, я только что думала то же самое о себе! – вздохнула Анжелика.

– И потом, меня беспокоит то, что это привлечет внимание милиции. Как ты думаешь, ведь привлечет? Все же покушение на самоубийство...

– В свете того, что убили Игоря, может, и привлечет... Слишком много смертей на одну семью, пусть и недружную...

– Типун тебе на язык, она не умерла! – испугался Саша. – Жаль, что не написала записки... Не знаю, что в милиции говорить... Хочется куда-нибудь пойти... Ты не хочешь развеяться? Я все равно ей не помогу, а сам могу свихнуться в этой квартире, рядом с этой постелью!

– Выбрось постель и купи новую, – посоветовала она. – Деньги теперь у тебя есть. И вообще, что это вы, мужики, такие нытики?!

– Кто – все?

– Ты и Юра.

– А он не заходил?

– Я ему не открою, если зайдет. Он от меня бегал, когда надо было показания давать, теперь я от него побегаю.

– Лика...

– Да ничего с ним не случится! С этой бальзаковской женщиной тоже!

– Слушай, – спросил он почти заискивающе, – а ты не хочешь нынче вечером навеститься на «Александра Блока»? В этом месте у меня не то что грустные мысли пропадают, но и вообще всякие...

Анжелика подскочила:

– Ну, ты!

Ничего более красноречивого она сказать не смогла, но Саша все понял:

– Поеду один. Не думал, что ты станешь такая правильная. С чего бы это?

Она бросила трубку. «Все рехнулись! Ленка, Саша, Юра, его мамаша и я за компанию! Если так дальше пойдет, в конце концов соберемся и пойдем признаваться, что Игоря уколошили мы!» Телефон зазвонил снова, она с ненавистью взглянула на него и решила выдержать характер. Когда подняла трубку, там были только гудки. Анжелика отправилась на кухню и сварила себе кофе. Когда она сидела за столом и дула в свою чашку, снова раздался звонок. Кофе выплеснулся на столешницу. Анжелика встала и направилась к телефону в твердой решимости задать Саше трепку. Но это был не Саша.

То был низкий голос, принадлежавший неизвестной молодой женщине, так любезно предложившей алиби. Женщина, как и в первый раз, сразу взяла инициативу в свои руки.

– Нам нужно встретиться, – прозвучало в трубке. Причем тон был такой, что стало ясно – возражений она не потерпит.

– Простите, – пролепетала Анжелика. – Может, вы все же назовете себя?

– При встрече, – пообещала та. – У тебя все в порядке?

– Да, но...

– Ладно, слушай, – оборвала та ее несмелое возражение. – Увидимся сегодня вечером, в шесть тридцать, в уличном кафе на Тверской.

– Но...

– Объясняю, как найти! – Голос звучал так, словно его обладательница привыкла командовать. – Идешь от станции «Пушкинская» в сторону Кремля, поняла? Идешь по той стороне, где ювелирный магазин, ясно?

– Там по обеим сторонам есть ювелирные магазины! – наконец вмешалась Анжелика.

– Ну, не по той стороне, где «Елисеевский», а по другой! Тут ювелирный будет раньше, чем там! Я же ясно объясняю!

– Ясно... Но зачем нам встречаться? Кто вы, можно все-таки узнать?

– Говорю – узнаешь, – отрезала та, впрочем, без особого раздражения. – Ты меня поняла? И первое уличное кафе будет то самое. Там загородочка, зеленый коврик в виде лужайки, парочка пластиковых столиков и мерзкая жратва. Вот там ты и будешь сидеть.

– А в другом месте встретиться нельзя? – Анжелику все это очень занимало, но в то же время она чувствовала тревогу. С какой стати эта женщина называет ее на «ты»? Они ведь не знакомы. И откуда она выкопала алиби? И кто она такая?!

– Мне удобно в этом. Так, давай договоримся, во что ты будешь одета.

– Зачем?

– Чтобы я тебя узнала.

– А вы меня не знаете? – удивилась Анжелика.

– Нет, не видела. Да я все объясню, не переживай. Ну, что ты наденешь?

– Н-не знаю... Я буду, наверное, в белых брюках и белой кофточке...

– Наверное или точно?

– Точно.

– Да, лучше возьми что-нибудь в руки, чтобы я тебя точно узнала.

– А что?

– Журналы у тебя какие есть?

– Могу взять «Путешественник», – предложила Анжелика. Этот номер журнала она купила, чтобы узнать цены на поездки по Луаре, когда готовила версию для следователя. Ее собеседница немного удивилась:

– А что это за журнал?

– Про отдых и туризм.

– А-а-а... Ладно, пусть будет «Путешественник». Так ты запомни – в шесть тридцать! И не опаздывай. А если я чуточку задержусь, дождись. Я сама к тебе подсяду.

– А нам нужно встретиться?

– Это больше тебе нужно, чем мне.

В голосе явно слышалось превосходство. И что-то еще. Угроза? Насмешка? Анжелика с удовольствием отказалась бы встретиться с этой женщиной, но сделать это после того, как она воспользовалась липовым алиби... Такой шаг был бы слишком рискованным. И она обреченно спросила:

– А вас я как узнаю?

– Я сама тебя узнаю. Все, до встречи.

Трубку положили.

«Какое хамство все-таки... Что она себе позволяет? Почему говорит в таком тоне, если даже не знает меня? Меня-то она не знает, зато, кажется, слишком много знает о смерти Игоря... Иначе, при чем тут мое алиби? Ну, уж про алиби-то я все узнаю!» И все же она предпочла бы никогда не слышать этого голоса. Голос был напористый, наглый, самоуверенный. Голос командовал. Голос не терпел возражений и ничего не желал объяснять. Слишком многие

люди пытались командовать Анжеликой. Она таких людей ненавидела, и все же что-то мешало ей сразу ответить «нет». Робость? Любопытство?

Она перемыла посуду, слегка прибралась, набила нижний ящик шкафа скопившимся за последнее время грязным бельем. Хозяйственные хлопоты, как всегда, давались через силу. Теперь они стали почти бессмысленными: Игоря нет, никто не упрекнет ее за грязную чашку, за несвежее постельное белье, за мутные оконные стекла. «Я не понимаю, – раздумывала она за уборкой. – Почему он со мной не развелся? Теперь выясняется, что у него были как минимум две любовницы. Блондинка и наша дорогая соседка. Не знаю, как обстояло дело с блондинкой, но Ада Дмитриевна ему просто в рот смотрела, если верить Юре... И вообще, у него не могло быть проблем с женщинами. Симпатичный, молодой, обеспеченный, серьезный. Разве что чересчур серьезный. Но может, это только со мной он был таким? Чтобы держать меня в узде? Он мог найти себе идеальную жену. Она бы не знала, как выглядят карты, понятия не имела ни о пароходе «Александр Блок», ни даже о таком поэте, прекрасно бы одевалась, готовила экзотические блюда, прыгала перед Игорем на цыпочках и нуждалась бы в его мудрых советах. А я? Зачем я была ему нужна? В безумную любовь я не верю. Я впечатлила его тогда на набережной, в день нашего знакомства, это было сразу видно. Он глаз с меня не сводил, казалось, встретил девушку своей мечты. Но потом я, кажется, сделала все, чтобы его отпугнуть. Так в чем же дело? Почему он терпел?»

В преддверии встречи с незнакомкой она волновалась. Заранее проверила, готов ли ее наряд, в котором она обещала появиться в уличном кафе. Вещи были чистые, она отгладила брюки и повесила их на спинку стула. День был теплый, но душный, облачный. Накинув короткий халатик, она в тревоге выходила на балкон, осматривала небо и нюхала ветер, не пахнет ли дождем, не сорвется ли встреча?

Звонок в дверь застал ее на полдороге к кухне. Она как раз собиралась перекусить. В одной руке у нее была незажженная сигарета, в другой – тонкие белые носки, которые она собиралась надеть. Анжелика замерла, обернулась и посмотрела на дверь. Позвонили еще раз. «А я не боюсь, – поняла она. – Я знаю, кто это. Юра. Ему нужны мои показания».

Звонок назойливо повторился. Она окончательно убедилась, что звонит Юра, она ведь вчера забрала у него ключи от квартиры! Эта сцена до сих пор ее смущала, уж чересчур неприятно было обнаружить, что дом, где ты спишь, прячешься, чувствуешь себя в безопасности – открыт кому-то постороннему. Она на цыпочках подкралась к двери, прислушалась. На площадке было тихо. Ей в голову вдруг пришла мысль: Саша и Лена тоже стояли и звонили, и в первые два раза Игорь так же подходил к двери и слушал... Что мешало ему открыть? Откуда он мог знать, что за дверью – смерть? Что-то чувствовал? Что-то знал? Она ничего не знала, и ничего не чувствовала. Она просто не хотела, не могла открыть, хотя не было ничего легче, чем протянуть руку, повернуть ручку замка, увидеть Юру...

На площадке был шершавый цементный пол. Она услышала, как по этому полу шаркнула подошва. За дверью кто-то топтался и молчал. Потом услышала, как звякнули перила, кто-то взялся за них рукой, они всегда так при этом звякали... И шаги вниз по лестнице. Вниз, а не в квартиру напротив. Она решилась, отодвинула крышечку с глазка, выглянула. На площадке пусто. Дверь напротив закрыта. Тогда Анжелика отперла свою дверь и выскочила на площадку, перевесилась через перила. Перила гудели уже где-то на первом этаже – видимо, посетитель бежал, а не спускался шагом. Она вернулась в квартиру, захлопнула дверь, побежала на кухню, чтобы выглянуть в окно и увидеть выходящего из подъезда. Но явно опоздала, смотрела минуты две, а из подъезда никто не вышел. Визитер явно покинул двор прежде, чем она успела занять наблюдательный пост у окна. Только девочки все еще играли в классики, да старушка ковыляла вслед за своей облезлой белой болонкой, да появился в поле зрения сосед, тот самый, которого она вчера встретила у гаражей. А парня не было.

«А почему парня? – спросила она себя. – Может, приходила наша блондинка?» Анжелика и сама не могла сказать, почему была уверена, что в дверь звонил мужчина. Молчание, шарканье подошвы большого размера, звон перил, когда за них ухватилась тяжелая рука, скорость, с которой тот скрылся... «И к тому же, – грустно пояснила она себе, – если бы это была блондинка, от нее, наверное, пахло бы моими духами... А на площадке не пахло ничем». Ей стало не по себе, но от мысли перекусить она не отказалась. Мать привезла гору продуктов, видимо, считала, что дочь убита горем и теперь нуждается в доставке на дом. Анжелика вытащила колбасу, кетчуп, сделала бутерброд, налила кружку томатного сока. Есть она отправилась на балкон, не для того, чтобы наблюдать за своим подъездом (тем более что он был с другой стороны дома), а просто для разнообразия. В тот миг, когда бутерброд исчез, кружка наполовину опустела, а на душе стало поспокойнее, ее окликнули. Она испуганно завертела головой. И увидела Юру. Он высовывался из окна своей квартиры, а в хрущевском доме все расстояния были минимальными. Если бы Юра протянул свою длинную руку, он бы смог не только окликнуть Анжелику, но даже хлопнуть ее по плечу.

– Напугал! – пробормотала она с набитым ртом и поставила кружку на подоконник. – Это не ты ведь ко мне в дверь звонил?

– Нет, я только проснулся.

– Хорошо спишь, совесть чиста? – насмешливо спросила она.

Он ничего не ответил. Наверное, предпочел сделать вид, что не помнит, как он вчера уснул в квартире Анжелики, в бывшей комнате ее мужа, и что рассказывал, и как плакал, и как Саша тащил его к матери, а Юра ни за что не хотел уходить.

– Знаешь, – сообщила ему Анжелика. – Я хочу поменять замки в двери.

Юра поморгал, вспоминая, видимо, вчерашний эпизод с ключами.

– Разумно, – выдавил он наконец. – Тебе надо быть осторожнее. У меня голова болит...

– Заработался? Сходи в клуб «Ла Кантина», там недурно кормят. Мексиканская кухня.

– Где это?

– На Тверской.

– А, у нас там квартира, – откликнулся он.

Анжелика изумилась и недоверчиво на него посмотрела:

– Серьезно? Квартира на Тверской?

– Да, четыре комнаты. Это отцовская квартира. А эта – мамина. Мы ту квартиру сдаем. Мать же не работает, а я учусь.

– И за сколько сдаете?

– Не спрашивай, – загадочно ответил Юра.

Она прониклась к нему уважением – не каждому выпадает счастье жить на Тверской! А сосед, похоже, также почувствовал, что его акции повысились, и довольно бодро спросил:

– Сходим куда-нибудь поесть?

– Тебе мать не готовит?

Он погас, пожал плечами. Девушка закурила, протянула сигарету, он взял. Теперь они были совсем рядом: она в углу балкона, парень прижался к косяку окна. Анжелика даже видела, какого цвета обои в той комнате, где он стоит. Зеленые в бежевую полоску.

– Она дома? – шепотом спросила Анжелика.

– Уехала в парикмахерскую.

– Ну, как она? Узнала, что ты разболтал?

– Я тебя прошу, по возможности не вспоминать об этом, – мрачно заметил он.

– Ну, подумай! Я же никому не скажу.

– А нас весь дом слышит.

– Как это?!

Он показал вниз, и она увидела, что в окне под ним красуется женщина лет тридцати с испытанным, дегенеративным лицом. Соседка встретила взгляд Анжелики без всякого смущения и даже не двинулась с места. Анжелика возблагодарила бога, что не ляпнула чего-нибудь неподходящего. И одновременно разозлилась. Кивнула вниз, спросила:

– А откуда ты знаешь, что она там? Ты же не мог видеть!

– А перегар не чувствуешь?

Она потянула носом, убедилась в его правоте. Грустно сказала:

– Тогда ладно, потом поговорим. Я, честно говоря, думала, что это ты ко мне в дверь звонил, по вчерашнему делу пришел, как договорились. Помнишь, как я к тебе бегала?

– Что? А... Знаешь, тебе не стоит самой лезть... Когда спросят – тогда ответишь. А то с чего бы ты стала о нас говорить, да? Получается, что мы тебя попросили?

– Ты прав. Слушай, ты очень осторожный человек, наверное? – Анжелика заговорила смелее, потому что дегенератка исчезла и даже закрыла за собой окно.

– Я-то осторожный, но пользы это мне никогда не приносит. А можно, я к тебе зайду?

– Нет, – она с ужимкой взяла с подоконника пустую кружку. – Я сейчас ухожу.

– По делам? – У него был вид собаки, с которой хозяин отказался погулять.

Она посоветовала:

– Да развлекись ты, не кисни! Такой здоровый парень, а сидишь с мамой и расстраиваешься из-за ее грехов...

– Тише!

– Ее нет, – Анжелика глянула вниз. – И вообще, ты слишком много боишься. Я вот ничего не боюсь.

И с триумфом покинула балкон, даже не дождавшись ответа. Посмотрела на часы. Дома не сиделось, хотя до назначенного свидания было далеко. Чтобы скоротать ожидание, вымыла голову, как могла, уложила волосы, слегка накрасилась. Затем оделась, зашнуровала легкие бежевые башмаки, уложила сумку. А потом ей не оставалось ничего иного, как взглянуть в зеркало и уйти из дома.

Перед подъездом она едва не упала – на нее налетела растрепанная белокурая девчонка. Она бежала за биткой, вылетевшей за пределы классиков, и в азарте не заметила Анжелику.

– Черт, – заметила Анжелика.

Девчонка отбросила с глаз волосы, глянула на нее и побежала прочь. Анжелика про себя осудила нынешнюю молодежь и вмиг почувствовала себя солидной пожилой женщиной. Сделала пару шагов, увидела свою знакомую – девочку, которая не умела играть в классики. Анжелика припомнила, что девочка вроде бы из соседнего подъезда. Она прожила в этом доме семь лет, но так ни с кем и не познакомилась. Она попыталась припомнить имя девочки. Бесполезно. Тогда она просто улыбнулась ей и кивнула:

– А ты что не играешь?

Девочка пожала плечами. Она была нескладная, но довольно симпатичная. Крупные веснушки, вздернутый нос, темно-русые волосы до пояса. Девочка рассмотрела наряд Анжелики и, видимо, впечатлилась.

– Слушай, – Анжелика остановилась, помахивая сумкой. – А ты не видела случайно, из этого подъезда не выходил незнакомый парень?

– Парень? Да, видела.

– Серьезно? А какой он был из себя? Понимаешь, мне кто-то в дверь звонил, я не открыла.

– А он такой, – смущенно ответила девочка. – Ну, высокий, толстый...

– Толстый?

– Не очень толстый... – Девочка начинала улыбаться. – Но у него пузо. Наверное, от пива.

«Ишь, разбирается в пиве и в парнях!» – усмехнулась про себя Анжелика. И в то же время ей стало не до смеха, среди ее знакомых такого персонажа не было.

– А он блондин, брюнет?

– Он очень коротко стрижен, почти наголо... – задумалась девочка. – Я не знаю... Что-то среднее.

– Ну, спасибо тебе, – вздохнула Анжелика. – Как тебя звать?

– Света.

– А меня Лика.

– А я знаю. У вас мужа убили, – кивнула девочка и, сообразив, что надо было сказать что-то другое, страшно смутилась, даже попробовала отвернуться. Но Анжелика грустно усмехнулась:

– Точно, это я и есть. Ну, пока?

Света что-то хмыкнула, так и не оправившись от смущения. Анжелика отправилась в путь.

Конечно, на место она прибыла слишком рано. Пришлось болтаться по Тверской взад-вперед, благо погода позволяла и толпа была не слишком густая. Анжелика зашла в пару магазинов, рассмотрела косметику в «Диоре», потом себя в одной особенно приятной витрине – с зеркальными золотистыми стеклами. В этих золотых зеркалах любое лицо казалось моложе и красивее, чем на самом деле. Она осталась очень довольна собой. Какой-то парень уставился на нее во все глаза. Какой-то седой грузный мужчина, сидевший в своей шикарной машине, просто съел ее взглядом. Она на миг позабыла все свои печали, купаясь в откровенном мужском внимании. Наконец девушка сделала вывод – пора отправляться на место встречи. Кафе нашла без труда. Занят был только один столик из трех. Там сидела компания из трех однообразных парней – джинсы, кожа, грязные ботинки. Она уселась за свободный столик, заказала по бешеной цене бутерброд и пиво и настроилась ждать. Было ровно шесть тридцать. Спокойно ей удалось просидеть минуты три, потом началось...

– Девушка, – окликнул ее один из трех веселых парней. – Хотите, я вам куплю шоколадку?

– Нет, – ответила она, не поворачиваясь и нервно вглядываясь в толпу. Она уже сообразила, что ждать в такой компании будет нелегко.

– А мармеладку? – спросил другой парень.

– Девушка! – Это был третий.

Она твердо решила больше не отвечать, это только провоцирует их на продолжение разговора. Открыла сумку, заглянула туда в поисках какого-нибудь чтива. Всегда легче отмалчиваться, когда смотришь в книжку. И выругалась (про себя, разумеется) – в сумке не было журнала! Она напрочь про него забыла! Теперь ей стало еще тревожнее. Толпа текла себе мимо, многие бросали на нее взгляды – и мужчины, и женщины, и одна из этих женщин, возможно, была той самой, что назначила ей встречу... Но почему же она не подойдет? Разве можно предположить, что в таком крохотном паршивом уличном кафе окажутся две брюнетки в белых одеждах? Кроме того, никого рядом вообще нет, если не считать нахальных парней. Спутать Анжелику с кем-то нельзя! Так почему же...

– Ну, девушка...

Ее обдало вонью немытого тела. Один из парней навис над ее столиком. Он был вроде не пьян, но глаза нехорошие, будто он их тоже не мыл. Грязные глаза, тупые и злые. Анжелика схватилась за свою сумочку и отвела взгляд.

– Девушка, почему вы с нами не хотите выпить?

Надо было уходить. Но уйти было нельзя. Анжелика беспомощно оглянулась по сторонам и вдруг увидела путь к спасению – из-за кофейного автомата, обслуживающего это заведение, высунулся накачанный детина с трехдневной щетиной на щеках и даже на шее. Он мигом

оценил обстановку и вылез из-за своего автомата еще немножко. Габариты у него были внушительные. Странно, что этот молодой гигант промышлял варкой кофе и подогревом кислых «баварских» колбасок. Ему, скорее, пристало бы пробивать голыми руками дверцы сейфов. Выражение лица у него было соответственное. Анжелика послала ему умоляющий взгляд. Он, не торопясь, вышел к столикам.

– Какие проблемы?

– Никаких, – обернулся пристававший к Анжелике парень.

– Не мешайте девушке отдыхать, – посоветовал ему громила. Анжелика вздрогнула и крепче сжала сумку, готовясь дать деру. Ей показалось, что сейчас заварится драка. Но ничего подобного не произошло. Парни уселись за свой столик и стали о чем-то шептаться и громко ржать, громила вернулся за свой кофейный агрегат, не удостоив Анжелику прощальным взглядом. Она потягивала пиво и то и дело смотрела на часы. Без пятнадцати семь. Без десяти. Без пяти.

Майский вечер утерял всю свою прелесть, парни ушли, но зато на их месте появились другие посетители, все столики были заняты, подсели и к Анжелике. А она все сидела с пустой банкой из-под пива и огрызком бутерброда, но без журнала, без опознавательного знака и уже без всякой надежды. Она смотрела на толпу. Толпа смотрела на нее. В семь тридцать она встала и ушла. Ждать больше она не могла. Это не имело смысла.

Когда Анжелика подходила к своему дому, наконец брызнул дождь. Крупные холодные капли шлепнулись ей на голову, на плечи, она вздрогнула и побежала. Рванула дверь подъезда, поспешила вверх через две ступеньки, хотя здесь, конечно, промокнуть не могла. На третьем этаже запыхалась – в ушах шумело, не хватало воздуха. На четвертом сбавила шаг. На подходе к своей площадке едва не споткнулась. Выпрямилась, почувствовала у себя за спиной какую-то преграду. Хотела обернуться, но в этот миг чья-то большая горячая ладонь зажала ей пол-лица. Анжелика издала сдавленный хрип, рванулась, лягнула чью-то ногу. У нее было ощущение, что сзади находится шкаф – тот, кто держал ее, был высокого роста и солидных габаритов. И бороться с ним было так же бесполезно, как бороться с падающим на тебя шкафом. Она хотела закричать, но рот был наглухо перекрыт, а вместе с ним и нос. Она попыталась укунить ладонь. Ладонь была солоноватая, бесчувственная. Воздуха не хватало. В глазах мутилось. На ухо ей прошептали:

– Дома кто-нибудь есть?

Она замерла, не в силах даже помотать головой. Так страшно ей не было никогда в жизни.

– Открой дверь, – прошептал тот, кто держал ее. – И без своих фокусов, поняла?

Она ничего не понимала. Он другой рукой быстро ощупал карманы ее брюк, сорвал с ее плеча сумку, тряхнул ее, звякнули ключи. Эти ключи он вложил ей в правую руку. Она их едва не уронила. Подталкивая свою жертву сзади, он подтащил ее к нужной двери и прошептал:

– Открывай.

Она попыталась вставить ключ в замок, но не смогла: в глазах стоял туман и туман противно звенел. От страха и нехватки воздуха Анжелика ослабела. Если бы он выпустил ее, она бы упала. Видимо, до ее мучителя дошло, что девушка не может справиться с замками. Тогда тот вынул из ее пальцев ключи и неуверенно, путаясь в замках, сам отпер дверь. Толкнул Анжелику в спину. Она оказалась в собственной прихожей. За ней захлопнулась дверь, щелкнул замок. На миг ей удалось глотнуть воздуха – его ладонь уже не так плотно прижималась к ее лицу. Она ахнула и попыталась издать что-то вроде крика, но тут же оказалась на полу. Удар был оглушительный, безжалостный. Он бил по лицу. Раз, другой. Склонился над ней в полутьме прихожей, делал шаг за шагом и бил. А она, как упала на пол, так и не могла подняться. Все, что она могла сделать, – это отползать в сторону кухни задом наперед, не сводя с него безумных глаз и открывать рот для крика. Но кричать она не успевала – удары сыпались один

за другим. Ее никогда в жизни не били. Только Игорь, один раз, но разве это могло сравниться с этим шквалом жестких оплеух!

– Ты, значит, думала, что я тебя не найду? – спросил он, делая еще шаг и беря ее за дрожащий подбородок.

– В-ва-вва... – выдавила Анжелика, подчиняясь движению его руки, – он запрокидывал ее лицо назад, все дальше и дальше, словно собирался проверить, насколько можно удлинить ей шею. От следующего удара она стукнулась затылком об пол и теперь лежала навзничь, глядя на него, пытаясь согнуть колени, приподняться на локтях, сделать хоть что-то, хоть что-то понять... Она не знала его, она ему ничего не сделала!

Он схватил ее за плечи и швырнул в открытую дверь большой комнаты. Там падение немного смягчило ковровое покрытие, девушка снова попыталась приподняться, и он ей даже помог – его рука снова подцепила снизу ее подбородок. Теперь она почти сидела – спиной к окну, лицом к нему... Наступила тишина, и стало слышно, как хлещет по стеклам балкона дождь. Теперь Анжелика рассмотрела его. Высокий, плотно сложенный, одетый банально: хорошие джинсы, трикотажное синее поло. Стрижка очень короткая, темно-русые волосы, лицо... Оно было бы приятным, если бы его не искажало выражение дикой злобы. Короткий прямой нос, заломленные тонкие брови, прозрачные светлые глаза. А в глазах происходило что-то странное. Он смотрел на нее сперва яростным, невидящим взглядом, когда втолкнул в комнату и бросил на пол. Потом во взгляде появилось что-то иное, он протянул к ее лицу другую руку, она зажмурилась... Но удара не последовало – теперь обе его ладони придерживали ее щеки и виски, будто он собирался притянуть ее к себе и поцеловать, как это делают в кино... Девушка все еще не решалась открыть глаза. Потом услышала короткий вздох – это вздохнул он, странно, со свистом втянув в себя воздух. Тогда она все же открыла глаза и увидела на его лице выражение безграничного изумления, потом – растерянности, потом – испуга...

– Вот черт... – пробормотал он и разом отнял ладони от ее лица. От неожиданности она чуть не упала, но вовремя оперлась локтем о пол. Он развернулся и исчез в коридоре, спустя мгновение хлопнула входная дверь. Анжелика села как следует, потом встала на четвереньки и быстро поползла вслед за ним. Встать на ноги она почему-то не решилась – сильно кружилась голова. Входная дверь была закрыта. Анжелика подползла к ней, подергала за ручку, убедилась, что замок защелкнут, что незнакомец действительно ушел... Всхлипнула, опустила на пол. В колено уперлось что-то твердое. Ключи. Ее ключи. Он бросил их, когда убегал. Она сжала ключи в кулаке и бесшумно, горестно, изумленно заплакала...

Глава 9

– Маша! Машка! – Мужчина кричал, но его сорванное, обожженное алкоголем горло подводило: голос то срывался на тихий хрип, то «давал петуха». – Я тебе говорю?!

В кухню, не торопясь, вошла молодая женщина в потрепанном фланелевом халате, продранном на локтях. Лицо у нее было осунувшееся, замученные глаза с тоской смотрели на мужчину. В руке у нее была расческа – когда он позвал, женщина была в ванной. Она расчесалась, заложила за уши пряди белых волос и спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.